

**МАСТЕРА
СОЦИОЛОГИИ**

Энтони Гидденс

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТИМНОСТИ

Сексуальность,
любовь и эротизм
в современных обществах

 ПИТЕР®

**МАСТЕРА
СОЦИОЛОГИИ**

Anthony Giddens

**THE TRANSFORMATION
OF INTIMACY**

**Sexuality,
Love and Eroticism
in Modern Societies**

Polity Press

Энтони Гидденс

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТИМНОСТИ

Сексуальность,
любовь и эротизм
в современных обществах

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2004

Энтони Гидденс

Трансформация интимности

Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах

Перевел с английского В. Анурин

Главный редактор	<i>Е. Строганова</i>
Зам. главного редактора	<i>Е. Журавлёва</i>
Заведующий редакцией	<i>Т. Калинина</i>
Руководитель проекта	<i>Н. Кулагина</i>
Литературный редактор	<i>В. Пахальян</i>
Художник	<i>Р. Яцко</i>
Корректоры	<i>Е. Силаева, О. Толмачева</i>
Верстка	<i>М. Аввакумов, В. Каганков, О. Сергеева</i>

ББК 60.561.54

УДК 316.6

Гидденс Э.

Г46 Трансформация интимности. — СПб.: Питер, 2004. — 208 с.

ISBN 5-469-00133-4

Это одна из последних работ выдающегося английского социолога Энтони Гидденса, известного русскому читателю по учебнику «Социология» и недавно изданной монографии «Устроение общества». В предлагаемом труде проводится социологический анализ современной сексуальной революции на Западе. Книга адресована обширной аудитории — преподавателям и студентам, всем интересующимся проблемами сексуальности в общем контексте жизнедеятельности.

© Copyright 1992 by Anthony Giddens

© Перевод на русский язык, ЗАО Издательский дом «Питер», 2004

© Издание на русском языке, оформление, ЗАО Издательский дом «Питер», 2004

Права на издание получены по соглашению с Polity Press.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

ISBN 5-469-00133-4

ISBN 0-7456-1012-9 (англ.)

ООО «Питер Принт», 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 67в.

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная.

Подписано к печати 29.04.04. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 13. Тираж 4000. Заказ 711

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Техническая книга».

190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 29.

Оглавление

Сексуальная революция на марше (предисловие переводчика)	7
Предисловие	29
Введение	30
Глава 1. Повседневные эксперименты, связи, сексуальность	33
Социальное изменение и социальное поведение	37
Гетеросексуальность, гомосексуальность	41
Глава 2. М. Фуко о сексуальности	45
Сексуальность и институциональное изменение	49
Институциональная рефлексивность и сексуальность	55
Падение извращенности	59
Глава 3. Романтическая любовь и другие привязанности	62
Брак, сексуальность и романтическая любовь	63
Гендер и любовь	66
Глава 4. Любовь, привязанность и чистые отношения	72
Роман-поиск	73
Женщины, браки, связи	76
Женщины, мужчины, романтическая любовь	80
Романтическая любовь против любви-слияния	82
Глава 5. Любовные, сексуальные и другие пагубные пристрастия	86
Секс и желание	88
Природа пагубного пристрастия	91
Пагубное пристрастие, рефлексивность, самоавтономия	95
Подтексты сексуальности	97
Сексуальность и обольщение	102
Глава 6. Социологическое значение созависимости	106
Природа созависимости	107
Пагубное пристрастие и вопрос интимности	111
Интимность, родство, родительство	114

Родители и дети	117
Токсичные родители?	122
Глава 7. Турбулентность личности, сексуальные расстройтва	128
Сексуальность и психоаналитическая теория: предварительные замечания	129
Психологическое развитие и мужская сексуальность	132
Мужская сексуальность, принудительность, порнография	134
Мужское сексуальное насилие	138
Женская сексуальность: проблема комплементарности	141
Гендер, интимность и забота	146
Глава 8. Противоречия чистых отношений	149
Чистые отношения: разрыв и создание	150
Лесбиянство и мужская сексуальность	154
Гомосексуальность и эпизодические сношения	158
Мужчины и женщины: вместе или по отдельности?	161
Разделение полов	165
Глава 9. Сексуальность, репрессия, цивилизация	170
Секс и репрессия: В. Райх	170
Герберт Маркузе	174
Возможности сексуального радикализма	178
Институциональная репрессия и вопрос сексуальности	182
Современность как навязчивая идея	185
Сексуальная эмансипация	187
Заключение	190
Глава 10. Интимность как демократия	191
Значение демократии	191
Демократизация личной жизни	195
Механизмы	198
Сексуальность, эмансипация, жизненная политика	202

Сексуальная революция на марше (предисловие переводчика)

Энтони Гидденс, директор Лондонской школы экономики и политологии, бесспорно, представляет собою крупную фигуру не только в британской, но и во всей современной мировой социологии¹.

Круг его научных интересов достаточно широк. Еще в начале своей профессиональной карьеры он утвердил себя как один из ведущих интерпретаторов классической социологической теории. Большинство западных социологических изданий энциклопедического типа отмечают также его значительный вклад в современный анализ классовой структуры и социальной стратификации. Он считается, по сути, первооткрывателем довольно авторитетной социологической *теории структуры*. Наконец, на протяжении последних десятилетий он довольно активно занимается исследованиями по проблемам постмодернизма и постмодернити².

Эти проблемы охватывают довольно широкий тематический спектр — доверие и риск, онтологическая безопасность, проблемы самоидентификации в быстро изменяющемся социальном пространстве, новые возможности социальной трансформации и демократизации и т. д. В русле этих последних проблем лежит и исследование современной сексуальной революции, излагаемое в книге «Трансформация интимности».

Само словосочетание «сексуальная революция» встречается в работе, предлагаемой вниманию читателя, не так уж и часто. И тем не менее книга именно об этом — причем, главным образом, в *социологическом* контексте. Надо сказать, что до середины двадцатого столетия проблемы сексуальности и ее взаимопереплетения с социальными отношениями в более широком контексте чаще оказывались в центре внимания пси-

---

¹ Причем, в отличие от многих других своих коллег, довольно хорошо известную русскоязычному читателю. На русский язык переведен ряд его работ, в том числе: Устроение общества / Пер. И. Тюриной. — М., 2003.

² *Post-modernity* — «культурная и идеологическая конфигурация, призванная вытеснить и заместить модернити (то есть современную индустриальную эпоху во всем многообразии ее социальных отношений. — В. А.)» (*Jary D. & Jary, J. Collins Dictionary of Sociology*. — Glasgow: HarperCollins Publishers, 2nd ed., 1995. — P. 509).

хологов (и в особенности психоаналитиков — с легкой руки *З. Фрейда*), нежели становились предметом изучения социологии. Между тем сексуальность в самых разнообразных ее проявлениях — это важнейший аспект социального взаимодействия¹.

Не случайно выдающийся русский и американский социолог *Питирим Сорокин* относил проявления сексуальности и потребности людей в этих проявлениях к одному из трех главных побудительных мотивов, которые оказывают огромное влияние на судьбы целых государств и народов. Сексуальный инстинкт, наряду с пищевым и инстинктом безопасности, он относил к разряду «базовых» или «основных» инстинктов (сам термин, очевидно, заимствован у Фрейда) и утверждал, что именно подавление этих основных инстинктов у населения господствующим режимом и выступает в конечном счете исходным фактором всех социальных революций².

Конечно, на Западе социологический интерес к проблеме сексуальности проявился значительно раньше и получил существенно большее развитие, нежели в России³.

Основная причина такого невнимания заключалась скорее в том, что изучение проблемы сексуальности противоречило господствующим идеологическим установкам общества «реального социализма» (если даже оставить в стороне тот факт, что и сама теоретическая социология получила у нас статус самостоятельной научной и учебной дисциплины лишь в конце 80-х — начале 90-х гг.).

Довольно широкий круг литературных источников, цитируемых и обсуждаемых *Э. Гидденсом*, указывает на огромный интерес — причем не только психологический, но уже и социологический — к проблеме сексуальности на Западе. По упомянутой выше причине ни одного российского автора среди этих источников нет. В самом деле, вероятно, можно буквально по пальцам пересчитать тех отечественных социологов, которые обращались к этой проблеме (мы не говорим, разумеется, о специальных публикациях гинекологической, психологической, пси-

---

¹ Современный британский социологический толковый словарь (*Jary D. & Jary J. Collins Dictionary of Sociology*. — Glasgow: HarperCollins Publishers, 2nd ed., 1995. — P. 590–591) дает *семь* различных определений социологического понятия «sexuality».

² См.: *Сорокин П. Социология революции // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество*. — М.: Политиздат, 1990. Между прочим, Сорокин был одним из первых социологов, отметивших наступление сексуальной революции (см.: *Sorokin P. The American Sexual Revolution*. — Boston: P. Sargent, 1956).

³ Хотя первые сексологические опросы начались в России еще в 1904 г. (М. А. Членов); правда, проводились они только в студенческой аудитории.

хоневрологической и вообще медицинской тематики). Один из наиболее серьезных русскоязычных социологов, плодотворно работающий по этой проблеме начиная с 60-х годов, это *И. С. Кон*. Хотя следует отметить, что его первая (и самая известная) книга на эту тему — «Введение в сексологию» — не случайно была опубликована в издательстве «Медицина»¹.

Эта работа носила не столько социологический характер, она, скорее, представляла собою свод самых разнообразных сведений по анатомии, эндокринологии, психологии, этнографии и лишь отчасти — по *социологии* сексуального поведения человека. Среди «чисто социологических» авторов, довольно последовательно разрабатывавших эту проблему в течение последних десятилетий, следует отметить прежде всего петербургского социолога *С. И. Голода*².

В ряду проблем, связанных с изучением стереотипов сексуального поведения, особый интерес в социологическом плане вызывает так называемая *сексуальная революция*. На Западе об этом явлении заговорили в конце 50-х — начале 60-х годов, когда к ее изучению обратились многие известные философы, социологи, психологи, публицисты. Следует сразу отметить при этом, что далеко не все авторы считают те радикальные изменения, которые происходят в сфере социальных норм, регулирующих взаимоотношения между полами, *революцией*. Неоднократно приходилось слышать и читать рассуждения с тех позиций, что здесь мы имеем дело просто с *ускорением эволюционных процессов*³.

«Происходящие в наши дни сдвиги половой морали в поведении часто называют броским, но не слишком определенным термином “сексуальная революция”. Действительно ли это резкая трансформация, “взрыв” традиционных норм или же просто ускоренное продолжение эволюционного процесса, идущего уже несколько столетий?» — таким вопросом задается *И. С. Кон*⁴.

И, к сожалению, несмотря на основательный последующий анализ происходящих изменений, сам он так и не дает, в конце концов, на этот вопрос определенного и однозначного ответа. Поэтому хотелось бы высказать несколько соображений на этот счет.

¹ *Кон И. С.* Введение в сексологию. — М.: Медицина, 1988.

² См. напр.: *Голод С. И.* Личная жизнь: любовь, отношения полов. — Л., 1990; *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. — СПб., 1996, а также многочисленные публикации в периодических изданиях.

³ Хотя ускорение эволюции — это и есть, в сущности, революция.

⁴ *Кон И. С.* Там же. — С. 134.

Согласно определению, любая социальная революция представляет собою не что иное, как тотальное изменение *всех* сторон жизнедеятельности общества — и экономической, и политической, и духовной, — и вообще коренной перелом в характере социальных отношений. Это определение в достаточной степени применимо также к революционным процессам, происходящим и в отдельных крупных сферах социальной жизни — при условии, что в результате таких процессов внутри каждой такой сферы изменениям подвергаются все аспекты социального взаимодействия, то есть фактически совершается *ре-институционализация*. Поэтому мы вправе говорить, скажем, о неких «локальных»¹ революциях, означающих революционные перевороты в каждой из таких сфер, — о «технологической», «управленческой», «научно-технической», «культурной», равно как и «сексуальной» революциях.

Такие локальные революции являются составными частями той или иной глобальной революции. Здесь не следует только забывать: социологический смысл той же, например, «локальной» научно-технической революции состоит не в самих технических изобретениях и новшествах, а в происходящих в результате внедрения этих изобретений *изменениях отношений между людьми* — то есть в трансформациях норм, правил, принципов социального взаимодействия, всей статусно-ролевой системы. Это относится к сексуальной революции в той же мере, как и к любой другой «локальной» революции.

Прежде чем перейти к описанию характерных черт сексуальной революции, необходимо отметить следующий чрезвычайно важный момент: она является следствием и одной из составных частей такого поистине гигантского явления, как *глобальная индустриальная революция*, и, кажется, выступает как своего рода завершающий этап ее. Индустриальная революция начинается, как известно, с *технологической революции*, что выражается в механизации производства, которое благодаря этому приобретает массовый характер. Сердцевину и суть индустриальной революции составляет приведение в действие трех важнейших социально-экономических законов — закона экономии времени, закона возвышения потребностей и закона перемены труда².

---

¹ Подчеркнем еще раз: «локальной» не в историческом — пространственно-временном, — а именно в социологическом контексте, в сопоставлении с любой *глобальной* революцией.

² Подробнее об этом см. в работах: *Анурин В. Ф.* Интеллект и социум. — Н. Новгород, 1997. — С. 191–206; *Анурин В. Ф.* Общая социология. — М., 1998. — С. 405–429.

Впоследствии революционные преобразования постепенно охватывают и все другие сферы общественной жизни: в обществах, охваченных индустриальной революцией, происходит целый ряд *политических революций, культурных революций*, затем управленческих — *революций менеджеров*. В конце концов, революционные сдвиги охватывают и один из самых консервативных социальных институтов — брачно-семейный.

Прежде чем перечислить характерные черты современной сексуальной революции, попытаемся указать на те социальные изменения, вызванные индустриальной революцией, которые становятся основными предпосылками и *факторами*, вызывающими ее к жизни. Вообще говоря, таких факторов можно было бы назвать достаточно много, но здесь мы остановимся лишь на некоторых, наиболее важных, на наш взгляд, изменениях в социальной жизнедеятельности, происходящих при трансформации традиционных обществ в индустриальные.

1. В традиционном обществе патриархальная семья выполняет прежде всего роль *основной хозяйственной единицы*. Поэтому мужчина — отец семейства — здесь не просто муж, отец, кормилец и добытчик. Он — глава производственного предприятия. Это относилось и к крестьянству, и к ремесленникам, и к купечеству, и даже к представителям военных сословий. Современное же технологичное и бюрократизированное производство вытеснило семью из ее древней производительной роли. В современной индустрии больше не представляется возможным ни иметь домашнее хозяйство, которое выполняет производственную функцию, ни переместить семью на те позиции, где имеет место промышленное (а прежде — ремесленное) производство. Даже в аграрном секторе семейные фермы оттесняются на задворки сельскохозяйственного производства, уступая место крупным предприятиям, организованным по индустриальному принципу. Это, разумеется, существенно снижает доминирующую социальную роль мужчины в современном обществе.

2. Напротив, женщина все чаще и активнее вовлекается в собственно производственный процесс принципиально нового типа, где она — во всяком случае, формально — все чаще становится вровень с мужчиной. Механизация, а затем и автоматизация производства последовательно сокращают те производственные секторы, где от работника требуется грубая физическая сила (что в течение многих тысячелетий было биологически обусловленной прерогативой мужчины). Как результат — женщина постепенно, хотя и достаточно быстро по историческим меркам, приобретает все большую *экономическую самостоятельность и независимость*. Причем это парадоксальным образом вносит серьезный вклад в усиление нестабильности моногамной семьи

(в ее исторически сложившихся формах). Дело в том, что женщина перестает ощущать свою экономическую зависимость от мужа. Немало добавило в эту нестабильность и упомянутое выше отделение семьи от производительных функций. *Питер и Бриджит Бергеры* формулируют различия между патриархальной семьей традиционного общества и современной семьей индустриального общества следующим образом: в первой из них «муж, грубо говоря, в гораздо меньшей степени был расположен избавиться от такой жены, которая вносит свой вклад в его работу, нежели от той, которая просто стоит ему дополнительных расходов. И, наоборот, по мере того как женщины во все большем числе входили в состав рабочей силы, женщина, сама получающая зарплату, в гораздо большей степени расположена избавиться от такого мужа, который стал бременем для семьи и препятствием на пути ее собственной карьеры»¹.

3. В индустриальном обществе впервые в истории давление необходимости иметь как можно больше детей — характеристика фактически всех пре-модернистских культур — сменяется тенденцией к ограничению размеров семьи, причем иногда довольно жесткими способами. Впервые для массовой популяции женщин сексуальность оказалась отделенной от хронического круга беременностей и деторождений. Этому в немалой степени способствует и все более широкое распространение эффективных контрацептивных средств. Половой акт все чаще утрачивает чисто *репродуктивные* функции и во все большей степени приобретает *рекреационный* характер, связанный с гедонистическими устремлениями.

4. Процессы секуляризации, столь характерные для индустриальных обществ, все сильнее отодвигают на задний план вмешательство догм религиозной морали, которые в традиционных обществах играют огромную роль в регулировании половых отношений и исполнении сексуальных ролей и сильно влияют на их характер.

5. В традиционных обществах мотивы вступления в брак сплошь и рядом имели форму делового контракта и носили главным образом экономический (а иногда политический) характер. Среди имущих классов это могли быть соображения усиления концентрации — увеличения размеров собственности, приходящейся на одну семью как хозяйственную единицу. Для правящих элитных слоев ведущую роль играли династические соображения, а также стремление к усилению политиче-

¹ *Berger P., Berger B. Sociology: A Biographical Approach. — London: Penguin Books, 1981. — P. 102.*

ского влияния путем объединения усилий разных кланов. Что касается простонародья — крестьян и ремесленников, — то здесь основной причиной выбора брачного партнера было стремление заполучить новых работников в семейное предприятие. А после заключения брака одним из основных (хотя, может быть, не всегда эксплицитных) мотивов вступления супругов в половой акт было производство новых работников. Как утверждает Э. Гидденс, «вряд ли жизнь, наполненная непрестанным тяжелым трудом, могла направляться страстью. Утверждают, что в семнадцатом веке среди женатых крестьянских пар Франции и Германии поцелуй и ласки были крайне редким явлением». Хотя в то же самое время здесь «возможности, которыми располагали для внебрачных связей мужчины, были сколь угодно многочисленными»¹.

В индустриальных обществах эти мотивы все более размываются, уступая место личностному влечению.

Попробуем теперь перечислить основные *последствия* и наиболее *характерные проявления* современной сексуальной революции (выступающей, напомним, составной частью глобальной индустриальной революции)².

В начале седьмой главы своей книги Э. Гидденс перечисляет шесть сфер сексуальности, которые претерпели революционные изменения в двадцатом веке (то есть фактически — при завершении перехода от традиционного порядка к индустриальному). Мы не будем перечислять эти приводимые им характерные черты сексуальной революции — читатель может сам ознакомиться с ними в тексте. Отметим лишь, что мы обнаружили девять такого рода атрибутов (признаков), причем не все они совпадают с теми, которые приводит автор³.

Анализ различных работ, посвященных этой проблеме (в том числе и книги самого Гидденса), позволяет, помимо изменений, вносимых в традиционный институт моногамного брака, выделить следующие характерные черты этого феномена:

- 1) стирание двойного стандарта в половой морали;
- 2) отделение сексуальности от функции воспроизводства;

---

¹ Giddens A. The Transformation of Intimacy. — Cambridge, 1997. — P. 38.

² Мы говорим здесь о «современной», имея в виду, что первой сексуальной революцией следует, вероятно, считать институционализацию моногамного брака и патриархальной семьи — как составную часть аграрной революции.

³ См. Анушин В. Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социологические исследования. — 2000, № 9.

- 3) признание права женщин на обладание собственной сексуальностью и на получение сексуального наслаждения;
- 4) усиление открытости сексуальной сферы;
- 5) коммерциализация секса;
- 6) повышение толерантности¹ к добрачным половым связям;
- 7) повышение толерантности к нетрадиционным формам совершения полового акта;
- 8) повышение толерантности к гомосексуальным отношениям;
- 9) расширение разнообразия сексуальной практики в массовом масштабе.

Все эти аспекты в той или иной степени и по разным поводам затрагиваются в книге Гидденса. Здесь, вероятно, было бы небезынтересно сравнить некоторые эмпирические данные, приводимые этим автором (и относящиеся, главным образом, к американскому и английскому опыту), с данными нашего собственного исследования, проведенного четыре года назад в Нижнем Новгороде и посвященного изучению некоторых из приведенных выше характеристик современной сексуальной революции. А пока поговорим чуть подробнее о сущности некоторых из них.

Начнем с одного из наиболее знаковых атрибутов — стирание *двойного стандарта* половой морали. Речь идет о том, что со времени возникновения института моногамного брака и патриархальной семьи половая мораль содержала в себе нормативы и стандарты для оценки сексуального поведения, которые существенно различались для мужчин и для женщин. «Господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство, — такова была исключительная цель единобрачия...»²

От женщины требовалось неуклонное сохранение верности мужу, любые ее попытки даже самого невинного флирта с другими мужчинами расценивались как моральная распущенность. Причем, как указывает Гидденс, и за пределами собственно брачных отношений большинство женщин разделялись на добродетельных и пропащих; при этом «пропащие женщины» существовали лишь на задворках респектабель-

¹ Понятие *толерантность* здесь используется в смысле «терпимость к чужим убеждениям, верованиям, поведению».

² *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. В 3-х тт. Т. 3. — М., 1983. — С. 269.

ного общества. «Добродетель» же длительное время определялась главным образом с позиций женского отказа поддаться сексуальному искушению — отказа, поддерживаемого различными институциональными установлениями, такими, например, как ухаживание под присмотром пожилых дам, вынужденные браки и так далее.

С другой стороны, мужчины традиционно рассматривались — и не только ими самими, но также и женщинами — как существа, требующие сексуального разнообразия для поддержания своего сексуального здоровья. Для мужчин считалось общепринято приемлемым вступать до брака в многочисленные сексуальные связи, да и после вступления в брак двойной стандарт продолжал оставаться весьма реальным и распространенным явлением. Гидденс приводит в своей работе утверждение *Лоуренса Стоуна* о том, что в Англии вплоть до самого недавнего времени существовал довольно жесткий двойной стандарт относительно сексуального опыта мужчин, с одной стороны, и женщин — с другой. Даже единственный акт адюльтера со стороны жены считался «непростительным нарушением закона о собственности и идеи наследования», и когда он раскрывался, это приводило к карательным мерам. Напротив, адюльтер со стороны мужа широко расценивался как «достойная сожаления, но вполне понятная слабость».

Исчезновение (точнее, постепенное стирание) двойного стандарта совсем не обязательно означает, что новая половая мораль начинает с одобрением или хотя бы с большей терпимостью относиться к таким типам сексуального поведения, которые прежде рассматривались как аморальные (хотя и это в определенной степени имеет место). Речь идет скорее о том, что *одинаковые отклонения от норм сексуальной морали и у мужчин, и у женщин все чаще оцениваются одинаково* — или в равной степени осуждаются, или в равной степени одобряются. Разумеется, как утверждает Гидденс, «двойной стандарт все еще существует, но женщины более не желают терпимо относиться к той точке зрения, что если мужчины нуждаются в разнообразии, и поэтому от них следует ожидать, что они пустятся во внебрачные приключения, то сами они не должны вести себя подобным образом»¹.

Можно ли утверждать, что стирание двойного стандарта наблюдается в России?

В упомянутом выше эмпирическом исследовании мы изучали отношение наших респондентов к различным типам сексуального поведе-

¹ Giddens A. The Transformation of Intimacy. — Cambridge, 1997. — P. 12.

ния мужчин и женщин для различных категорий опрошенных, вводя специальную количественную меру — *индекс двойного стандарта*. Здесь, разумеется, не место для пространных объяснений методик этих расчетов¹.

Приведем лишь некоторые результаты, которые в ряде случаев оказались для нас несколько неожиданными.

Так, сравнивая между собою индексы двойного стандарта для поколения «отцов» (респондентов возрастной группы старше 41 года) и для «детей» (респондентов до 25 лет), мы убедились, что по каждому из типов нестандартного поведения сегодняшние «дети» оказались куда консервативнее «отцов», проявив более высокие уровни двойного стандарта. Конечно, не исключено, что старшее поколение становится несколько терпимее по мере приобретения жизненного опыта, однако это никоим образом не вытекает из общей концепции сексуальной революции и не связано с нею.

Если же мы обратимся к сравнению оценок, которые дали различным формам нетрадиционного² сексуального поведения респонденты-мужчины и респонденты-женщины, то обнаружим в определенной степени аналогичную картину: индекс двойного стандарта у респондентов-женщин по всем позициям ниже.

А по таким позициям, как периодическая смена полового партнера и случайные³ сексуальные связи, индекс практически равен нулю (абсолютное значение оказалось на уровне 0,02).

Опять-таки повторяем: это отнюдь не означает, что женщины более одобрительно относятся к таким типам поведения. Напротив, абсолютные значения оценок у респондентов-женщин более низкие; однако они *одинаково низко* оценивают эти типы поведения и у мужчин, и у женщин. А вот респонденты-мужчины дают *более высокую (одобритель-*

---

¹ Те из читателей, кто заинтересуется этим, могут прочесть как описание методики, так и количественные оценки в нашей работе «Сексуальная революция: двойной стандарт». Отметим лишь, что индекс двойного стандарта рассчитывается как разность оценок данного типа сексуального поведения у мужчин и у женщин. Поэтому чем выше значение этого индекса, тем выше уровень двойного стандарта для данной группы респондентов. Приближение значения индекса к нулю означает стирание двойного стандарта.

² Представители предшествующих поколений могли бы назвать такие типы сексуального поведения «аморальными», ибо каждый из них (внебрачные связи, супружеская измена, случайные связи, периодическая смена полового партнера и т. п.) является, по сути, нарушением *традиционной* половой морали, а значит — *нетрадиционным* способом сексуального удовлетворения.

³ Гидденс называет их «эпизодическими».

ную) оценку такому типу поведения у мужчин и более низкую (осуждающую) у женщин. В результате индекс двойного стандарта растет (0,50 для периодической смены полового партнера и 0,47 для случайных сексуальных связей). Самый высокий уровень этого показателя выявлен у респондентов-мужчин для внебрачных связей — 0,87 (у женщин соответственно 0,21).

Что же касается оценки такого типа поведения, как добрачные половые связи, то у «детей» индекс двойного стандарта здесь заметно ниже, чем у поколения «отцов». И это довольно показательное явление. В современном обществе изменения норм половой морали в отношении добрачного секса претерпевают поразительные изменения. Конечно, по-прежнему существуют институциональные установления в виде утверждаемого законодательством брачного возраста. Однако фактически возраст сексуального дебюта неуклонно снижается. При этом, по утверждению Э. Гидденса, «незабываемый момент “потери невинности” юношей воспринимается сегодня как неправильное употребление термина: для юношей первый сексуальный опыт — это приобретение»¹.

Действительно, еще тридцать-сорок лет назад мать, узнав, что ее сын-школьник вступил в половую связь, испытала бы некое подобие шока. Сегодня мамы достаточно часто «подсовывают» четырнадцати-пятнадцатилетним сыновьям литературу по сексологии и потихоньку кладут им в карманы пиджаков презервативы — «на всякий случай»².

И это не просто теория, это практика молодого поколения.

Данные нашего исследования показывают, что средний возраст вступления в первую половую связь у «детей» (15,5 лет у мальчиков и 16,5 лет у девочек) почти на три с половиной года меньше, нежели у поколения «отцов». Причем это видно также из того, что в младшем поколении (исключая, разумеется, девственников) верхний предел возраста сексуального дебюта не превышает 20 лет. Своеобразный «пик» приходится на возрастной интервал от 15 до 17 лет — именно в этом возрастном интервале приобретают реальный сексуальный опыт 42,6% нынешней молодежи. Что касается старшего поколения, то здесь соответствующий «пик» охватывал интервал от 18 до 20 лет (45,5%).

Один из главных выводов Гидденса, сделанный им во второй главе, применительно к современности звучит так: «Сексуальность вошла в человеческое бытие как часть прогрессирующего отделения секса от острой необходимости в воспроизводстве». Это достаточно важная ха-

¹ Giddens A. The Transformation of Intimacy. — Cambridge. 1997 . P. 51.

² И практически никогда — дочерям! Значит, все еще двойной стандарт.

рактеристика современной цивилизации. Речь идет о том, что в традиционных обществах основная масса населения рассматривала половой акт почти исключительно с точки зрения необходимости зачатия новой жизни. Именно для этой главной цели создавался институт моногамного брака. Именно эту цель освящает религиозная мораль христианства, жестко осуждая любые иные цели и эротизм в целом. «Половой акт совершается по суровой необходимости, а отнюдь не для удовольствия» — именно такая мысль лежит в основе большинства норм половой морали, господствующей в традиционном обществе. Понятно, что при таком отношении (особенно при отсутствии надежных контрацептивов) любой половой акт был практически неотделим от последующего деторождения, и в тех случаях, когда беременность была по каким-либо причинам нежелательна, это само по себе служило достаточно важным стимулом для воздержания, отказа от полового акта. Именно это было, вероятно, и основной причиной внутренних запретов на вступление в сексуальные контакты для мужчин и женщин, не состоявших в браке (внебрачный ребенок — не только нежелательное бремя, но и источник позора и даже суровых санкций со стороны общества).

Поэтому можно смело считать отделение про-креативной функции сексуальности от ре-креативной не просто прогрессивным, но и поистине революционным фактом. В частности, именно эта дифференциация заставляет по-иному взглянуть на такой способ сексуальной практики, как гомосексуализм. Ибо, как подчеркивает Э. Гидденс, именно «в отношениях геев — и мужчин, и женщин — может быть засвидетельствовано полное отделение сексуальности от воспроизводства»¹.

То же самое относится, вероятно, и к мастурбации, поскольку с библейских времен основной мотив осуждения ее был тесно связан с запретом на «непроизводительный расход мужского семени».

Тем не менее, пока еще преждевременно говорить о закате института моногамного брака, в рамках которого на протяжении тысячелетий традиционного общества осуществлялось подавляющее большинство сексуальных взаимодействий. Даже стремительный рост числа разводов не может служить здесь показателем. Ибо большинство разводов совершается не для того, чтобы остаться холостяками, а чтобы вступить в новый брак. В четвертой главе Гидденс показывает, что, несмотря на все достижения эмансипации и сексуальной революции, брак по-прежнему занимает огромное место в жизни большинства современных женщин, во всяком случае, гораздо большее, нежели в жизни мужчины. Для

¹ Giddens A. The Transformation of Intimacy. — Cambridge, 1997. — P. 143.

большинства женщин удачный брак по-прежнему значительно важнее, нежели удачная профессиональная карьера.

Именно с отделением сексуальности от функции воспроизводства связан один из концептов, наиболее часто повторяющихся в книге Гидденса, — понятие «пластичной сексуальности» (открытое, по его утверждению, *З. Фрейдом*). Во Введении дается определение автора: «Пластичная сексуальность — это децентрализованная сексуальность, освобожденная от репродуктивных потребностей». Еще один термин, активно используемый в этой работе, — *чистые отношения*¹.

Это вовсе не платоническая любовь. В четвертой главе Гидденс поясняет свое понимание этого термина:

Чистые отношения не имеют ничего общего с сексуальным пуританизмом — это скорее ограничительное, нежели описательное понятие. Оно относится к ситуации, где социальное отношение вводится ради самого себя, ради того, что может быть извлечено каждой личностью из поддерживаемой ассоциации с другим; и которое продолжается лишь до тех пор, пока обе стороны думают, что оно каждому из индивидов доставляет достаточно удовлетворения, чтобы оставаться в его рамках... Чистые отношения — это, повторяем, часть родового реструктурирования интимности. Помимо гетеросексуально го брака, они возникают и в других контекстах сексуальности.

И еще одно понятие, введенное в книге «Трансформация интимности», — *любовь-слияние*: «Любовь-слияние предполагает равенство в эмоциональной отдаче и получении — и в тем большей степени, чем больше какая-либо конкретная связь приближается к прототипу чистых отношений. Здесь любовь развивается лишь до той же степени, что и интимность, до той степени, до которой каждый из партнеров готов раскрыть свои интересы и потребности другому и стать уязвимым со стороны этого другого».

Существенно важный момент для современного дискурса².

Гидденс не ограничивает сферу действия двух последних понятий рамками гетеросексуальности. Вообще проблеме гомосексуальности — как мужской, так и женской — в работе уделяется немало внимания. Эта проблема действительно уже вышла из сферы сексопатологии и стала подлинно социальной. Мы помним, что совсем недавно в отечественном законодательстве имелась статья, предусматривающая уголовное

¹ В оригинале — *A pure relationship*. — *Примеч. перев.*

² Дискурс — «вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний ее участников» [Современная западная социология: Словарь. — М., 1990. — С. 86] — *Примеч. перев.*

наказание за мужеложство, а во многих американских штатах такие статьи продолжают действовать и поныне. Здесь мы имеем дело с тем несчастным случаем, когда государство пытается перевести господствующие моральные нормы на язык письменно зафиксированных законодательных норм. Как правило, такого рода меры ослабляют действие и тех и других. Давайте представим себе статью уголовного кодекса, предусматривающую определенный срок за адюльтер: интересно, насколько такая мера помогла бы укрепить брачные узы?

Скорее всего, мы просто не представляем себе масштабы распространения гомосексуализма в том или ином обществе, не говоря уже о том, что у нас нет исходных эмпирических сведений для того, чтобы установить связь таких масштабов с уровнем демократизации этого общества.

Гидденс ссылается на данные знаменитого американского сексолога *Альфреда Кинси*: «...только 50 процентов всех американских мужчин были, по их словам, «исключительно гетеросексуальны», то есть не принимали ни участия в гомосексуальных действиях, ни гомосексуальных желаний не испытывали. Восемнадцать процентов были либо исключительно гомосексуальны, либо устойчиво бисексуальны. Среди женщин 2 процента были полностью гомосексуальны, 13 процентов других были вовлечены в какие-то формы гомосексуальных действий, в то время как следующие 15 процентов имели гомосексуальные побуждения без удовлетворения их».

С другой стороны, Гидденс приводит в своей работе данные исследования *Шерри Хайт*, согласно которым «11 процентов женщин... имели сексуальные связи только с другими женщинами.., а еще 7 процентов делали это от случая к случаю». Цифры, как видим, весьма противоречивые. Нам не удалось найти соответствующих отечественных данных, поэтому сошлемся на результаты нашего исследования, которые гораздо более скромны. На вопрос о том, испытывали ли они сексуальное возбуждение при общении с лицами своего пола, 2,9 процента женщин ответили: «да, с последующим удовлетворением» и 3,7 процента — «да, без последующего удовлетворения» (у мужчин соответственно — 6,9 и 1 процент). Правда, 8,8 процента женщин указали, что им «не хотелось бы отвечать на этот вопрос» (у мужчин — 9,5 процента).

Так или иначе, проблема эта заслуживает серьезного научного изучения. Сегодня многие общества (включая и российское) впадают, скорее, в другую крайность: гомосексуализм не просто выходит из подполья, он ведет себя все более вызывающе и агрессивно. Что касается сексуальной революции в этой сфере, то она выражается в том, что гетеро-

сексуальное большинство (при всем своем внутреннем неприятии, доходящем до отвращения) все чаще и сильнее проявляет терпимость к гомосексуализму — как к мужскому, так и к женскому — и признает его право на существование наряду с общепринятой гетеросексуальной практикой. Речь идет вовсе не о том, что все большее число мужчин (равно как и женщин) вовлекается в гомосексуальную практику. Э. Гидденс указывает на чрезвычайно важную роль, которую играет этот момент в сдвигах половой морали: «Сексуальная революция» последних тридцати или сорока лет не является исключительно или даже первично гендерно-нейтральным прорывом дозволенности. Она включает в себя два базовых элемента. Первый из них — это революция в женской сексуальной автономии, сконцентрированной в этом периоде, но имеющей предшественников, если бросить взгляд назад, в девятнадцатый век. Она имела глубокие последствия для мужской сексуальности, и это в значительной степени еще не завершенная революция. Вторым элементом — это расцвет мужской и женской гомосексуальности. Гомосексуалы обоих полов хорошо застолбили почву для продвижения будущей сексуальной «ортодоксальности»¹.

Вообще вторая половина двадцатого века была отмечена нарастанием изменения отношения к тому, что совсем недавно именовалось «перверсиями»².

Вероятно, следует признать точку зрения большинства современных психологов и сексологов на это явление: извращениями следует считать лишь такие типы сексуального поведения, которые приносят не столько наслаждение, сколько физическое и/или моральное страдание кому-то из партнеров. Выражаясь словами самого Гидденса, «закат извращенности» может означать своеобразную победу демократии и борьбы отдельных граждан за свои права — в том числе и сексуальные.

«Секс в современной цивилизации не загоняется в подполье», говорит Гидденс во второй главе. Это, как нам кажется, сказано слишком мягко — достаточно взглянуть на масштабы коммерческой эксплуатации всего, что связано с сексом. (Хотя автор книги постоянно подчеркивает, что вседозволенность — это еще отнюдь не подлинное освобождение.) Когда мы затрагиваем проблемы коммерциализации секса, речь идет не только о расширении масштабов проституции. В сфере коммерциализации существенно расширяет свои границы такое, например,

¹ Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. — Cambridge, 1997. — P. 28.

² То есть извращениями.

неоднозначное явление, как *порнография*. Неоднозначное уже потому, что среди экспертов до сих пор не сложилось единого мнения о грани, отделяющей порнографию от эротики¹ (и та и другая представляют собою предмет коммерции в индустриальном обществе).

По мнению многих специалистов, порнографические фильмы и полиграфические издания, выпускаемые огромными тиражами, приносят баснословные прибыли — прежде всего благодаря тому, что затраты на их производство ничтожны по сравнению с обычными фильмами и журналами, а цены и объемы сбыта практически сравнимы. А в соответствии с законами рыночной экономики все то, что сулит значительные прибыли, неизбежно будет притягивать значительные инвестиции, независимо от того, оправдывает ли это официальная мораль или осуждает. Сегодня экономисты все чаще говорят о *порнобизнесе* как самостоятельной отрасли предпринимательской деятельности. Более того, есть основания полагать, что в коммерциализированном обществе существующая предпринимательская практика будет постепенно оказывать все более сильное давление на мораль, видоизменяя ее в своих интересах.

Разговор о порнографии Гидденс ведет в седьмой главе, посвященной обсуждению проблем мужской сексуальности. «Порнография могла бы быть расценена как коммерциализация секса, — утверждает он, — но это было бы весьма частичным взглядом». Важное наблюдение автора: женщина в порнографии не субъект, а объект сексуального наслаждения. Однако преподносится это читателю или зрителю весьма своеобразно — это фактически изображения женщин, «испытывающих экстаз в своей сексуальности, но всегда под воздействием фаллоса» — и содержит, как правило, неявную цель: «показать женское желание как эпизодическую часть желания мужчины». При этом автор, ссылаясь на Фрейда, утверждает, что даже в ходе своего психосексуального созревания — то есть в раннем детстве — женщина «видит себя только в отражении мужского желания».

---

¹ Между прочим, на наш взгляд, эта грань достаточно очевидна: *эротические* сцены художественного произведения (будь то книга, фильм или рисунок) подчинены общему сюжетному замыслу, служат скорее своеобразной орнаментировкой его, и сами постельные сцены скорее обозначены, нежели показаны; напротив, *порнография* самоцельна, она подминает под себя сюжет (которого зачастую попросту нет или он предельно примитивен) и детально, в самых разнообразных ракурсах, демонстрирует мужские и женские гениталии и их контакты.

Эротика, сексуальные намеки и обнаженное тело (разумеется, прежде всего женское) все чаще и настойчивее используются в *рекламе*, причем даже в такой, которая вовсе не имеет прямого отношения к сексуальным отношениям как таковым — вплоть до рекламы бульонных кубиков Maggie¹.

И это опять же воспринимается как рядовая черта обыденной жизни и практически не вызывает особого возмущения у большинства зрителей.

Гидденс неоднократно обращается к работе *Мишеля Фуко* «История сексуальности», а вторая глава практически полностью посвящена ее обсуждению. Критическому анализу подвергается сама идея всеобщей сексуальной озабоченности в современной цивилизации. Автор справедливо указывает на то, что Фуко выводит современные научные представления о сексуальности из того интеллектуального багажа, который накапливался на протяжении викторианской эпохи — этот момент оказывается достаточно типичным не только для британского, но, вероятно, и для всего западноевропейского (и североамериканского) этоса. Среди других авторов особое внимание уделяется работам *Зигмунда Фрейда*, *Вильгельма Райха*², *Герберта Маркузе*. Вообще анализ идей разных авторов относительно «репрессии», подавления сексуальности занимает в работе немало места.

В третьей главе Гидденс исследует генезис и развитие романтической любви — как особого социально-гендерного феномена — от ее зарождения где-то в конце куртуазного XVIII века до наших дней. «Начиная с самых ранних своих истоков, романтическая любовь ставит вопрос об интимности. Она несовместима с вождением и с земной сексуальностью не столько потому, что любимое существо идеализируется — хотя это тоже часть истории, — сколько потому, что предполагает психическую коммуникацию, встречу душ, которая носит взаим-

---

¹ По сюжету рекламного клипа, поглощение овощного блюда, приготовленного на бульонных кубиках, вероятно, приводит сидящих за столом мужчину и женщину в такое сексуальное возбуждение, что, окончив трапезу, они немедленно гасят свечи, после чего их темные силуэты недвусмысленно сближаются; можно подумать, что эти бульонные кубики выполняют функцию некоего афродизиака.

² Между прочим, В. Райх был одним из первых, кто обратил внимание на приближение сексуальной революции как особого социального феномена (его книга «Сексуальная революция» была опубликована на русском языке в 1997 г.). Правда, его анализ этого явления носит несколько односторонний характер, сосредоточившись, главным образом, опять же на проблеме «сексуальной репрессии».

ный характер». Возможно, это утверждение действительно справедливо для ранних этапов развития романтической любви. Что же касается современного ее потомка, то он, кажется, неплохо уживается с вполне приземленным сексуальным желанием. Так, по данным нашего исследования, 60 процентов опрошенных обоюго пола и всех возрастов выразили свое согласие с утверждением «Интимная близость — это соединение, в первую очередь, не половых органов, а любящих душ», не отрывая таким образом чисто телесную близость от духовной.

Одна из проблем, поднятых Гидденсом, вообще представляет собою *terra incognita* для нашей литературы¹. Это так называемый «сексаголизм», или пагубное пристрастие к сексу (глава 5), — поведение, которое сродни алкоголизму или наркомании.

Нам кажется, что такое — во всяком случае, на уровне социальной проблемы — возможно лишь в очень сытом обществе. Описание процесса развития состояния приверженности к «пагубному пристрастию», приведенное в пятой главе, фактически универсально (возможно, оно применимо и к употреблению наркотиков). Правда, представляется несколько сомнительным вывод, который делает автор относительно сексаголички Герри в пятой главе: «Она, используя собственную сексуальность, занималась своего рода исследованием, которое можно описать как фрустрированный поиск самоидентификации...» Мне кажется, что, судя по общему контексту жизнеописания Герри, он несколько переоценивает умственные способности героини.

Вообще в книге Гидденса достаточно много психологических и психоаналитических подходов, извлечений из Фрейда и фрейдистской литературы (эдипов комплекс у мальчиков, комплекс «кастрации» у девочек и т. п.). Так, шестая глава, несмотря на ее название — «Социологическое значение созависимости», — представляется даже менее социологичной в сравнении с другими и, как нам кажется, содержание ее в большей степени привлечет внимание тех, кто интересуется не социологией, а психотерапией и психоанализом. То, что говорится в ней, возможно, имеет мало отношения к социологическому контексту современной сексуальной революции. За исключением, может быть, того, что одним из аспектов сексуальной революции стала сфокусированность исследователей на многих моментах подсознания, связанных с интимными психологическими переживаниями и взаимоотношениями. Много внимания уделено фрейдистской идее власти фаллоса и формирова-

¹ Мы опять же не имеем в виду специальных источников по сексопатологии.

нию комплексов женской психологии, связанных с отсутствием у девочек пениса.

Одна из идей, возникающая из анализа проблем женской сексуальности: главные героини сексуальной революции — женщины. К тому же объективно именно им принадлежит главный выигрыш от происходящей ныне трансформации интимности. Как говорит об этом сам Гидденс, «женщины подготовили путь для экспансии области интимности в своей роли революционеров современности». Мы говорили выше, что важнейшей характерной чертой сексуальной революции стало признание права женщин на обладание собственной сексуальностью и на получение сексуального наслаждения. Однако путь к этому признанию был непрост. Мнение о том, что женский оргазм есть не что иное, как симптом истерии, всего каких-нибудь сто лет назад было общераспространенным среди невропатологов и гинекологов, не говоря уже о более широкой публике. Возможно, в определенной степени это было — для того периода — не так уж и далеко от истины.

Казалось бы, получение женщиной наслаждения от полового акта заложено самой биологической природой ее организма. Между тем биология здесь ни при чем; во всяком случае, «самки человекообразных, судя по наблюдениям зоологов, вообще не получают ни удовольствия, ни удовлетворения»¹ от акта спаривания.

Скорее следовало бы обратить внимание на то, что десятки тысяч лет социальной эволюции, помимо всего прочего, привели к одному парадоксальному феномену: человеческая особь женского пола является единственной среди всех самок живых существ, обладающей свойством *гиперсексуальности*, то есть способности спариваться больше, чем нужно для оплодотворения. Это «такая же уникальная особенность человека, как пользование огнем и речью»².

Казалось бы, эта гиперсексуальность сама по себе должна обеспечить «инстинктивное» возникновение оргазма у любой женщины при каждом половом акте. Однако это не так. Исследования современных сексологов показывают, что женский оргазм, в отличие от мужского, это явление не столько биологически прирожденное, сколько вырабатываемое в результате достаточно продолжительной сексуальной практики (причем для большинства женщин лучше, чтобы это было с одним и тем же партнером). Это феномен не столько «генитальный», сколько

¹ Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. 3-е изд., доп. — СПб., 2003. — С. 157.

² Там же. — С. 164.

эмоциональный и «мозговой», во многом зависящий от высшей нервно-психической деятельности. Между тем в традиционных обществах большинство женщин с момента вступления в брак оказывались замкнутыми в цикл непрерывных беременностей и вскармливаний очередного ребенка, а эти периоды считались запретными для сексуальных сношений — так диктовала религиозная и общепринятая половая мораль. Кроме того, для мужа это было, вероятно, и основным побудительным мотивом для поисков внебрачных связей. Так что частота сексуальных контактов на протяжении активного возраста для абсолютного большинства женщин была не так уж и велика.

Кроме того, для множества женщин в большинстве традиционных культур и на протяжении большинства периодов истории получение сексуального наслаждения было внутренне связано со страхом возникновения повторяющихся беременностей, а потому — смерти, учитывая значительный процент женщин, погибавших при родах, и очень высокие, преобладающие показатели детской смертности. «Поэтому разрыв этих связей был феноменом с поистине радикальным подтекстом. Кто-то может сказать, что СПИД возобновил связь сексуальности со смертью, но это уже не является возвратом к прежней ситуации, поскольку СПИД не делает различия между полами»¹.

Нельзя не учитывать и особенностей воспитания в традиционную эпоху. На обсуждение темы сексуальных отношений с детьми (в особенности с девочками) накладывалось почти абсолютное табу. В ходе первичной социализации с помощью самых разнообразных информационных источников у ребенка постепенно формировалось представление об этой стороне жизни как о чем-то темном, пугающем и нечистом. Многие женщины выходили замуж, фактически совершенно не имея никаких знаний о сексе, не зная, что делать с нежелательными для них побуждениями мужчин, и вынуждены были терпеть это. Поэтому мать обычно говорила дочери: «После твоей свадьбы, дорогая, с тобой будут предельвать неприятные вещи, но ты не обращай внимания, я всегда так и делала»².

Сегодня, напротив, как специальные, так и популярные сексологические издания гораздо больше внимания проявляют к изучению проблем женского оргазма, нежели мужского. Причем в большинстве из них значительная степень ответственности за возбудимость женщины и возникновение у нее оргазма возлагается на партнера-мужчину. Так

¹ Giddens A. The Transformation of Intimacy. — Cambridge, 1997. — P. 27.

² Ibid. — P. 24.

что и эта сторона сексуальной революции оказывается достаточно тесно связанной с исчезновением двойного стандарта. Она радикальным образом оказывает влияние на формирование и массовое распространение новых представлений о женственности (феминности) и мужестве (маскулинности).

Следует подчеркнуть, что революционная сущность этого аспекта сексуальной революции (да и большинства других) состояла вовсе не в том, что прежде его не существовало, а теперь он появился. Вероятно, всегда, во все исторические эпохи, существовала немногочисленная категория женщин, чья сексуальная практика была иной, нежели у большинства, — во всяком случае, такой, что позволяла им испытывать сексуальное наслаждение. Революционность здесь состоит, прежде всего, в возникновении описываемого феномена в *массовых* масштабах. Это во многом становится возможным, в частности, и благодаря беспрецедентному повышению уровня открытости вопросов сексуальной практики для широкого обсуждения.

Для более глубокого понимания всех обсуждаемых проблем, связанных с сексуальной революцией, ее факторами и последствиями следовало бы постоянно помнить об экспоненциальном характере социально-эволюционного развития. В самом деле, этап собственно *социально-эволюционного* развития, занимающий, по некоторым данным, не более 40 тысяч лет¹, — это всего лишь одна тысячная часть от 40-миллионного эволюционного пути *биологического* развития от древнейших приматов до *homo sapiens*².

И эти темпы непрерывно ускоряются. Согласно другим подсчетам, история *традиционного общества* насчитывает от 7 до 10 тысяч лет, а пришедшему на смену ему *индустриальному обществу* — не более четверти тысячелетия, однако при этом общий объем социальных изменений (и в количественном, и в качественном отношении) на последнем этапе развития человеческого общества гораздо больше, чем на предыдущем³.

И нет оснований полагать, что процесс замедлится...

Все вышеприведенное говорит не только о том, что темпы социальной эволюции многократно превышают темпы эволюции биологиче-

¹ См. напр.: Козлова М. С. Экологический смысл эволюции человека // Человек, 1998. — № 4.

² См.: Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. — М. — С. 32, 40.

³ Более подробно мы обсуждаем эти процессы в нашей работе: Анурин В. Ф. Динамическая социология. — М., 2003.

ской, но и о том, что первая из них уже в преобладающей степени оказывает влияние на филогенез человека в сравнении со второй. Свидетельство этому — не только появление и развитие интеллекта, но и, вероятно, возникновение того уникального качества гиперсексуальности, о котором шла речь выше. Это говорит и о возникновении качественно иного по сравнению с животными типа сексуальности, и об эволюции этой сексуальности. Не случайно в английском языке наряду с понятием *sex*, означающим биологический пол, достаточно прочно утвердилось *gender* — социальный пол. И возникает уже проблема гендерно-сексуальных отношений, неоднократно затрагиваемая в книге Гидденса.

Означает ли это, что биологическая эволюция сошла на нет? Мы далеки от этого утверждения. Мы остаемся биологическими существами, а значит, не можем в своей жизнедеятельности обойтись без инстинктов. Думается, что, в частности, и принудительный характер мужской сексуальности, о котором так много говорит автор книги, имеет свои глубокие биологические корни, закрепленные к тому же многовековым опытом половозрастного разделения труда. Тем не менее часы биологической эволюции идут во много крат медленнее, нежели секундомер социальной эволюции. Скорее всего, переживаемая ныне сексуальная революция — не более чем одно из делений на циферблате этого секундомера.

Каким будет следующее деление? Нам еще не дано знать. Можно быть уверенным лишь в том, что история и социология современной сексуальной революции находится еще в некоем эмбриональном состоянии. Как говорит сам автор, «это в значительной степени еще не завершенная революция». А значит, впереди — длинная вереница научных трактатов о социальном взаимодействии полов. И книга *Энтони Гидденса «Трансформация интимности»* занимает пока одно из первых мест на этой полке.

В. Анурин,
г. Нижний Новгород, январь 2004

Предисловие

Множество людей прочли и дали свои комментарии к первоначальным вариантам этой книги. Я постарался принять во внимание большинство из их замечаний в пределах возможного. Мне хотелось бы высказать особую благодарность: *Гранту Барнсу, Мишелю Барретту, Терезе Бреннан, Монсеррат Гиберне, Ребекке Харкин, Дэвиду Хелду, Сэму Холлику, Грэхему МакКанну, Хизер Уорвик, Джеффри Уиксу* и анонимному обозревателю Стенфорд Юниверсити Пресс. Хочу также поблагодарить Эврил Саймондс за ее работу по подготовке рукописи и *Элен Джеффри* за ее осмысленное копирование.

Я хотел написать книгу, которая будет доступна большинству читателей, которым она попадет в руки. Поэтому я старался избегать технической терминологии везде, где это оказалось возможным, даже в тех случаях, когда мне приходилось блуждать по интеллектуальным областям определенной степени сложности. Мною были использованы обширные источники, но в интересах читабельности я свел к минимуму отсылки и сноски. Некоторые из источников, с которыми я работал, возможно, более основательно, нежели с другими, нуждаются здесь в определенных комментариях: это литература по самопомощи.

Введение

Сексуальность — предмет, который представляется публично иррелевантным: с одной стороны всеохватывающим, а с другой — сущностно частным делом. Постоянным фактором здесь можно также считать, что он задан биологией и необходим для продолжения рода. И тем не менее секс сегодня постоянно находит свое отражение в публичной сфере, и более того, о нем уже говорят на языке революции. На протяжении нескольких последних десятилетий, как говорят, свершилась сексуальная революция; и революционные надежды связываются с сексуальностью многими мыслителями, для которых она представляет собою потенциальную область свободы, незапятнанной пределами нынешней цивилизации.

Как следует интерпретировать подобные призывы? Этот вопрос и навел меня на мысль написать эту книгу. Я был намерен написать о сексе. И обнаружил, что я в не меньшей мере пишу о любви и о гендере¹.

Сами по себе работы о сексе имеют гендерную тенденцию. В некоторых особенно заметных исследованиях сексуальности, написанных мужчинами, в сущности, не найдешь и упоминания о любви, и проблема гендера появляется в качестве какого-то приложения. Сегодня впервые в истории женщины провозглашают свое равенство с мужчинами. В том, что последует ниже, я не пытаюсь анализировать, насколько глубоко гендерное неравенство укоренилось в экономической или политической сферах. Вместо этого я сосредоточиваюсь на эмоциональной сфере, где женщины — обычные женщины, живущие повседневной жизнью, равно как и осознающие себя феминистские группы, — произвели изменения огромной и общезначимой важности. Эти изменения в особенности относятся к исследованию возможностей «чистых отношений», отношений сексуального и эмоционального равенства, которые имели взрывной характер в том, что касается предшествующих форм гендерной власти.

---

¹ **Гендер** (*gender*) — социальный, в отличие от биологического (*sex*), пол. «Если пол личности детерминирован биологически, то гендер личности конструируется культурно и социально. Поэтому существуют два пола (мужской и женский) и два гендера (маскулинный и феминный)» [The Penguin Dictionary of Sociology. — London: Penguin Books, 1988. — P. 103] — *Примеч. перев.*

Возникновение романтической любви обеспечивает нас многочисленными примерами¹ источников отношений в их чистом виде.

Идеалы романтической любви в течение долгого времени вдохновляли в большей мере женщин, нежели мужчин, хотя, конечно, мужчины не могли не испытывать здесь определенного влияния со стороны женщин. Этос романтической любви имел двоякое воздействие на положение женщины. С одной стороны, он помог поставить женщину «на свое место» — в дом. Однако, с другой стороны, романтическую любовь можно рассматривать в качестве активной радикальной связи с «маскулинностью» современного общества. Романтическая любовь предполагает, что может установиться продолжительная эмоциональная связь с другим (другой) на основе неких качеств, внутренне присущих самой этой связи. Эта любовь выступает предвестником отношений в чистом виде, хотя также находится с такой связью в натянутых отношениях.

Возникновение того, что я называю пластичной сексуальностью, было решающим для эмансипации, имплицитно подразумеваемой в чистых отношениях, равно как и для провозглашения сексуального наслаждения женщин. Пластичная сексуальность — это децентрализованная сексуальность, освобожденная от репродуктивных потребностей. Она имеет свои источники в тенденции, берущей свое начало где-то в восемнадцатом веке и прямо связанной с ограничением размеров семьи. В дальнейшем это качество развивается как результат распространения современной контрацепции и новых репродуктивных технологий. Пластичная сексуальность может формироваться как характерная черта индивидуальности и поэтому она внутренне ограничена самой собой. В то же время — в принципе — она освобождает сексуальность от правила фаллоса (или даже — правления фаллоса), от надменной важности мужского сексуального опыта.

Современные общества имеют скрытую эмоциональную историю, все еще не выявленную до конца. Это история сексуальных домогательств мужчин, отделенных от их публичного выражения. Сексуальный контроль над женщинами со стороны мужчин — это нечто гораздо большее, нежели случайная черта современной социальной жизни. По мере того

---

¹ В оригинале: кейз-стади — русскоязычная калька общепринятого в западной социологии термина case-study — «изучение отдельного примера явления либо ради него самого (напр., конкретной личности или открытия), либо в качестве экземпляра или типового случая какого-то общего феномена, возможно, в качестве проверки некоего общего предположения» [David Jary & Julia Jary. Collins Dictionary of Sociology. — Glasgow: HarpersCollins Publishers, 1995. — P. 62]; все чаще употребляется в профессиональном жаргоне отечественной социологии — *Примеч. перев.*

как этот контроль начинает разрушаться, мы наблюдаем, как принудительный характер мужской сексуальности все более откровенно обнажается — и этот снижающийся контроль порождает также нарастающий поток насилия в отношении женщин. В настоящее время раскрывается эмоциональная пропасть между полами, и никто не может с определенностью сказать, насколько далеко она будет простираться.

И все же радикализирующие возможности трансформации интимности весьма реальны. Некоторые утверждают, что интимность может быть деспотической, и ясно, что такое вполне возможно, если расценивать ее как требование постоянной эмоциональной закрытости. Однако, будучи рассматриваемой как транзакциональное обсуждение условий личностных связей двумя равными сторонами, она проявляется в совершенно ином свете. Изменения, которые претерпевает интимность, подразумевают крупномасштабную демократизацию межличностной сферы таким способом, который вполне совместим с демократизацией публичной сферы. Равным образом может подразумеваться и дальнейшее развитие вариантов. Трансформация интимности могла бы оказать разрушительное воздействие на современные институты как целое. Потому что социальный мир, в котором эмоциональное осуществление вытеснило максимизацию экономического роста, очень сильно отличался бы от того, который мы знаем в настоящем. Изменения, оказывающие сегодня воздействие на сексуальность, носят поистине революционный характер, и весьма глубоким образом.

Повседневные эксперименты, связи, сексуальность

В своем романе «До того, как она встретила меня» Джулиан Барнс об-суждает судьбу Грэхема Хендрика, академического историка, который оставил свою жену и вступил в связь с другой женщиной. Когда начи-нается роман, его герою около сорока лет, он уже пятнадцать лет женат и, находясь «в середине жизненного пути», может «уже почувствовать, что означает находиться на склоне жизни». На одной из вечеринок он встречает некую Энн, которая когда-то была статисткой на крошечных киноролях и поэтому стала внимательно следить за модой. По каким-то причинам их встреча пробуждает в нем глубоко запрятанные чувства надежды и волнения. Он начинает чувствовать себя так, «как если бы восстановилась некая давно разрушенная линия связи с ним самим, каким он был двадцать лет назад», и становится «вновь способным на безрассудства и идеализм».

После ряда тайных встреч, которые выливаются в полноценное при-ключение, Грэхем оставляет жену и ребенка и поселяется с Энн. Серд-цевина романа связана с постепенно прогрессирующим открытием Грэ-хемом любовников в жизни Энн до того, как он вошел в нее. Она почти ничего не скрывает, но, пока он не спрашивает ее прямо, не сообщает по своей воле никакой информации. Постепенно Грэхемом овладевает потребность раскрывать сексуальные детали в прошлом Энн. Он вновь и вновь просматривает на экране кадры, в которых играла Энн, пытаясь уловить мимолетные обмены взглядами или другие знаки, показываю-щие, что она и данный конкретный мужчина, с которым она появляет-ся в кадре, были любовниками. Она иногда допускает, что имели место сексуальные связи, чаще же отрицает это.

Кульминация этой истории довольно жестока, ее завершение почти опрокидывает тот стиль мрачного юмора, в котором написана бóльшая часть книги. Путем тщательных исследований Грэхем обнаруживает,

что его лучший друг Джек — тот самый, с которым он откровенно делился своими проблемами по поводу жизни Энн, «до того, как она встретила меня», — сам был сексуальным партнером Энн. Грэхем организует встречу с другом якобы для того, чтобы продолжить их обсуждения. И берет с собой на эту встречу нож, «шестидюймовое лезвие, сужающееся от ширины в дюйм у рукояти к заостренному концу». Когда Джек в какой-то момент поворачивается к нему спиной, отвлеченный пустяковым делом, Грэхем закалывает его. В следующее мгновение Джек поворачивается к нему, и Грэхем несколько раз вонзает нож «между сердцем и гениталиями». Наложив пластырь на палец, порезанный во время убийства, он усаживается в кресло с остатками недопитого кофе, приготовленного для него Джеком.

Тем временем, обеспокоенная отсутствием Грэхема, которое затянулось на всю ночь, и обзвонив полицию и больницы в бесплодных поисках места его пребывания, Энн начинает обыскивать его рабочий стол. Там она раскапывает документы, свидетельствующие об ожесточенных исследованиях Грэхемом ее прошлого, и обнаруживает, что он знает о ее связи с Джеком (единственная сексуальная связь, которую она из всех сил скрывала). Она едет в квартиру Джека и обнаруживает там Грэхема вместе с окровавленным телом ее бывшего любовника. Сама не понимая почему, она позволяет Грэхему успокоить себя и связать себе руки несколькими ярдами бельевой веревки. Грэхем рассчитывает, что эта процедура даст ему достаточно времени, чтобы достичь своей цели, прежде чем она сможет броситься к телефону, чтобы попросить о помощи. «Никаких занавесов, никаких мелодрам»: подняв нож, он глубоко вонзает его в собственное горло. Что касается Энн, — а «он, вне всякого сомнения, любил Энн», — тут он просчитался. Она с пронзительным криком выбрасывается в окно. К тому времени, как прибывает полиция, кресло непоправимо пропиталось кровью, а Грэхем мертв. Судя по смыслу заключительных глав романа, Энн тоже покончила с собой — по неосторожности или как-то иначе, это остается неизвестным.

«До того, как она встретила меня» — это роман вовсе не о ревности. Просматривая материалы, накопленные о ней Грэхемом, Энн осознает, что ревность — «это не то слово, которое она применила бы по отношению к нему». Важная вещь заключается в том, что он «не умел обращаться с ее прошлым»¹.

Конец жестокий, несовместимый с заданным полукомичным тоном остальной части книги, — но холодный. Жестокость Грэхема — это

¹ All quotations are from Julian Barnes: *Before She Met Me*. — London: Picador, 1986.

фрустрированная попытка господства. Истоков ее автор совершенно не проясняет, это нечто такое, что отражает их непонятность для самого героя. Тайны, которые Грэхем выискивает в сексуальной истории Энн, связаны с ее неконформностью, с тем, что ее поведение не такое, какого он ожидает от женщины, — ее прошлое несовместимо с его идеалами. Эта проблема — эмоциональная; он вполне осознает, насколько абсурдно было бы полагать, будто Энн должна была организовать свою предшествующую жизнь в предвосхищении встречи с ним. И все же ее сексуальная независимость, даже когда он еще «не существовал» для нее, неприемлема для него до такой степени, что имеет своим конечным результатом жестокую деструктивность. К чести его, Грэхем пытается защитить Энн от той жестокости, которая была спровоцирована ею; но, конечно, она, так или иначе, попадает в эту ловушку.

События, описанные в романе, отчетливо современны; в качестве обсуждения жизни обычных людей такой роман не мог бы появиться, скажем, столетие назад. Потому что он предполагает значительную степень сексуального равенства, и в особенности такой подход зависит от того факта, что сегодня для женщины становится обычным делом иметь многочисленных любовников до вступления в «серьезную» сексуальную связь (и даже на протяжении ее, равно как и после прерывания этой связи). Конечно, всегда существовало меньшинство женщин, для которых были возможны и сексуальное разнообразие, и определенная мера равенства. Но большинство женщин разделялись на добродетельных и пропащих. При этом «пропащие женщины» существовали лишь на задворках респектабельного общества. «Добродетель» длительное время определялась с позиций женского отказа поддаться сексуальному искушению, отказа, поддерживаемого различными институциональными установлениями, такими как ухаживание под присмотром пожилых дам, вынужденные браки и так далее.

С другой стороны, мужчины традиционно оценивались — и не только ими самими — как существа, требующие сексуального разнообразия для поддержания своего сексуального здоровья. Для мужчин считалось общепринято приемлемым вступать до брака в многочисленные сексуальные связи, и двойной стандарт даже после заключения брака был весьма реальным явлением. Как говорит *Лоуренс Стоун* в своем исследовании истории развода в Англии, вплоть до недавнего времени существовал жесткий двойной стандарт относительно сексуального опыта мужчин и женщин. Единственный акт адюльтера со стороны жены был «непростительным нарушением закона о собственности и идеи наследования», и когда он раскрывался, это приводило к карательным мерам.

Напротив, адюльтер со стороны мужа широко расценивался как «до-стойная сожаления, но вполне понятная слабость»¹.

В мире нарастающего сексуального равенства — даже если такое равенство далеко от совершенства — оба пола принуждаются к фундаментальным изменениям своих взглядов и поведения в отношении друг друга. Приспособления, требуемые от женщин, весьма обширны, однако, возможно, вследствие того, что сам романист — мужчина, они не представлены достаточно полно, ни изображены с большой симпатией в романе *Дж. Барнса*. Барбара, первая жена Грэхема, описывается как резкое, требовательное существо, чьи аттитюды он считает раздражающими; по мере того как он чувствует все большую любовь к Энн, его понимание ее взглядов и действий становится тверже и глубже. Можно было бы даже сказать, что, несмотря на интенсивную исследовательскую работу, которую он проводит по изучению предшествующей жизни Энн, он фактически не знал ее вовсе.

Грэхем склонен рассматривать поведение Барбары и Энн традиционным способом: женщины — это эмоциональные, эксцентричные существа, чьи мыслительные процессы не могут протекать вдоль линий рациональности. И все же он испытывает сострадание к ним обоим, особенно — на протяжении повествования — к Энн. Его новая жена — не «пропащая женщина», и он не имеет права обращаться с ней соответствующим образом. Когда она после вступления в брак с Грэхемом идет повидаться с Джеком, то твердо отвергает поползновения последнего в отношении себя. И все же Грэхем не может выбросить из головы угрозу, исходящую из того, что она делала до того, как он «установил контроль» над ней.

Романист очень хорошо показывает экспериментальную, незавершенную природу второго брака Грэхема, который существенно отличается от первого. Ясно, что его прежний брак был в большей степени «естественно данным» феноменом, базирующимся на общепринятом разделении между домохозяйкой и добытчиком пропитания. Союз с Барбарой был не особенно вознаграждающей частью его жизни, подобно работе, к которой не испытывают особенно сильной привязанности, однако добросовестно выполняют. И напротив, брак с Энн — это комплекс взаимодействий, который требует постоянных переговоров и «работы над собой»².

¹ *Lawrence Stone. The Road to Divorce. England 1530–1987. — Oxford: Oxford University Press, 1990. — P. 7.*

² *Barnes. Before She Met Me. — London: Picador, 1986. — Pp. 55 ff.*

Во втором своем браке Грэхем вступил в новый мир, который в годы его юности едва возникал. Это мир сексуальной сделки, «отношений», в котором на передний план выступают новые термины «приверженность» и «интимность».

«До того, как она встретила меня» — это роман о мужском беспокойстве и мужском насилии в социальном мире, претерпевающем глубокие трансформации. Женщины больше не намерены мириться с мужским сексуальным господством, и обоим полам приходится иметь дело с тем, что подразумевает этот феномен. Личная жизнь стала открытым проектом, создающим новые требования и тревоги. Наше межличностное существование основательно видоизменяется, вовлекая нас в то, что я называю *повседневными социальными экспериментами*, сопряженными с обширными социальными изменениями. Давайте совершим некоторое более социологическое проникновение в эти изменения, которые происходят с браком и семьей, равно как и с самой сексуальностью.

Социальное изменение и социальное поведение

Лилиан Рубин в 1989 году занималась в США изучением сексуальных историй почти тысячи гетеросексуальных людей в возрасте от восемнадцати до сорока восьми лет. Прodelав эту работу, она произвела на свет свидетельство «изменения почти ошеломляющих пропорций в отношениях между мужчинами и женщинами» за последние четыре десятилетия¹.

Ранняя сексуальная жизнь тех респондентов, которым было за сорок, драматическим образом контрастировала с тем, что сообщалось представителями более молодых возрастных групп. Автор предваряет свое сообщение о том, какое поведение было возможно для более старшего поколения, своими собственными свидетельствами как представительницы этого поколения. До вступления в брак, на протяжении всей Второй мировой войны, она оставалась девственницей, «девушкой, которая строго следовала всем правилам» и никогда «не сходила с этого пути». Она не была одинокой в очерчивании четких границ для обозначения пределов сексуального исследования, но разделяла коды поведения, общепринятые среди ее друзей. Ее будущий муж принимал активное участие в обеспечении того, чтобы эти коды выполнялись; его ощущение сексуальных «правильно и неправильно» соответствовали ее собственным ощущениям.

¹ *Lilian Rubin. Erotic Wars.* — New York: Farrar, Straus and Giroux, 1990. — P. 8.

Девственность девушек до брака высоко оценивались обоими полами. Лишь немногие девушки не скрывали того, что они позволяют своим парням иметь с ними полное сексуальное сношение, и многие могли лишь с определенной степенью вероятности позволить себе допустить такой акт с парнем, сделавшим им формальное предложение. Более сексуально активные девушки подвергались третированию со стороны других женщин, равно как и многих мужчин, которые сами искали возможностей «поймать приключение» с ними. Точно так же, как сексуальная репутация девушек покоилась на их способности сопротивляться сексуальным домогательствам или защищала их от сексуальных покушений, репутация парней зависела от тех сексуальных побед, которые они могли одержать. Большинство юношей добивались таких побед только, как выразился один 45-летний респондент, «волочась за одной из *тех* девушек, сучек».

Когда мы наблюдаем сегодня сексуальную активность подростков, мы до некоторой степени применяем различие между хорошей девушкой и плохой девушкой, равно как и этику мужских завоеваний. Но другие аттитюды относительно многих девушек-подростков радикально изменились. Девушки чувствуют, что они имеют право на сексуальную активность, включая половое сношение, в таком возрасте, который кажется подходящим им самим. Фактически в опросе, проведенном Рубин, ни одна из девушек-подростков не говорила о «сохранении себя» в предвосхищении предложения или брака. Вместо этого они говорили языком романтичности и приверженности, который выражает потенциально ограниченную природу их ранней вовлеченности в сексуальную жизнь. Так, в ответ на вопрос Рубин, заданный одной шестнадцатилетней девушке о ее сексуальной активности со своим приятелем, она ответила: «Мы любим друг друга, поэтому не вижу причины, почему мы не могли бы заниматься любовью». Затем Рубин спросила, насколько долгосрочной считает она связь со своим партнером. Ее реплика была такой: «Вы имеете в виду, собираемся ли мы пожениться? Ответ отрицательный. Или будем ли мы вместе на будущий год? Я не знаю об этом; до этого еще далеко. Большинство ребят не остаются вместе так долго. Но мы не будем оглядываться на кого-то еще, пока мы вместе. Это ведь привязанность (в оригинале — *commitment* — *примеч. перев.*), не правда ли?»¹

Для предшествующих поколений было общепринятой практикой, чтобы сексуально активная девушка-подросток играла определенную

¹ Lilian Rubin. *Erotic Wars*. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 1990. — P. 61.

роль невинности. Сегодня это отношение обычно перевернуто: невинность в случае необходимости играет роль умудренности опытом. Согласно выводам Рубин, изменения в сексуальном поведении и аттитюдах девочек выражены гораздо более отчетливо, чем у мальчиков. Она разговаривала с несколькими мальчиками, которые оказались чувствительными к связям между сексом и привязанностью и отвергали уравнение сексуального успеха с мужской удачей. Однако большинство с восхищением говорили о своих друзьях, которые встречались со многими девушками, в то время как осуждали девушек, поступавших таким же образом. В выборке Рубин оказалось не так много девушек, которые оспаривали традиционное сексуальное поведение мужчин, делали это открыто и с некоторым вызовом; сталкиваясь с такими их действиями, большинство юношей воспринимают это как оскорбление. Они все же хотят от девушек сохранения невинности или хоть чего-то вроде этого. Несколько юных женщин, у которых Рубин брала интервью по вопросам замужества, считали, что от будущих супругов необходимо скрывать масштабы своего раннего сексуального опыта.

Одно из самых поразительных открытий исследования Рубин, применимое ко всем возрастным группам и косвенно подтверждаемое данными других опросов, это расширяющееся разнообразие сексуальных действий, которыми большинство людей или занимаются сами, или считают приемлемым для других, если они того пожелают. Так, среди женщин и мужчин в возрасте за сорок менее чем один из десяти занимались оральным сексом в юности; для каждого предшествующего поколения эта пропорция возрастает. Среди нынешнего поколения тинейджеров оральный секс хотя и не распространен повсеместно, однако расценивается как нормальная часть сексуального поведения. Каждый из взрослых, проинтервьюированных Рубин, имел в этом по меньшей мере хоть какой-то опыт — и это в обществе, где оральный секс все еще описывается в своде законов как «содомия» и является фактически нелегальным в двадцати четырех штатах.

Мужчины большей частью приветствуют тот факт, что женщины стали сексуально доступнее, и утверждают, что для сколько-нибудь продолжительной сексуальной связи они желают партнера, экономически и интеллектуально равного себе. И все же, в соответствии с выводами Рубин, они проявляют очевидную и глубоко коренящуюся обеспокоенность, когда сталкиваются с тем, что именно подразумевают такого рода предпочтения. Они говорят, что женщины «утратили способность к доброте», что они «больше не умеют приходить к компромиссам» и что «женщины сегодня не хотят быть женами, они сами хотят себе жен».

Мужчины декларируют, что они желают равенства, но многие из них также высказывают утверждения, в которых они либо отвергают его, либо нервничают по поводу того, что оно будет означать для них. «Каким будет ваш вклад в воспитание детей?», — спросила Рубин Ясона, мужчину, у которого, по его словам, «никаких проблем с агрессивными женщинами». Его ответ был таков: «Я бы, конечно, хотел сделать все, что смогу. Я не считаю, что буду отсутствующим отцом, но кто-то должен взять на себя большую долю ответственности... И я бы не сказал, что это буду я, потому что не смогу. У меня есть карьера, и для меня в жизни очень важно то, над чем я работаю»¹.

Большинство людей, и мужчин, и женщин, приходят теперь к браку, принося с собой существенный капитал сексуального опыта и знаний. Для них нет резкого перехода от ощупываний украдкой или недозволенных сношений к более безопасному, хотя и часто более требовательному брачному ложу. Сегодня новобрачные по большей части сексуально опытные, и для них не существует периода сексуального ученичества на ранних стадиях брака, если даже они не жили предварительно друг с другом.

И все же в сексуальном смысле, как показывает Рубин, и женщины, и мужчины ожидают от брака гораздо больше, нежели считалось нормальным в более ранних поколениях. Женщины ожидают, что они будут получать и равным образом давать сексуальное наслаждение, и многие склонны к тому, чтобы рассматривать вознаграждающую сексуальную жизнь как ключевое требование к удовлетворенности браком. Доля женщин, находящихся замужем более пяти лет и имевших внебрачные связи, фактически такая же, как и среди мужчин. Двойной стандарт все еще существует, но женщины более не желают терпимо относиться к той точке зрения, что если мужчины нуждаются в разнообразии и поэтому от них следует ожидать, что они пустятся во внебрачные приключения, то сами они не должны вести себя подобным образом.

Как много информации можем мы вынести из такого отдельного исследования, проведенного с ограниченным числом людей в одной отдельной стране, о характерных родовых социальных изменениях? Я думаю, что мы можем выяснить по существу, что же нам требуется узнать для целей этого исследования. Кроме того, можно подвергнуть сомнению, что, говоря обобщенно, изменения типа тех, которые очертила Рубин, происходят во всех западных обществах и в определенной сте-

¹ *Lilian Rubin. Erotic Wars.* — New York: Farrar, Straus and Giroux, 1990. — P. 146.

пени в других странах. Конечно, между различными странами существуют значительные расхождения в субкультурах и социо-экономических стратах. Определенные группы стоят в стороне от описываемых изменений или пытаются активно сопротивляться им. Некоторые общества имеют более долгую историю сексуальной толерантности, нежели другие, и изменения, которые они испытывают, возможно, не настолько радикальны, как в США. Однако во многих обществах такие изменения происходят на фоне более сдерживающих сексуальных ценностей, нежели те, что были характерны для американского общества несколько десятилетий назад. Для людей, живущих в таких контекстах, особенно для женщин, происходящие сейчас трансформации драматичны и разрушительны.

Гетеросексуальность, гомосексуальность

Исследование *Л. Рубин* имело дело только с гетеросексуальной активностью. Ее решение исключить гомосексуальный опыт привело к неполной картине, но данный факт уже раскрыл *А. Кинси*, показав, что очень высокая доля мужчин, равно как и существенный процент женщин, в какие-то моменты своей жизни принимали участие в гомосексуальных актах.

Он обнаружил, что только 50 процентов всех американских мужчин были, по их словам, «исключительно гетеросексуальны», то есть ни принимали участия в гомосексуальных действиях, ни испытывали гомосексуальных желаний. 18 процентов были либо исключительно гомосексуальны, либо устойчиво бисексуальны. Среди женщин 2 процента были полностью гомосексуальны, 13 процентов других были вовлечены в какие-то формы гомосексуальных действий, в то время как следующие 15 процентов имели гомосексуальные побуждения без удовлетворения их¹.

Эти открытия в то время шокировали недоверчивую публику. Однако за последние четверть века гомосексуальность испытала на себе влияние столь же больших изменений, что и гетеросексуальное поведение. Даже в те времена, когда появились книги Кинси, гомосексуальность все еще рассматривалась в большей части клинической литературы как патология, форма психосексуального нарушения в одном ряду с другими — фетишизмом, вуайеризмом, трансвестизмом, сатириазисом, нимфоманией и так далее. Многие гетеросексуалы продолжают рассматри-

¹ *Alfred C. Kinsey et al.: Sexual Behaviour in the Human Male. — Philadelphia: Saunders, 1948; Sexual Behaviour in the Human Female. — Philadelphia: Saunders, 1948.*

вать ее как извращение — то есть как особо неестественную и морально осуждаемую. Тем не менее сам термин «извращение» более или менее исчез из клинической психиатрии, и отвращение, испытываемое многими в отношении гомосексуальности, не получает более сущностной поддержки со стороны медиков-профессионалов.

«Выход на свет» гомосексуальности — это очень реальный процесс, имеющий серьезные последствия для сексуальной жизни вообще. Он был сигналом для популяризации самоописания «гея», пример того рефлексивного процесса, посредством которого социальный феномен может быть освоен и трансформирован через коллективный опыт. Конечно, понятие «гей» предполагает красочность, открытость и легитимность, что довольно далеко от имиджа гомосексуальности, которого когда-то придерживались многие практикующие гомосексуалы, равно как и большинство гетеросексуальных индивидов. Культурные сообщества геев, которые вошли в обиход во многих американских городах, равно как и во многих урбанистических центрах в Европе, дали гомосексуальности новое публичное лицо. Однако на более личностном уровне понятие «гей» также принесло с собой все более широкое отношение к сексуальности как к качеству или свойству собственной личности. Личность — гей или кто угодно другой — «обладает» сексуальностью, которая может быть рефлексивно освоена, изучена и развита.

Таким образом, сексуальность становится свободно плавающей (в оригинале — *free-floating* — примеч. перев.); в то самое время как «гей» — это некто такой, кем можно «быть» и «открывать в себе», сексуальность сама раскрывает себя во множестве объектов.

Так, *The Kinsey Institute New Report on Sex*, опубликованный в 1990 году, описывает случай 65-летнего мужчины, жена которого умерла после их счастливого брака, длившегося в течение сорока пяти лет. Не прошло и года после смерти жены, как он влюбился в мужчину. По его собственному свидетельству, у него никогда прежде не было ни сексуального влечения к мужчинам, ни фантазий о гомосексуальных актах. Теперь этот индивид совершенно открыто следует своей измененной сексуальной ориентации, хотя он столкнулся с проблемой «что сказать детям»¹.

Мог ли он даже несколько лет назад допустить возможность, что таким образом трансформируется его «сексуальность»? Он вошел в новый мир во многом тем же путем, что и Грэхем.

¹ June M. Reinsch and Ruth Beasley: *The Kinsey Institute New Report on Sex*, Harmondsworth: Penguin, 1990. — P. 143.

Идея «связи» возникает в субкультурах геев столь же сильно, как и в более гетеросексуальных популяциях. Гомосексуальные мужчины обычно имеют разных сексуальных партнеров, контакты с которыми могут быть лишь скоротечными — как практиковалось в банной культуре до того, как пришествие СПИДа привело к ее практическому исчезновению. В исследовании, предпринятом в конце 1970-х годов, около шести сотен гомосексуальных мужчин в США были опрошены на предмет того, сколько всего сексуальных партнеров они имели; около 40 процентов установили число в пятьсот и более¹.

Могло бы показаться, что мы обнаружили здесь вселенную бурно разросшейся мужской сексуальности, где встреча на одну ночь превращается в наугад выбранное десятиминутное спаривание. Фактически же высокая доля геев мужчин и большинство лесбиянок в любой из моментов ведут совместное проживание с партнером. Те же самые только что процитированные исследования обнаружили, что большинство контактировавших между собою людей находились в связи с одним главным партнером в течение периода продолжительностью по меньшей мере двух лет. Исследование, предпринятое Институтом Кинси в начале 1980-х и основанное на интервью с несколькими сотнями гомосексуальных мужчин, показывает, что фактически все они удерживались на том или ином пункте устойчивой связи по меньшей мере год².

Геи — мужчины и женщины — превзошли большинство гетеросексуалов в развитии связей в том смысле, который предполагает это понятие сегодня применительно к личной жизни. Потому что они вынуждены жить без традиционно установленных образцов брака, в условиях относительного равенства между партнерами.

«Сексуальность» сегодня раскрыта и сделана доступной для развития различных вариантов жизненных стилей. Это нечто такое, что каждый из нас «имеет» или культивирует, уже больше нет какого-то естественного условия, которое индивид воспринимает как предопределенный порядок вещей. Каким-то способом, который еще предстоит изучить, сексуальность функционирует как подверженная определенному развитию и переработке черта личности, выступая первичным связующим пунктом между телом, самоидентичностью и социальными нормами.

Такие изменения как нигде лучше можно продемонстрировать в случае с мастурбацией, ставшей символом сексуальности, потерпевшей неудачу. Мас-

¹ *June M. Reinsch and Ruth Beasley: The Kinsey Institute New Report on Sex, Harmonswordth: Penguin, 1990. — P. 144.*

² *Ibid. — P. 145.*

турбация «вышла наружу» столь же открыто, как и гомосексуальность. Отчет Кинси обнаружил, что 90 процентов мужчин и 40 процентов женщин в какое-то время своей жизни занимались мастурбацией. Данные более поздних опросов подняли эту долю почти до 100 процентов для мужчин и до 70 процентов для женщин. Не менее важно и то, что мастурбация широко рекомендуется как один из основных источников сексуального наслаждения и активно поощряется как способ улучшения сексуальной отзывчивости для обоих полов¹.

Какими способами только что обсуждавшиеся социальные изменения взаимодействуют с трансформацией личной жизни в более общем плане? Как эти изменения нескольких прошлых десятилетий связаны с более продолжительными воздействиями на сексуальное поведение? Ответить на эти вопросы — означает исследовать, как зарождалась «сексуальность», что она собою представляет и как она стала чем-то таким, чем индивид «обладает». Эти проблемы будут предметом моего внимания в данной книге в целом. Но одна конкретная работа в последние годы была доминантой моих размышлений над этими проблемами, и мы можем обозначить начальный подход к ним через краткую критическую оценку ее: взгляды *Мишеля Фуко* на историю сексуальности.

Предупреждая возможные моменты непонимания, позвольте мне подчеркнуть, что полномасштабная полемика с идеями Фуко вышла бы за пределы объема этой книги, и я не буду пытаться проделывать это. Блестящие инновации автора ставят определенные ключевые проблемы таким образом, каким не думал никто ранее. Однако, на мой взгляд, его работы также глубоко двойственны и в смысле философской позиции, которую он вырабатывает, и в некоторых исторических утверждениях, которые он делает или подразумевает. Почитатели Фуко будут несчастны: я не критикую эти утверждения в каких-либо деталях. Однако мои расхождения с автором возникают достаточно ясно в существовании аргументов, которые я развиваю; я использую его работу как фон, на котором оттеняются эти аргументы.

¹ *Masters W. H. and Johnson V. E. Human Sexual Response.* — Boston: Little Brown, 1966.

М. Фуко о сексуальности

В своей «Истории сексуальности» М. Фуко намеревается подвергнуть атаке то, что он именуется знаменитой формулировкой — «репрессивная гипотеза»¹.

Согласно его точке зрения, современные социальные институты принуждают нас расплачиваться за те выгоды, которые они предоставляют, ценою все возрастающего подавления. Цивилизация подразумевает дисциплину, а дисциплина в свою очередь подразумевает контроль над внутренними побуждениями — контроль, который, чтобы быть эффективным, также должен быть внутренним. Кто произносит «современность», тот говорит «супер-эго». Сам автор, кажется, принимал нечто вроде подобного взгляда в своих ранних работах, рассматривая современную социальную жизнь как внутренне связанную с возрастанием «дисциплинарной власти», используемой в качестве характеристики тюрьмы и сумасшедшего дома, но также и некоторых фирм в бизнесе, школ и больниц. Дисциплинарная власть, как предполагается, производит «послушные органы», легче контролируемые и регулируемые в этих видах деятельности, нежели те, что способны спонтанно воздействовать на побуждение желаний.

Здесь власть поднялась над всем как принуждающая сила. Кроме того, Фуко пришел к пониманию того, что власть не просто устанавливает ограничения, это еще и мобилизующий феномен; и те, кто подвергается воздействию дисциплинарной власти, не обязательно во всем послушны ей в своих реакциях. Власть тем не менее не только противостоит удовольствию, она может быть инструментом для производства его. «Сексуальность» не следует понимать только в качестве побудителя, который должен содержать в себе социальные силы. Это, скорее, «особенно плотная переводящая точка для отношений власти», нечто такое,

---

¹ *The History of Sexuality* состоит из трех томов, из которых здесь наиболее релевантным является том 1: *An Introduction*. — Harmondsworth: Pelican, 1981.

что может быть использовано в качестве фокуса социального контроля через саму энергию, которую она генерирует.

Секс в современной цивилизации не загоняется в подполье. Напротив, он становится предметом постоянного обсуждения и исследования. Он становится частью «великой проповеди», вытесняя более древнюю традицию проповеди теологической. Утверждения о сексуальном подавлении и проповеди превосходства взаимно усиливают друг друга; борьба за сексуальное освобождение — это часть того же самого аппарата власти, которую она обвиняет. Был ли какой-либо другой социальный порядок, риторически спрашивает Фуко, столь настойчиво и всеобъемлюще озабоченный сексом?

Девятнадцатый и начало двадцатого века являются главным предметом внимания Фуко в его рассмотрении репрессивной гипотезы. На протяжении этого периода сексуальность и власть стали пересекаться несколькими различными путями. Сексуальность развивалась как тайна, которую предстояло затем бесконечно раскрывать, равно как и защищать. Целые кампании по осаде этого опасного феномена организовывались врачами и педагогами для того, чтобы сделать ясными его последствия. Однако ему уделялось столь много внимания, что может возникнуть подозрение, что целью было отнюдь не устранение его; задачей была просто организация индивидуального развития, как умственного, так и физического.

Таким же был и прецедент, продолжает Фуко, с многочисленными извращениями, которые подвергались каталогизации психиатрами, врачами и другими специалистами. Эти разнообразные формы отклоняющейся от нормы сексуальности были и открытыми для публичной дискуссии, и возводимыми в принципы классификации индивидуального поведения, индивидуальности и самоидентификации. Воздействие проводилось не для того, чтобы подавить извращения, а для того, чтобы придать им «аналитическую, видимую и перманентную реальность»; они «имплантировались в тела, незаметно переводились в подсознательные способы поведения». Так, в пре-модернистском праве содомия определялась как запрещенный акт, но не считалась качеством поведенческого паттерна индивида. Однако гомосексуал девятнадцатого века стал «персонажем, прошлым, историческим прецедентом», равно как и «тип жизни, форма жизни, морфология». По словам Фуко: «Мы не должны воображать, что все эти вещи, к которым прежде относились терпимо, привлекли внимание и получили уничижительные ярлыки, когда настало время отдать регулятивную роль единственному типу сексуальности, который был способен к воспроизводству рабочей силы и к тому,

чтобы быть формой семьи... Именно через изоляцию, интенсификацию и консолидацию периферийных типов сексуальности отношение власти к сексу и наслаждению разветвлялось, множилось, измеряемое тем, что проникающими способами поведения»¹.

Искусство эротической чувственности поощрялось во многих традиционных культурах и цивилизациях; но только современное западное общество развило науку сексуальности. Это произошло, по мнению Фуко, через соединение принципов исповеди с аккумуляцией знаний о сексе.

Секс фактически становится фокальной точкой современной исповедальни. Католическая исповедальня, указывает Фуко, всегда была средством регуляции этой стороны жизни верующих. Она представляла собою нечто гораздо большее, нежели просто место, где выслушивалась нескромная информация сексуального характера, и откровенные признания в таких проступках получали интерпретацию исповедника и самого кающегося с позиций более обширной этической системы. Частью контрреформации стала большая настойчивость церкви в вопросах регулярной исповеди, и процесс в целом интенсифицировался. Должны были сообщаться и подвергаться тщательному изучению не только действия, но и помыслы, мечтания и любые детали, касавшиеся секса. «Плотью» христианской доктрины, которую мы все наследуем и которая включает в себя единение души и тела, был непосредственный источник, побуждающий нас заниматься сексом: сексуальное желание.

Где-то в конце восемнадцатого столетия исповедь-раскаяние стала исповедью-допросом. Она была каналирована² в различные дискурсы — от описаний конкретных исторических случаев и научных трактатов до скандальных брошюр, таких как «Моя тайная жизнь» анонимного автора.

Секс был «тайной», создаваемой текстами, которые отвергали его, равно как и восхваляли. Появляется убеждение, что доступ к этой тайне позволит раскрыть «истину»: сексуальность фундаментальна для «режима истины», который столь характерен для современности. Исповедь в ее современном смысле — это «все те процедуры, посредством которых субъект побуждается к тому, чтобы сформулировать дискурс истины о собственной сексуальности, способный иметь воздействие на самого субъекта»³.

С того времени команды экспертов, сексологов и специально подобранных специалистов стоят наготове, чтобы проникнуть в эту тайну,

¹ *Michel Foucault. An Introduction.* — Harmondsworth: Pelican, 1981. — P. 47–48.

² Каналирование — направление чьих-то действий (или мыслей) в определенное русло с заранее заданным умыслом (*Примеч. перев.*).

³ *Michel Foucault. The confession of the flesh,* in Colin Gordon: *Michel Foucault: Power/Knowledge,* Hemel Hempstead: Harvester, 1980. — P. 215–216.

которую они сами же и помогали создавать. Секс наделяется огромной каузальной властью, и нам кажется, что он способен оказать влияние на множество разнообразных действий¹.

Само усилие, вкладываемое в исследование, превращает секс в нечто тайное, всегда сопротивляющееся простому наблюдению. Подобно сумасшествию, сексуальность не является феноменом, существующим всегда и ожидающим рационального анализа и терапевтической коррекции. Эротическое наслаждение становится «сексуальностью» по мере того, как исследование его продуцирует тексты, пособия и опросы, которые проводят различия между «нормальной сексуальностью» и ее патологическими формами. И истина, и тайна секса устанавливались путем изучения и обеспечения доступности таких «открытий».

Исследование секса и создание дискурсов о нем привело в девятнадцатом веке к развитию различных контекстов типа «знание — сила». (Давайте вспомним, как эта фраза звучит в оригинале у Бэкона: «*Knowledge itself is power*». Дословно это можно перевести следующим образом: «Знание само по себе есть сила [власть]» — *примеч. перев.*)

Один из них относился к женщинам. Женская сексуальность была осознана и немедленно сокрушена, трактуемая как патологический источник истерии. Другой имел отношение к детям — «открытие», что дети сексуально активны, было связано с декларацией, что сексуальность детей «противна природе». Следующий контекст относился к браку и семье. Секс в браке должен был быть ответственным и саморегулируемым; он не просто ограничивался рамками брака, но и предписывался к исполнению особыми специфическими способами. Контрацепция не поощрялась. Предполагалось, что контроль за размерами семьи возникает спонтанно, исходя из того, что преследование целей наслаждения должно быть введено в рамки дисциплины. Наконец, вводился каталог извращений и описывались способы их излечения.

Открытие сексуальности, согласно Фуко, было частью определенных специфических процессов формирования и консолидации современных социальных институтов. Современные государства и современные организации зависят от щепетильного контроля за населением в пространстве и во времени. Такой контроль был порожден развитием «анатоми-политики человеческого тела», технологий телесного менеджмента, имевших своей целью регуляцию, но также и оптимизацию возможностей тела. В свою очередь «анатоми-политика» — это одна

¹ *Michel Foucault*. Technologies of the self, in Luther H. Martin et al.: Technologies of the self. — London: Tavistock, 1988. «В отличие от других запретов, сексуальные запреты постоянно связаны с обязательством рассказывать правду о себе» (p. 16).

из фокальных точек более обширной области биоэнергетики. (*Biopower*. Вообще говоря, этот термин можно было бы перевести также как «биологическая власть» — *примеч. перев.*)

Исследование секса, замечает Фуко в одном из интервью, — это довольно скучное занятие. Для чего, помимо всего прочего, необходимо столь долго и нудно вытягивать еще один дискурс, чтобы добавить его к множеству уже существующих? Что представляет интерес, так это возникновение «аппарата сексуальности», «позитивной экономии тела и наслаждения»¹.

Фуко пришел к необходимости сосредоточиться на этом «аппарате» в его отношении к самости, и его исследования сексуальности в Классическом мире позволяют осветить эту проблему так, как он сам ее видит².

Греки проявляли заинтересованность в том, чтобы воспитывать «заботу о себе», но таким способом, который «драматически противостоял» развитию самости в современном социальном порядке и который в экстремальном его проявлении он именуется «Калифорнийским культом себя». Между этими двумя было опять же влияние христианства. В античном мире — по крайней мере, в высших классах — забота о себе интегрировалась в этику культивируемого эстетического существования. Для греков, сообщает нам Фуко, пища и диета были гораздо более важны, нежели секс. Христианство вытеснило классический взгляд на идею самости, которая должна была отвергаться: самость есть нечто подлежащее расшифровке. В «Калифорнийском культе себя» «некто предполагается раскрывающим подлинного себя, чтобы отделить его от того, что затмевает или отчуждает его, расшифровать его истину благодаря психологической или психоаналитической науке»³.

Сексуальность и институциональное изменение

По утверждению Фуко, само понятие «сексуальность» реально появляется впервые в девятнадцатом столетии. Вообще, это слово существовало в техническом жаргоне таких наук, как биология и зоология, примерно с начала 1800-х годов, но только к концу века оно вошло в широкий

¹ *Foucault*. The confession of the flesh, in Colin Gordon: *Michel Foucault: Power/Knowledge*, Hemel Hempstead: Harvester, 1980. — P. 215–216.

² *Michel Foucault*. Preface to *The History of Sexuality*, vol.2: *The Use of Pleasure*. — Harmondsworth: Penguin, 1987.

³ *Michel Foucault*. On the genealogy of ethics: an overview of work in progress, in Paul Rabinow: *The Foucault Reader*, — Harmondsworth: Pelican, 1986, P. 362. Самое лучшее изложение вторичной дискуссии по Фуко и самости см. Lois McNay: *Foucault and Feminism*. — Cambridge: Polity, 1992.

обиход в том значении, которое достаточно близко к тому, которое оно имеет сегодня для нас, — в том, что *Oxford English Dictionary* определяет как «качество быть сексуальным или иметь секс» (напомним, что английское «sex» означает просто «пол» — в биологическом смысле — *примеч. перев.*).

Данное слово появляется в таком смысле в книге, опубликованной в 1899 году и посвященной изучению вопроса о том, почему женщины склонны к различным заболеваниям, от которых мужчины избавлены, — нечто такое, за что и оказывается ответственной женская «сексуальность»¹.

То, что оно изначально было связано с попытками удерживать под контролем женскую сексуальную активность, достаточно убедительно продемонстрировано в литературе той эпохи. Сексуальность возникла как источник беспокойства, требующего разрешения; женщины, которые жаждут сексуального наслаждения, специфически неестественны. Как писал один медицинский специалист, «то, что является обычным состоянием мужчины [сексуальное возбуждение], является исключением для женщины»².

Сексуальность — это социальный конструкт, действующий в пределах полей власти, а не просто ряд биологических побуждений, которые либо находят, либо не находят прямого высвобождения. И все же мы не можем принять тезис Фуко о том, что существует более или менее прямой путь сквозного развития от викторианской «зачарованности» сексуальностью к более недавним временам³.

Существуют серьезные контрасты между сексуальностью — как открытием викторианской медицинской литературы и эффективно маргинализованной там, — и сексуальностью как повседневным феноменом сегодняшних тысяч книг, статей и других письменных источников. Кроме того, подавление (репрессия) викторианской и последующей эпох была в некоторых отношениях слишком реальной, как могли бы подтвердить целые поколения тогдашних женщин⁴.

---

¹ *Stephen Heath*. *The Sexual Fix*. — London: Macmillan, 1982. — P. 7–16.

² *Ibid.* — P. 17.

³ Одну из таких версий см. в *Stephen Heath*. *The Sexual Fix*. — London: Macmillan, 1982.

⁴ Lawrence Stone: «*Passionate attachments in the West in historical perspective*», in William Gayline and Ethel Person: *Passionate Attachments*, New York: Free Press, 1988. Вокруг «репрессивной гипотезы» велось немало дискуссий. См. напр. Peter Gay: *The Bourgeois Experience*, Oxford: Oxford University Press, vol. 1, 1984; vol. 2, 1986. См. также James MaHood and Kristine Wenburg: *The Mosher Survey*, New York: Arno, 1980, где рассматривается исследование сорока пяти женщин викторианской эпохи, проведенное

Трудно, если это вообще возможно, понять смысл этих проблем, пока мы остаемся целиком в пределах теоретической позиции, разработанной Фуко, в которой единственными движущими силами являются власть, дискурс и тело. Власть в работах Фуко движется таинственными путями, а история, как активное достижение человеческих субъектов, едва существует. Поэтому давайте примем его аргументацию о социальных источниках сексуальности, но поместим их в несколько иную систему интерпретации. Фуко делает слишком сильный акцент на сексуальности ценою утверждения гендера. Он умалчивает о связи сексуальности с романтической любовью — тем феноменом, который тесно связан с изменениями, происходившими в семье. Кроме того, его дискуссия о сексуальности остается в значительной степени исключительно на уровне дискурса — и при этом весьма специфической его формы. Наконец, следует поставить под вопрос его концепцию самости в отношении современности.

Фуко утверждает, что сексуальность в викторианские времена была тайной, но тайной открытой, непрерывно обсуждаемой в различных текстах и медицинских источниках. Феномен разнообразных медицинских дебатов весьма важен в силу тех причин, которые он приводит. И все же было бы откровенной ошибкой полагать, что секс был широко представлен, анализировался или обсуждался в источниках, доступных широкой публике. Медицинские журналы и полуофициальные публикации были доступны лишь очень немногим; а до самого конца девятнадцатого столетия большинство населения даже не было грамотно. Ограничение сексуальности до арены технической дискуссии было способом цензуры *де-факто*; эта литература не была доступна даже образованной части населения. Такого рода цензура воздействовала на женщин ощутимо сильнее, чем на мужчин. Многие женщины выходили замуж, фактически совершенно не имея никаких знаний о сексе, не зная, что делать с нежелательными для них побуждениями мужчин, и вынуждены были терпеть это. Поэтому мать обычно говорила дочери: «После твоей свадьбы, дорогая, с тобой будут происходить неприятные вещи, но не обращай внимания, я этого никогда не делала»¹.

Селией Мошер. Тридцать четыре процента ее респондентов сообщили, что они «всегда» или «обычно» испытывали оргазм в сексуальных связях, — процент, который хорошо согласуется с Докладом Кинси по женщинам. Экстраординарная работа Ronald Нюам: *Empire and Sexuality*. — Manchester: Manchester University Press, 1990 демонстрирует, что «викторианизм» нельзя понять, если ограничиться одной лишь Британией. Домашняя «репрессия» шла рука об руку с широко распространенной распущенностью в имперских доминионах — со стороны мужской части населения колоний.

¹ См. Adams. *Ordinary Lives*. — London: Virago, 1982. — P. 129.

Вот *Эмбер Холлибоу*, феминистская активистка, призывавшая в 1980-х «высказываться» за женщин, которые публично проявят сильное желание, хотя и не вполне артикулированное: «Где все эти женщины, которые ведут себя отнюдь не кротко и не хотят делать этого; не знают, что им нравится, но намерены выяснить; где они, любители плоти или женственных женщин; где они, которые любят трахать мужчин; которые практикуют согласованные действия сексуальных меньшинств (S/M — *sexual minorities* — *примеч. перев.*); которые любят дилдо (разновидность фаллоимитатора — *примеч. перев.*), проникновения, переодевания в костюмы другого пола; которые любят потеть, грязно ругаться, наблюдать за выражением желания, пробегающим по лицам их любовников; которые находятся в замешательстве и испытывают потребность экспериментировать с собственными неопределенными идеями относительно проявлений страсти; которые думают, что страсть геям-мужчин более горяча?»¹.

Очарованность сексом, которую подмечает Фуко, откровенно присутствует здесь, в экстатической проповеди Холлибоу; но можно ли найти, по меньшей мере, на поверхности вещей, что-нибудь более отличающееся от скучных, пропитанных мужской авторитарностью, медицинских текстов, которые описывает Фуко? Как мы дошли от одного пункта до другого за период длиною меньше столетия?

Если бы мы следовали логике автора, ответы на эти вопросы могли бы показаться довольно легкими. Навязчивая викторианская идея относительно секса была последовательно доведена до кульминации Фрейдом, который, начав с замешательства по поводу истерических женщин, пришел к выводу о том, чтобы рассматривать сексуальность как сердцевину всего человеческого опыта. Примерно в таких же обстоятельствах начали свою работу *Хевилок Эллис* и другие сексологи, провозгласив поиск наслаждения желательным и необходимым для обоих полов. Отсюда осталось несколько коротких шагов — через Кинси и Мастерса и Джонсон — к такой работе, как «Научи себя сексу», в которой читатель в сексуальном отношении сравнивается с радиослушателем: «Спросите себя, почему вы перестали крутить ручку настройки. Как часто вы наслаждались неожиданной программой, на которую вы наткнулись случайно, когда играли с переключателем?»².

¹ *Amber Hollibaugh*. Desire for the future: radical hope in passion and pleasure, in Carole S. Vance: *Pleasure and Danger. Exploring Female Sexuality*. — London: Routledge, 1984. — P. 403.

² *Paul Brown and Carolyn Faudler*. *Treat Yourself to Sex*. — Harmondsworth: Penguin, 1979. — P. 35.

Тем не менее все это не так просто. Чтобы объяснить, как происходят такие изменения, нам нужно уйти от подавляющего акцента на дискурс и взглянуть на факторы, в значительной степени отсутствующие в анализе Фуко. Некоторые из них касаются долгосрочных влияний, в то время как другие ограничиваются более недавним периодом.

На долгосрочные тенденции я укажу лишь кратко, хотя их общая важность фундаментальна, поскольку они устанавливают подмостки для тех, которые вступают в действие на более поздней фазе. На протяжении девятнадцатого столетия формирование брачных уз для большинства групп населения стало основываться на основе суждений иных, нежели экономические ценности. Понятия романтической любви, основавшие свои главные владения, прежде всего в буржуазных группах, при буржуазном порядке просочились во многие сферы жизни. «Романтика» стала синонимом ухаживания, а «романы» были первой формой литературы, достигшей масс. Распространение идей романтической любви было одним из факторов, ведущих к вычленению брачных уз из более широких родственных связей и к приданию им отдельной особой значимости. Мужья и жены во все возрастающей степени стали рассматриваться как сотрудники в совместном предприятии, это сохраняло свою первичность даже над обязательствами по отношению к их детям. Понятие «дома» приобретало отдельное бытие, как особая окружающая среда, отделенная от работы; и, по меньшей мере, в принципе, становилось местом, где индивиды могли ожидать эмоциональной поддержки, что контрастировало с инструментальным характером окружения на работе. Особенно важный фактор в возникновении сексуальности: давление необходимости иметь большую семью — характеристика фактически всех пре-модернистских культур — сменилось тенденцией к ограничению размеров семьи, и довольно жесткими способами. Такая практика, являя собою по внешней видимости невинную демографическую статистику, поместила палец на исторический спусковой крючок именно в том, что было связано с сексуальностью. Впервые для массовой популяции женщин сексуальность оказалась отделенной от хронического круга беременности и деторождения.

Сокращение размеров семьи было здесь таким же историческим условием, как и введение современных методов контрацепции. Конечно, контроль над рождаемостью довольно давно имел своих сторонников, большинство которых составляли женщины, но вплоть до конца Первой мировой войны движение за контроль над рождаемостью в большинстве стран не получало широко распространенного влияния. Изменение в официальном мнении Соединенного Королевства, которое

до этого времени было откровенно враждебным, было обозначено, когда лорд Доусон, личный врач короля, с неохотой провозгласил в своей речи в 1921 году: «Контроль над рождаемостью уже здесь, он пришел, чтобы остаться. Это установленный факт, и он, к добру ли, к злу ли, но должен быть принят... Никакая денонсация его не уничтожит». Это его высказывание огорчило многих. Газета «*Sunday Express*» откликнулась на эту речь призывом «Лорд Доусон должен уйти!»¹

Эффективная контрацепция означала больше, нежели просто возрастающие возможности ограничения беременности. В сочетании с другими факторами, воздействовавшими на размеры семьи, отмеченными выше, она означала глубокий переход в личной жизни. Для женщин — и отчасти для мужчин, хотя и в ином смысле, — сексуальность стала потенциальной «собственностью» индивида, поддающейся обработке и открытой для формирования различными способами.

Сексуальность вошла в человеческое бытие как часть прогрессирующего отделения секса от острой необходимости в воспроизводстве. С дальнейшей разработкой репродуктивных технологий это отделение становится сегодня все более полным. Теперь, когда эта концепция может быть скорее искусственно воспроизведена, нежели искусственно заторможена, сексуальность стала наконец полностью автономной. Воспроизводство сегодня может происходить вообще в отсутствие сексуальной активности; это полное «освобождение» сексуальности, которая отныне может стать всецело качеством индивидов и их транзакций (взаимодействия) друг с другом.

Создание *пластичной сексуальности*, отделенной от прежней интеграции ее с репродукцией, родством и потомством, было предварительным условием сексуальной революции нескольких последних десятилетий. Для большинства женщин в большинстве культур и на протяжении большинства периодов истории сексуальное наслаждение везде, где это возможно, было внутренне связано со страхом повторяющихся беременностей и поэтому — смерти, учитывая значительный процент женщин, погибавших при родах, и очень высокие, преобладающие показатели детской смертности. Поэтому разрыв этих связей был феноменом с поистине радикальным подтекстом. Кто-то может сказать, что СПИД возобновил связь сексуальности со смертью, но это уже не возврат к прежней ситуации, потому что болезнь не делает различия между полами. «Сексуальная революция» последних тридцати или сорока лет не является исключительно или даже первично гендерно-нейтральным

¹ См. Adams. *Ordinary Lives*. — London: Virago. 1982. — P. 138.

прорывом вседозволенности. Она включает в себя два базовых элемента. Первый из них — это революция в женской сексуальной автономии, сконцентрированной в этом периоде, но фактически имеющей своих предшественников, если бросить взгляд назад — в девятнадцатый век¹.

Она имела глубокие последствия для мужской сексуальности, и это в значительной степени еще не завершенная революция.

Второй элемент — это расцвет мужской и женской гомосексуальности. Гомосексуалы обоих полов хорошо застолбили почву для продвижения будущей сексуальной «ортодоксальности». Каждая из этих линий развития должна что-то предпринимать в отношении либертарианизма (движение сторонников доктрины о свободе воли — *примеч. перев.*), провозглашенного социальными движениями 1960-х годов, однако вклад такого либертарианизма в возникновение пластичной сексуальности не был ни необходимым, ни особо прямым и непосредственным.

Здесь мы имеем дело с гораздо более глубоко лежащими и необратимыми изменениями, нежели те, что мы вызвали к жизни, важными, несмотря на то, что они способствовали дискуссиям более свободным, чем это было возможно когда-либо прежде.

Институциональная рефлексивность и сексуальность

В своем анализе сексуального развития Фуко совершенно справедливо утверждает, что дискурс становится конструктивным для той социальной реальности, которую он отображает. Поскольку существует новая терминология для понимания сексуальности. Идеи, понятия, теории, формулируемые в этих понятиях, просачиваются в социальную жизнь и перестраивают ее. Однако, согласно Фуко, этот процесс является фиксированным и односторонним вторжением «знания-силы» в социальную организацию. Не отрицая его связанности с властью, мы должны рассматривать этот феномен скорее как *институциональную рефлексивность* и при этом учитывать, что он находится в постоянном движении. Он институциональный, потому что является базовым структурным элементом социальной активности в современной обстановке. Он рефлексивный в том смысле, что понятия, вводимые для описания социальной жизни, рутинным образом входят и трансформируют ее — не как механический процесс, не обязательно контролируемым путем, а прежде всего потому, что они являются частью паттернов действия, выбираемых индивидами или группами.

¹ Этот пункт в некоторых подробностях разработан в Barbara Eihreinreich et al.: *Re-making Love*. — London: Fontana, 1987.

Экспансия институциональной рефлексивности — это отчетливо выраженная черта современных обществ, характерная для сравнительно недавних периодов времени. Возрастающая географическая мобильность, влияние масс-медиа и множества других факторов подрезали традицию в социальной жизни, которая долго сопротивлялась современности или стала адаптироваться к ней. Непрерывное инкорпорирование знания не только устремляется в эту брешь; оно дает именно базовое побуждение для тех изменений, которые охватывают личные, равно как и глобальные контексты действий. В области сексуального дискурса сообщения по анализу и комментированию практической сексуальности имели больше далеко идущих последствий, нежели открыто пропагандистские тексты, консультирующие в поисках путей сексуального наслаждения. Доклады Кинси, равно как и те, что последовали за ними, имели своей целью проанализировать то, что происходит в данной конкретной частной сфере социальной активности, как и любые другие исследования такого рода. Тем не менее после своего появления они оказывали определенное воздействие, иницируя циклы дискуссий, повторных исследований и дальнейших дебатов. Эти дебаты стали частью широкой публичной сферы, но послужили также и тому, чтобы изменить направление взглядов на сексуальные действия и на вовлеченность в них. Несомненно, что «научное» выражение таких исследований помогает нейтрализовать моральные трудности относительно пристойности исследования частных сексуальных практик. Однако гораздо более важно, что усиление таких сигналов от исследователей вносит свой вклад в повышение рефлексивности на уровне обыкновенной повседневной сексуальной практики.

По моему мнению, все это мало что сделало с исповедниками (теми, кто (вольно или невольно) выслушивает чьи-то откровения об их сексуальной жизни — *примеч. перев.*) в самом общем смысле этого понятия, используемого Фуко.

Обсуждение этой темы у Фуко в определенной степени стимулирует мысль, хотя само по себе оно представляется просто ошибочным. Мы можем согласиться, что по мере созревания нового мира терапия и консультирование, включая психоанализ, приобретали все более выдающееся значение. Хотя их перемещение в центр внимания еще не является результатом того факта, что, как это утверждает Фуко, они обеспечили «регулярность процедур исповедования о сексе»¹.

¹ *Foucault*. The confession of the flesh. — London, Macmillan, 1984.

Если мы даже будем рассматривать один лишь психоанализ, сравнение с исповедником будет слишком сильным, чтобы убедить нас. Для исповеди требуется, чтобы индивид с готовностью предоставлял требуемую информацию. А ведь психоанализ исходит из предположения, что эмоциональные блокады, коренящиеся в прошлом, затрудняют как понимание индивидом самого себя, так и автономность его действий¹.

Интерпретация, которую Фуко дает развитию самости в современном обществе, также должна быть весьма основательно поставлена под вопрос. Вместо того чтобы рассматривать самость как феномен, конструируемый какой-то специальной «технологией», нам надо осознать, что самоидентификация в жизни современного общества становится особенно проблематичной, и особенно в самые последние годы. Фундаментальными чертами общества с высокой рефлексивностью являются «открытый» характер самоидентичности и рефлексивная природа тела. Для женщин, борющихся за освобождение от прежде существовавших гендерных ролей, вопрос «Кто я?», который *Бетти Фриден* обозначила как «проблему отсутствия имени»², всплывает на поверхность с особой интенсивностью.

Во многом это относится также к гомосексуалам — как мужчинам, так и женщинам, — которые оспаривают господствующие гетеросексуальные стереотипы. Этот вопрос — один из тех, что относятся к сексуальной идентичности, но не единственный из них. Сегодня для каждого самость — это рефлексивный проект, более или менее продолжительное изучение прошлого, настоящего и будущего³.

Это проект, выполняемый среди изобилия рефлексивных ресурсов: терапия и разного рода самоучители, телевизионные программы и журнальные статьи.

На этом фоне мы можем интерпретировать вклад Фрейда в современную культуру в несколько ином свете, нежели Фуко. Важность Фрейда состоит не в том, что он наиболее убедительно сформулировал современную озабоченность сексом. Фрейд скорее открыл связь между сексуальностью и самоидентичностью, когда они были еще полностью непонятны, и в то же время показал проблематичность этих связей. Психоанализ берет свои истоки из лечения патологий поведения, и он рассматривался Фрейдом как метод борьбы с неврозами. Многими

¹ *Jacques-Alain Miller*, статья по Foucault. The confession of the flesh. См. также Mark Cousins and Athar Hussain: *Michel Foucault*. — London, Macmillan, 1984. — P. 212–215.

² *Betty Frieden*. The Feminine Mystique. — Harmondsworth: Penguin, 1965.

³ *Anthony Giddens*. Modernity and Self-Identity. — Cambridge: Polity, 1991.

практикующими психоаналитиками он и понимается именно в таком свете, равно как и большинство других форм терапии, в которые он помог вдохнуть жизнь. Психоанализ может лечить неврозы — хотя его успех в этом отношении можно считать несколько спорным. Однако особое его значение состоит в том, что он обеспечивает богатый фундамент теоретических и концептуальных ресурсов для создания рефлексивно упорядоченного рассказа о себе. В терапевтической ситуации, классического ли психоаналитического типа, либо иного, индивиды способны (в принципе) выстроить свое прошлое «в одну линию» с потребностями настоящего, консолидируя эмоционально выстроенный рассказ, от которого они чувствуют относительное удовлетворение.

Что применимо к телу, то применимо и к самости. Тело, когда оно достаточно откровенно, как раз и представляет собою в определенном смысле область сексуальности. Подобно сексуальности и самости, оно сегодня сильно возбуждается сексуальностью. Тело всегда украшали, баловали, а иногда, преследуя какие-то высшие идеалы, морили голодом и калечили. Однако что же объясняют наши особые заботы о проявлениях тела и контроле над ними, которые вполне определенно и очевидно носят иной характер, нежели те, что были характерны для традиционного общества? У Фуко есть ответ, и этот ответ вводит нас в сферу сексуальности. Современные общества, говорит он, в противоположность пре-модернистским, зависят от генерирования биоэнергии. И все же это в значительной степени полуправда. Тело становится средоточием административной власти. Однако в большей степени оно становится носителем самоидентичности и во все возрастающей степени интегрируется с решениями, принимаемыми индивидом по его жизненному стилю.

Рефлексивность тела фундаментальным образом ускоряется с изобретением диеты в ее современном значении — как массовый феномен она берет свое начало не ранее, чем несколько десятилетий назад. Диета связана с «наукой» питания и поэтому — с административной властью, в том смысле, какой придает ей Фуко; но она вносит также элемент передачи ответственности за тело в руки самого его обладателя. То, что ест индивид, даже среди менее обеспеченных слоев, становится рефлексивно побуждаемым вопросом диетического выбора. Сегодня *каждый* человек в развитых странах, за исключением самых бедных, «сидит на диете». С возрастанием эффективности глобальных рынков не только пищевое изобилие, но и разнообразие пищевых продуктов круглый год доступно для потребителя. В таких обстоятельствах то, что ест человек, это дело его выбора, связанное с жизненным стилем и выстраиваемое

с помощью огромного числа кулинарных книг, популярных медицинских трактатов, путеводителей по питанию и так далее. Стоит ли удивляться, что расстройства питания сместили центр тяжести истерии как патологии нашего времени? Стоит ли удивляться, что такие расстройства больше всего оказывают влияние на женщин, особенно на молодых женщин? Поскольку диета связана с физическим внешним обликом, самоидентичностью и сексуальностью в контексте социальных изменений, с которыми индивиды стремятся совладать. Сегодня истощенные тела являют собою свидетельства не экстатической набожности, а интенсивности этой секулярной битвы.

Падение извращенности

Что же нам все-таки делать со снижением отношения к «извращенности»? Как могло случиться, что те самые сексуальные действия, которые когда-то были столь сурово порицаемы, а иногда становились формально нелегальными, теперь стали очень широко практиковаться, а в некоторых кругах — активно поощряться? Еще раз повторим: довольно легко проследить поверхностную историю. Сексологи, равно как и Фрейд, и, по меньшей мере, некоторые из его еретических последователей, в значительной степени ниспровергли само понятие извращения. Подвергнутые основательному обсуждению, «Три эссе по теории сексуальности» Фрейда, впервые опубликованные в 1905 г., стремились продемонстрировать, что черты сексуальности, ассоциируемые с извращениями, далеко не ограничиваемые малыми категориями ненормальных людей, — это качества, общие для сексуальности каждого. Следовательно, заключал Фрейд, «неуместно использовать слово “извращение” в качестве символа укора»¹.

Аналогичным образом *Хевилор Эллис* утверждал, что этот термин неприемлем, предлагая заменить его другим понятием — «сексуальная девиация».

Как можно было бы показать, впоследствии группы интереса и движения начали активно провозглашать социальную приемлемость и легализацию гомосексуальности, оспаривая даже терминологию девиации. Так, например, в США, по мере того как спадала высшая точка маккартизма, учреждались такие группы, как «Общество Меттачайна» и «Дочери Билитис». Последующее создание больших общин геев обес-

¹ *Sigmund Freud. The sexual aberrations, in Three Essays on the Theory of Sexuality, Standard Edition. — London: Hogarth, 1953. — P. 160.*

печило расцвет многих новых групп и ассоциаций, многих продвинутых меньшинств сексуальных вкусов. Битва за обеспечение общественной терпимости в отношении гомосексуальности привела к тому, что на сцену вышли новые организации, заинтересованные в продвижении сексуального плюрализма, как излагает это *Джеффри Уикс*.

«Никогда прежде не появлялся столь большой континент нормальности, окруженный малыми островками беспорядка. Взамен этого мы можем теперь быть свидетелями появления групп островов, больших и малых... Возникли новые категории и эротические меньшинства. Более старые из них, которые практиковали процесс подразделения специализированных вкусов, специфических склонностей и потребностей, становятся базисом для размножения новых сексуальных идентичностей»¹.

Выражаясь иначе, сексуальное разнообразие, хотя и расцениваемое еще многими враждебными группами как извращение, вышло из фрейдовских заметок по описанию исторических случаев (в оригинале «*case-history notebooks*» — *примеч. пепев.*) в повседневный социальный мир.

Рассматриваемый с этой точки зрения, закат извращенности может быть отчасти истолкован как успех битвы за право самовыражения в контексте либерального демократического государства. Были одержаны победы, но конфронтации продолжаются, и достигнутые свободы могут быть под благовидным предлогом снесены реакционной волной. Гомосексуалы все еще стоят лицом к лицу с глубоко эшелонированным предубеждением и широко распространенным открытым насилием. Их освободительная борьба наталкивается на сопротивление, возможно, столь же глубокое, как и то, что препятствовало доступу женщин к социальному и экономическому равенству.

Нет причин сомневаться в такой интерпретации. Тем не менее есть и другой способ взглянуть на положение вещей, который полагает, что зарождающееся вытеснение извращения плюрализмом — это часть широкого и основательного ряда изменений, присущих модернизму. Модернизм ассоциируется с социализацией естественного мира — прогрессивным вытеснением структур и событий, которые были внешними параметрами человеческой активности, социально организованными процессами. Не только сама социальная жизнь, но и то, что обычно именуется «природой», попадает под власть социально организованных систем².

¹ *Jeffrey Weeks. Sexuality.* — London: Tavistock, 1986, ch. 4.

² *Giddens. Modernity and Self-Identity.* — Cambridge: Polity, 1991.

Воспроизводство было когда-то частью природы, и в фокальной точке неизбежно оказывалась гетеросексуальная активность. Поскольку сексуальность стала «интегральным» компонентом социальных отношений как результат обсуждавшихся изменений, гетеросексуальность больше не выступает в качестве такого стандарта, по которому судят о чем угодно еще. Мы еще не достигли стадии, на которой гетеросексуальность воспринимается только как одна из склонностей среди других, но именно таков подразумеваемый смысл социализации воспроизводства.

Такой взгляд на снижение роли сексуальности не следует считать несовместимым с другими взглядами, поскольку терпимость всегда выступает предметом борьбы в общественном мнении. Он, однако, дает более структуральную интерпретацию этого явления, интерпретацию, в которой первичное место занимает возникновение пластичной сексуальности. В последующих разделах я немало буду говорить о пластичной сексуальности. Но прежде всего обращусь к тому, чем Фуко особо пренебрегает: к природе любви и в особенности к возникновению идеалов романтической любви. Трансмутация любви — это в такой же степени феномен современности, как и возникновение сексуальности; и он непосредственным образом связан с вопросами рефлексивности и самоидентичности.

Романтическая любовь и другие привязанности

«Любовь, — делится своими наблюдениями *Бронислав Малиновски* в своем исследовании Тробрианских островов, — это для меланезийцев такая же страсть, как и для европейцев, и она в большей или меньшей степени причиняет мучения уму и телу; многих она приводит в тупик, к скандалу или трагедии; гораздо реже она озаряет жизнь, расправляет сердце и переполняет его радостью»¹.

Многочисленные примеры описаний поэтической любви дошли до нас среди других реликвий Древнего Египта, причем некоторые из них датируются сроком более чем 1000 лет до н. э. Любовь там изображается как подавляющая «эго», и потому она сродни болезни, хотя и обладает сама исцеляющей силой:

От взгляда на нее мне делается хорошо!
Когда она открывает свои глаза, мое тело молодеет,
Ее речь делает меня сильным;
Ее объятия прогоняют мои болезни —
Семь дней, как она ушла от меня!²

Поскольку секулярное использование слова «страсть» (в оригинале — *passion* — *примеч. перев.*) — в отличие от его прежнего употребления, означавшего страсть религиозную, — сравнительно новое, имеет смысл оценить страстную любовь, *amour passion*³, как выражение родовой связи между любовью и сексуальной притягательностью.

---

¹ *Bronislaw Malinowski*. The Sexual Life of Savages. — London: Routledge, 1929. — P. 69.

² См. *Martin S. Bergmann*. The Anatomy of Loving. — New York: Columbia, 1987. — P. 4.

³ Этот термин принадлежит Стендалю, но я не придерживаюсь его значения или той классификации типов любви, которую он предлагает. В скобках можно было бы отметить, что на раннем этапе своего развития социальная наука была тесно переплетена со спекуляциями о природе любви, а также о разделении труда между полами. Стендаль испытывал сильное влияние со стороны Дестатта де Траси и ссылаясь

Страстная любовь характеризуется настойчивостью, с которой она отделяет себя от рутины повседневной жизни, с которой она действительно имеет склонность вступать в конфликт. Эмоциональная связь с другим пронизывает все, она настолько сильна, что может привести индивида или обоих индивидов к игнорированию своих обычных обязанностей. Страстная любовь обладает свойством особого очарования, которое в своем рвении может действительно стать прямо-таки религиозным. Все в мире внезапно выглядит свежим, хотя, возможно, в то же самое время не может охватить интересы самого индивида, столь сильно связанные с объектом любви. На уровне личностных отношений страстная любовь разрушительна, уподобляясь в этом смысле харизме; она отрывает индивида от почвы и порождает готовность к самым радикальным поступкам и жертвам¹.

По этой причине она опасна, если рассматривать ее с позиций социального порядка и общепринятых обязанностей. Вряд ли стоит удивляться, что страстная любовь нигде не признается необходимым или достаточным условием для брака и в большинстве культур считается противостоящей ему.

Страстная любовь — это более или менее универсальное явление. Я постараюсь доказать, что ее следует отличать от романтической любви, которая очерчена гораздо более культурально. В дальнейшем я попытаюсь идентифицировать определенные отличительные черты романтической любви и исследовать то, что под этим понятием подразумевается. Моя цель изначально аналитическая; я не собираюсь писать историю романтической любви, даже в миниатюре. Тем не менее начинать следует с очень краткой исторической интерпретации.

Брак, сексуальность и романтическая любовь

В пре-модернистской Европе большинство браков заключалось по контракту — не столько на основе взаимного сексуального притяжения, сколько по экономическим обстоятельствам. Среди бедняков брак был средством организации аграрного труда. Вряд ли жизнь, наполненная

на его работу о любви как «книгу идеологии». Он имел под этим в виду «дискурс идей», но он принимает также форму научного исследования. Очарованность любовью Конта документально подтверждена в его последних работах, свидетельством этому служит также его связь с Клотильдой де Во. Однако к «классическому» периоду формирования современности эти влияния стали снижаться. Например, Дюркгейм, который широко опирался на работы Конта в других отношениях, мало уделяет внимания поздним его работам и относится к ним с некоторой проницей.

¹ *Francesco Alberoni. Falling in Love. — New York: Random House, 1983.*

непрестанным тяжелым трудом, могла направляться страстью. Утверждают, что в семнадцатом веке среди женатых крестьянских пар Франции и Германии поцелуи и ласки были редким явлением. Однако возможности, которыми располагали для внебрачных связей мужчины, были сколь угодно многочисленными¹.

Только в аристократических группах имелась определенная сексуальная привилегия, открыто допускаемая для «респектабельных» женщин. Сексуальная свобода следует за властью и является выражением ее; в определенные времена и в определенных местах женщины были в достаточной мере освобождены от требований воспроизводства и от рутинной работы, чтобы располагать возможностями для поисков собственного сексуального наслаждения. Конечно, фактически оно никогда не было связано с браком. В большинстве цивилизаций создавались истории и мифы, которые утверждали, что те, кто пытается создать устойчивую привязанность с помощью страстной любви, обречены.

Различия, обрисованные как граница между целомудренной сексуальностью брака и эротикой, характерной для страстной внебрачной связи, носили достаточно общий характер для всех аристократий, за исключением, может быть, европейских. Специфическим для Европы было возникновение идеалов любви, связанных с моральными ценностями христианства².

Предписание, что кто-то должен посвятить себя Богу для того, чтобы познать его, и что через этот процесс можно достичь познания самого себя, стал частью мистического единения мужчины и женщины. Временная идеализация другого, типичная для страстной любви, здесь соединялась с еще более постоянным единением с объектом любви; и даже в не столь уж давние времена уже имела место определенная рефлексивность³.

Романтическая любовь, присутствие которой начинает ощущаться примерно с конца восемнадцатого века и далее, впитывала в себя эти идеалы, одновременно инкорпорируя элементы *страстной любви*, и тем не менее отличалась и от той, и от другой. Романтическая любовь

---

¹ Michael Mitterauer and Reinhard Sieder. The European Family, Oxford: Blackwell, 1982. — P. 126–129. Однако эти утверждения весьма противоречивы среди различных историков.

² Этот вопрос особенно тонченно обсуждается в работе Niklass Luhmann. Love as Passion. — Cambridge: Polity, 1986, ch. 5.

³ Beatrice Gottlieb. The meaning of clandestine marriage, in Robert Wheaton and Tamara K. Harven: *Family and Sexuality in French History*. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1980.

ввела в индивидуальную жизнь идею повествования — доктрину, которая радикальным образом расширила рефлексивность возвышенной любви. Изложение рассказа — это одно из средств «романа», но этот рассказ теперь становился индивидуализированным, вводя себя и *другого* в личностное повествование, которое не имело особого отношения к более широким социальным процессам. Рост романтической любви в большей или меньшей степени совпадал с возникновением романа (*Romance* — это понятие в английском языке, означает жанр любовного, рыцарского, героического романа, в противоположность *novel* — повествованию более обыденного характера — *примеч. перев.*): эта связь принадлежала вновь открытой повествовательной форме.

Комплекс идей, ассоциировавшихся с романтической любовью, первое время связывал любовь со свободой, рассматривая и ту и другую как нормативно желательное состояние. Страстная любовь всегда была освобождающей, но лишь в смысле порождения разрыва с рутинной и повседневными обязанностями. Это было как раз то качество *страстной любви* (в оригинале — *amour passion* — *примеч. перев.*), которое размещало ее отдельно от существующих институтов.

Напротив, идеалы романтической любви сами себя внедрили прямо в возникшие связи между свободой и самореализацией.

В романтической любви привязанность, как элемент возвышенной любви, имеет тенденцию преобладать над сексуальным пылом. Важность этого момента вряд ли возможно переоценить. Комплекс романтической любви в этом отношении настолько необычен, насколько трактует это *Макс Вебер* в протестантской этике¹.

Любовь, включая в себя сексуальность, разрушается ею; «добродетель» начинает принимать другой смысл для обоих полов, не означая более одной лишь невинности, а скорее определенные качества характера, которые останавливают выбор на другой личности как «особой».

Под романтической любовью часто подразумевают мгновенное влечение — «любовь с первого взгляда». Однако в той мере, в какой непосредственное влечение является частью романтической любви, оно должно быть совершенно четко отделено от сексуально-эротических принудительных влияний страстной любви. «Первый взгляд» — это коммуникативный жест, интуитивное восприятие другого, процесс притяжения к кому-то, кто может сделать чью-то любовь, как говорится, «совершенной».

¹ *Max Weber. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism.* — London: Allen and Unwin, 1976.

Идея «романа» в том смысле, который вкладывался в это понятие в девятнадцатом веке, выражала секулярные изменения, оказавшие свое влияние на социальную жизнь в целом, и вносила в них свой собственный вклад¹.

Современность неотделима от доминирующего влияния разума, в том смысле, что, как предполагается, рациональное понимание физических и социальных процессов вытесняет произвольную власть мистицизма и догмы. Разум не оставляет места для эмоции, которая просто лежит вне сферы его влияния; но фактически и эмоциональная жизнь перестроилась в изменяющихся условиях повседневной деятельности. Вплоть до преддверия нынешнего времени в распоряжении «коварных» мужчин и женщин были любовные чары, приворотные зелья и афродизиаки², которые они могли использовать для осуществления контроля над причудливым запутыванием кого-то в сексуальные сети.

В качестве альтернативы можно было прибегнуть к консультации священника. Однако судьба индивида в его личных привязанностях, как и в других сферах, была связана с более широким космическим порядком. Тем не менее «роман», как его можно понимать с восемнадцатого века и далее, включал в себя резонансы предшествующих концепций космической судьбы, но смешивал их с аттитюдом, который был направлен в открытое будущее. Роман более не был, как это обычно бывало прежде, специфически нереальным заклинанием возможностей из области фантастики. Взамен этого он становился потенциальным средством контроля над будущим, равно как и формой психологической безопасности (в принципе) для тех, чьих жизней он касался.

Гендер и любовь

Некоторые утверждали, что романтическая любовь — это особый проект, спланированный мужчинами против женщин для того, чтобы наполнить их головы пустыми и недостижимыми мечтаниями. И все же такой взгляд не может объяснить привлекательности романтической литературы или того факта, что женщины играли значительную роль в ее распространении. «В королевстве не так много юных леди, — с некоторой долей гиперболы замечал один из авторов в *Журнале для леди*

¹ Lawrence Stone. *The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800*. — Harmondsworth: Pelican, 1982. — P. 189 ff.

² Афродизиаки — это обобщающее название различных медикаментозных средств, применяемых для усиления сексуального возбуждения. — *Примеч. перев.*

(*The Lady's Magazine*) в 1773 г., — которые не читали бы с жадностью романов». Эти издания, продолжал автор с нарастающим раздражением, «имеют тенденцию портить вкус».

Поток романов и рассказов, который не ослабел до наших дней, — причем многие из них написаны женщинами, — с начала девятнадцатого века затапливал книжные лавки.

Нарастание комплекса романтической любви следует понимать в связи с некоторыми другими факторами, оказывавшими влияние на женщин начиная с конца восемнадцатого столетия. Одним из них было устройство дома, к которому уже создавалось определенное отношение. Другим было изменение отношений между родителями и детьми; третьим стало то, что некоторые называют «изобретением материнства». Поскольку это касалось статуса женщин, все они тесно интегрировались в единое целое¹.

Вопрос о том, является ли само детство творением сравнительно недавнего прошлого, как замечательно провозгласил Ариес, находится за пределами дискуссии о том, что на протяжении «репрессивного» викторианского периода существенно изменялись паттерны взаимодействия родителей с детьми. Строгость викторианского отца легендарна. Тем не менее в некоторых отношениях патриархальная власть в доме в конце девятнадцатого века пошла на убыль. Потому что прямая власть мужчины над домашним хозяйством, носившая всесторонний характер, пока это хозяйство было центром системы производства, стала ослабевать с разделением дома и рабочего места. Конечно, муж сохранял за собою высшую власть, однако возрастающий акцент на важности эмоциональной теплоты между родителями и детьми нередко смягчал применение этой власти. Женский контроль над воспитанием детей возростал по мере того, как семья уменьшалась в размерах и детей начинали считать существами уязвимыми и нуждающимися в длительном эмоциональном воспитании. Как формулирует *Мэри Райан*, центр домохозяйства сместился «от патриархальной авторитарности к материнскому влиянию»².

Идеализация матери была одной из черт современной конструкции материнства, и она, несомненно, прямо подпитывала некоторые ценности, распространяемые по поводу романтической любви. Имидж «жены

¹ *Ann Dally*. *Inventing Motherhood*. — London: Burnett, 1982. См. также *Elizabeth Badinter*. *Myth of Motherhood*. — London: Souvenir, 1981.

² *Mary Rayan*. *The Cradle of the Middle Class*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981. — P. 102.

и матери» усиливал «двуполую» модель действий и чувств. Мужчины начинали осознавать женщин как существ иных, неизвестных — относящихся к особой области, совершенно им чуждой. Идея о том, что каждый из полов являет собою тайну для другого пола, представлена в разнообразных формах в различных культурах. Отчетливо романтическим (в оригинале — *novel* — примеч. перев.) элементом здесь была ассоциация материнства с женственностью как качествами индивидуальности — качествами, которые определенно возбуждали широко распространявшиеся концепции женской сексуальности.

Как отмечалось в статье о браке, опубликованной в 1839 г., «мужчина рождается, чтобы управлять личностью жены и ее поведением. Она рождается, чтобы управлять его склонностями: он правит по закону, она — с помощью убеждения... Царство женщины — это царство мягкости, ее команды — это ласки, ее угрозы — это слезы»¹.

Романтическая любовь была сущностно феминистской любовью. Как показала Франческа Канчиан, до конца восемнадцатого столетия о любви всегда говорилось в связи с браком, это была как бы любовь компаньонов, связанная со взаимной ответственностью мужей и жен по ведению домашнего хозяйства или фермы. Так, в книге «Хорошо организованная семья», которая появилась как раз на переломе столетия, Бенджамин Франклин писал о супружеской паре, что «обязанность любви взаимна, она должна исполняться каждым по отношению к каждому»².

Однако с разделением сфер влияния поддержание любви стало преимущественно задачей женщин. Идеи романтической любви откровенно отчуждались в подчинение женщины и ее относительной отделенности от внешнего мира. Но развитие такого рода идеалов было также выражением женской власти, противоречивой формулировкой перед лицом депривации.

Для мужчин напряженность между романтической любовью и *amour passion* была связана с отделением комфорта домашнего окружения от сексуальности любовницы или проститутки. Цинизм мужчин в отношении романтической любви с готовностью поддерживался такого рода разделением, которое тем не менее имплицитно принимало феминизацию «респектабельной» любви. Преобладание двойного стандарта не давало женщинам такого выхода. Тем не менее слияние идеалов романтической любви и материнства давало женщинам возможность разви-

¹ Francesca M. Cancian. Love in America. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — P. 21.

² Ibid. — P. 15.

вать новые сферы интимности. На протяжении викторианского периода мужская дружба утратила значительную часть качеств взаимной вовлеченности, которую друзья удерживали друг для друга. Чувства мужского товарищества были в значительной степени отодвинуты в сферы маргинальной активности, такие как спорт, либо другие досуговые занятия или же участие в войне. Для многих женщин положение изменилось в противоположном направлении. Как специалисты по сердечным делам, женщины воспринимали друг друга на основе личного и социального равенства в рамках широкого спектра классового разделения. Дружба между женщинами помогала смягчить разочарования в браке, но давала также вознаграждение в их собственном праве. Женщины говорили о дружбе так же, как это нередко делали мужчины, с позиций любви; и они находили там истинных исповедников¹.

Жадное потребление романтических повестей и рассказов в определенном смысле было свидетельством пассивности. В фантазиях индивид искал то, что он отвергал в обычной жизни. С этой точки зрения нереальность романтических историй была выражением слабости, неспособности прийти к соглашению с фрустрированной самоидентичностью в реальной социальной жизни. И все же романтическая литература также была (и остается по сей день) литературой надежды, разнообразностью отказа. Она часто отвергала идею насаждения семейного уюта как единственного отчетливо выраженного идеала. Во многих романтических историях после отфильтровывания других типов мужчин героиня открывала для себя твердого, надежного индивида, который становился заслуживающим доверия мужем. Однако нередко истинным героем был яркий авантюрист, отличавшийся экзотическими характеристиками, который в своих жизненных скитаниях игнорирует условности.

Позвольте мне подвести некоторые итоги под этим пунктом. Романтическая любовь стала отличаться от *amour passion*, хотя в то же время была ее наследницей. *Amour passion* никогда не была родовой социальной силой в том смысле, какую стала романтическая любовь где-то с конца восемнадцатого века и до наших дней. Вместе с другими социальными изменениями распространение понятий романтической любви было глубоко объединено с важными переходами, оказывавшими влияние на брак, равно как и на другие контексты личной жизни. Романтическая любовь предполагает определенную степень самоуглубления в поисках ответа на ряд вопросов. Что я чувствую в отношении

¹ Nancy Cott. *The Bonds of Womanhood*. — New Haven: Yale University Press, 1977; Janice Raymond. *A Passion for Friends*. — London: Women's Press, 1986.

другого? Что чувствует другой в отношении меня? Достаточно ли «глубоки» наши чувства, чтобы поддерживать длительную привязанность? В отличие от *amour passion*, которая искореняет себя сама вследствие своей неустойчивости, романтическая любовь отделяет индивидов от более обширных социальных условий иным образом. Она предусматривает долгосрочную траекторию жизни, ориентируемую в предвосхищаемое, хотя и создаваемое в определенной степени своими руками будущее; и она создает «разделяемую историю», которая помогает выделить брачные отношения из других аспектов семейной организации и придать ей особое первенство.

Начиная с самых ранних своих истоков, романтическая любовь ставит вопрос об интимности. Она несовместима с вождением и с земной сексуальностью, не столько потому, что любимое существо идеализируется — хотя это тоже часть истории, — сколько потому, что она предполагает психическую коммуникацию, встречу душ, которая носит взаимный характер. Другой, чьим существованием он или она живет, отвечает требованиям того, чего ему недоставало, причем эта нехватка не обязательно осознавалась — до тех пор, пока не началась любовная связь. И эта нехватка имеет прямое отношение к самоидентичности: в некотором смысле ущербный индивид делается целым.

Романтическая любовь сделала из *amour passion* особый кластер убеждений и идеалов, сообщающийся с трансцендентальностью; романтическая любовь может заканчиваться трагедией и служить источником греха, но она также и источник триумфа, победа над предписаниями и компромиссами света. Такая любовь проектируется в двух смыслах: она охватывает и идеализирует другого и она проектирует ход будущего развития. Хотя большинство авторов концентрировали свое внимание на первой из этих трактовок, вторая из них, по меньшей мере, столь же важна и в определенном смысле лежит в ее основе. Подобный мечте, фантастический характер романа, как писали в популярной литературе девятнадцатого века, вызывал насмешки со стороны рационалистических критиков — как мужчин, так и женщин, — которые рассматривали его как абсурд или патетический эскапизм. Однако с предлагаемой здесь точки зрения, роман — это противостоящее действительности мышление депривированных и — в девятнадцатом веке и далее — принимающих участие в главной реконструкции личной жизни.

В романтической любви поглощение того, что типично для *amour passion*, интегрируется в характерную ориентацию «поиска». Поиск — это одиссея, в которой самоидентичность обретения своей законной силы проистекает из открытия другого. Он обладает активным харак-

тером, и в этом отношении современный роман контрастирует со средневековыми романтическими историями, где героиня обычно ведет себя относительно пассивно. Женщины в современных романтических историях по большей части независимы и одухотворены и последовательно изображаются именно в такой манере¹.

Завоевательный мотив этих историй не похож на мужскую версию сексуального завоевания: героиня встречает и растапливает сердце мужчины, который первоначально безразличен к ней, чуждается ее или открыто враждебен. Поэтому героиня активно творит любовь. Ее любовь заставляет его полюбить, растопляет безразличие и замещает антагонизм преданностью.

Если этос романтической любви понимается просто как средство, с помощью которого женщина встречает м-ра Райта (*Mr Right*: здесь, вероятно, автор обыгрывает смысл фамилии (*right* — правильный) — *прумеч. перев.*), то он является действительно поверхностным.

Хотя все же в литературе, как и в жизни, все иногда представляется именно таким образом, пленение сердца другого — это фактически процесс создания общей повествовательной биографии. Героиня приручает, смягчает и изменяет очевидно неподатливую маскулинность объекта своей любви, создавая возможность для того, чтобы взаимное влияние стало руководящей линией их совместной жизни.

Комплекс романтической любви носил внутренне разрушительный характер в течение долгого времени, пока находился под контролем ассоциации любви с браком и материнством и под влиянием идеи, что подлинная любовь, будучи однажды найденной, остается навеки. Когда брак для большинства населения действительно был навсегда, структурное равенство между романтической любовью и сексуальным партнерством было четко очерчено. Результатом иногда могут быть годы несчастья, заданные тонкой связью между любовью как формулой для брака и требованиями его дальнейшего преуспевания. Однако эффективный, если отчасти не вознаграждаемый, брак мог поддерживаться разделением труда между полами, где сферой влияния мужа был оплачиваемый труд, а сферой женщины — домашняя работа. В этом отношении мы можем видеть, насколько важным было ограничение женской сексуальности пределами брака как признак «респектабельной» женщины. Потому что это в одно и то же время позволяло мужчине поддерживать свою дистанцию от распускавшейся сферы интимности и удерживало состояние замужества в качестве первичной цели женщин.

¹ *Janice A. Radway. Reading the Romance. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984.*

ГЛАВА 4

Любовь, привязанность и чистые отношения

В конце 1980-х годов *Шерон Томпсон* провела исследование аттитюдов, ценностей и особенностей сексуального поведения 150 американских подростков по различным классовым и этническим основаниям¹.

В ходе продолжительных интервью с ними и при анализе ответов девочек она обнаружила основные различия между способами, с помощью которых мальчики обсуждают секс (о любви они говорили не часто). Казалось, юноши не способны рассказать о сексе в повествовательной форме, связывая его с обозримым будущим².

Они говорили главным образом о спорадических сексуальных эпизодах — таких, как ранние гетеросексуальные игры или разнообразные сексуальные победы. С другой стороны, опрашивая девушек, Томпсон обнаружила, что почти каждая из тех, с кем она говорила, могла с небольшими подсказками воспроизвести многословные истории, «насыщенные открытиями, болью и настроением интимных отношений»³.

Девушки, говорит она, обладали чем-то приближающимся к умениям профессионального новеллиста в своей способности изложения детального и сложного рассказа; многие говорили в течение нескольких часов, требуя лишь незначительных реплик со стороны интервьюера.

Исследователь утверждает, что сама по себе текучая природа этих повествований происходила из того факта, что они уже пересказывались ранее. Они являлись результатом многочасовых разговоров, которые девушки-подростки вели друг с другом и в ходе которых их чувства

---

¹ *Sharon Thompson*. Search for tomorrow: On feminism and the reconstruction of teen romance, in Carole S. Vance: *Pleasure and Danger. Exploring Female Sexuality*. — London: Pandora, 1989.

² *Ibid.* — P. 350.

³ *Ibid.* — P. 351.

и надежды обсуждались и обретали определенную форму. Томпсон допускает, что, поскольку она являлась представителем старшего поколения, эти повествования отчасти редактировались специально для нее. Но она также вовлекалась в них в качестве резонатора для рефлексивной интерпретации того, что говорили интервьюируемые. Она почувствовала, что ей «вверяют нечто настолько же ценное и пророческое, как первая любовь, когда ее читает любовник, как предзнаменование будущего». Потому что, как признается в дальнейшем, сама питает «пагубное пристрастие к романам»¹.

Роман-поиск

Главной тематической схемой девических историй было то, что Томпсон именуется «романом-поиском». Роман приводит сексуальность в предвосхищаемое будущее, в котором сексуальные сношения рассматриваются как объезды на пути к предстоящим, в конце концов, любовным отношениям. Секс, если он имел место, — это прибор зажигания, роман — как поиск судьбы. Однако здесь поиски романтической любви не означают отложенной сексуальной активности в ожидании, пока возникнут желаемые отношения. Сексуальные отношения с новым партнером могут быть стартом судьбоносной встречи, которую будут искать и после, но более чем вероятно, что не будут.

Ниже приведено описание романа, данное одной из интервьюируемых девушек.

Мы обнаружили, что живем где-то по соседству, и начали садиться в один автобус, чтобы вместе ехать домой. Потом мы обнаружили, что мы не хотим ехать вместе в одном автобусе. Мы хотели идти пешком, потому что это означало больше времени для разговоров. И она, и я — мы имели наши собственные идеи о мире... Мы начинали с разговоров о школе и заканчивали разговорами о положении в Китае... И я была так влюблена в течение трех месяцев... Это было восхитительно...²

Восхитительно, да — или было бы восхитительно для исследователя подростковой сексуальности двадцатью пятью годами ранее, — потому что описываемый роман был лесбийским. Одно из открытий, которое

¹ Sharon Thompson. Search for tomorrow: Or feminism and the reconstruction of teen romance, in Carole S. Vance: *Pleasure and Danger. Exploring Female Sexuality*. — London: Pandora, 1989. — P. 351.

² Ibid. — P. 361.

оставляет сильное впечатление в работе Томпсон, состоит в том, что сексуальное разнообразие существует бок о бок с постоянством понятий романа, хотя и в нелегких, иногда конфликтных отношениях. Девочки-лесбиянки считают роман столь же неотразимым, как и гетеросексуалки.

Незабываемый момент «потери невинности» юношей воспринимается сегодня как неправильное употребление термина: для юношей первый сексуальный опыт — это приобретение. Это талисман, который указывает путь в будущее; однако не в смысле сердцевинного аспекта самости, а как одна из эмблем мужских способностей. Для девушек невинность — это нечто, рассматриваемое как данность. Для большинства вопрос состоит не в том, воспользоваться или нет ранним сексуальным опытом, а в том, как выбрать правильные обстоятельства и время. Это событие прямо связано с романтическими повествованиями. Юноши ждут этого события, ускоряя сексуальную инициативу, девушки — «замедляя» ее. Сомневающиеся девушки спрашивают себя (равным образом, как и — молчаливо — своего первого партнера), кем бы он (или она) ни был: позволит ли мне моя сексуальность детерминировать дальнейший путь моей будущей жизни? Даст ли она мне сексуальное могущество? Первый сексуальный опыт — это во многом проверка того, может ли быть реализован в действительности будущий романтический сценарий.

Роман-поиск для этих девушек, как предполагает само это понятие, — не пассивное направление своих желаний — «когда-нибудь придет мой принц». Мучительное и во многих отношениях беспокойное, оно тем не менее представляет собою активный процесс обручения с будущим. Полученные в исследовании Томпсон данные перекликались с материалами Рубин. В частности, было обнаружено, что девушки, с которыми она разговаривала, не стремились к завоеванию сексуальной свободы. Такая свобода существует, и проблема состоит в том, чтобы как-то справиться с ней перед лицом мужских аттитюдов, которые все еще несут в себе нечто большее, чем просто эхо прошлого. Поэтому девушки возникают здесь как главные социальные экспериментаторы. Томпсон очень выразительно пишет об этом:

В определенной степени девушки-подростки борются с проблемой, предсказанной феминистками девятнадцатого века, когда они возражали против разрыва связи между сексом и воспроизводством на том основании, что она образует единственный способ, которым обладают женщины, чтобы уговорить мужчину вступить с ними в связь. Но это, в конечном счете, проблема не принуждения, а видения. Она требует

разрушения секса, романа и интимности и установления новых договорных отношений между полами¹ (здесь — гендерами — *примеч. перев.*).

Под давлением необходимости решения такого рода проблем некоторые девушки пытаются пересматривать свои прежние идеалы и модели поведения, которые фактически представляли собою восприятие двойного стандарта, «липучку мечтаний о материнстве», надежды на вечную любовь. Большинство из них обнаружили, что они покончили с установленными прежде нормами и табу, адаптируя себя такими способами, какими вкладывается значительная доля эмоциональной энергии, но которые носят абсолютно временный характер и открыты для реструктурирования в свете возможных событий в будущем.

Ко времени окончания своего отрочества многие из девушек уже имели какой-то опыт несчастливой любви и поэтому хорошо осведомлены о том, что роман, в принципе, не может иметь ничего общего с постоянством. В высоко рефлексивном обществе они вступают в многочисленные контакты, а благодаря чтению и просмотру телевизионных передач извлекают информацию из многочисленных дискуссий о сексе, связях и различных факторах, оказывающих влияние на положение женщин. Фрагментарные элементы романтической любви в том комплексе, с помощью которого эти девушки пытаются овладеть контролем над собственными жизнями, более не связаны всецело с одним лишь браком. Реально все они осознают, что большую часть своей жизни они проведут на какой-то оплачиваемой работе и должны рассматривать важность приобретения рабочих навыков в качестве основы своей будущей автономии. Однако лишь немногие девушки из числа проинтервьюированных Томпсон — кстати, в большинстве случаев из среднего класса — расценивают работу как наиболее значимый источник своего будущего.

Так, одна девушка сказала: «Моя идея того, что я считаю теперь правильным, состоит в том, чтобы получить карьеру, которая мне понравится... Если я выйду за кого-то замуж или буду жить с кем-то и он бросит меня, у меня не будет поводов для беспокойства, потому что я буду полностью независима». И все же, как обнаружила Томпсон, она быстро возвращается к заботам романа и сексуальности: «Мне хочется достичь идеала связи с хорошим парнем. Мне кажется, я хочу, чтобы меня кто-то любил и заботился обо мне, так же, как я о нем»².

¹ Sharon Thompson. Search for tomorrow: Or feminism and the reconstruction of teen romance, in Carole S. Vance: *Pleasure and Danger. Exploring Female Sexuality*. — London: Pandora, 1989. — P. 360.

² Ibid. — P. 36.

Женщины, браки, связи

Всего лишь на протяжении одного прошлого поколения для женщин приобрело особое значение покидание родительского дома. В предшествующие периоды оставление дома означало выход замуж. Напротив, для мужчин большинство женщин идентифицировалось с выходом во внешний мир с формирующимися привязанностями. Как отмечали многие комментаторы, даже когда индивид оставался один на один с собою и только предвосхищал будущие связи, мужчины, как правило, говорили об этом с точки зрения «я», тогда как женские повествования о себе имели тенденцию формулироваться в терминах «мы». «Индивидуализированная речь», выявляемая в приведенном выше замечании, определяется скрытым «мы», подразумевая кого-то еще, кто будет «любить и заботиться» и сделает из «меня» «нас».

В противоположность сегодняшним девушкам из более молодых возрастных групп опыт более старших женщин был почти всегда втиснут в рамки брака — даже в том случае, если рассматриваемая личность не выходила замуж. Эмили Хэнкок в конце 80-х годов изучала любовные истории двадцати американских женщин различного классового происхождения в возрасте от тридцати до семидесяти пяти лет. Некоторые из них находились все еще в первом браке, другие вышли замуж повторно, развелись или овдовели. Брак был для них сердцевиной опыта женской жизни, хотя многие из них склонны были бы ретроспективно перестроить свое прошлое, потому что брак — в то время, когда они впервые выходили замуж, — заметно отличался от нынешнего брачного состояния.

Давайте проследим немного историю Уэнди, которой был тридцать один год, когда Хэнкок брала у нее интервью.

История жизни Уэнди демонстрирует возрастающую рефлексивную осведомленность о самой себе, привнесенную отчасти за счет внешних социальных изменений, а отчасти — из-за личных кризисов и трудностей, которые она была вынуждена преодолевать. Уэнди была старшей из четырех детей богатой семьи из Новой Англии, в которой родители следовали строгим кодам «приличного поведения». С помощью брака она вышла из-под родительского контроля и проделала это активно и осознанно, путем тайного бегства с возлюбленным (понятие, которое на протяжении нескольких десятилетий стало уже архаичным). Уэнди рассматривала брак как эквивалент вхождения во взрослую жизнь. Она думала об этом как о «воссоздании кокона в то самое время, когда вы являетесь уже вполне зрелой бабочкой».

Ее привязанность к будущему мужу способствовала ее независимости, по крайней мере, так она смотрела на вещи тогда: «Эта связь с новой личностью

была первым действительно независимым шагом, который я предприняла. Так много разных вещей последовали из нее». Тем не менее ее шаг по направлению к автономии был также таким, который предполагал и определенную материальную зависимость. «Я полагаю, более радикальным было бы не выходить за него замуж. Это было бы самым радикальным, но передо мной такой выбор не мог стоять никогда. Я никогда не думала о себе как о личности, которая не вышла бы замуж. Это было нечто изначально заданное». Она не хотела быть только домохозяйкой и решила для себя, что не будет вести такую ограниченную жизнь, как ее мать, чьей первейшей заботой всегда был дом. Уэнди стала школьной учительницей и обнаружила, что эта карьера ее удовлетворяет. Она не оставила работу, когда забеременела, а просто перешла на половинное жалование.

Потом ее муж погиб в случайном происшествии. Она пережила жестокий кризис, утратила ощущение самой себя как взрослой женщины. Это была не просто тяжелая утрата, а именно потеря привязанности, на которой основывались ее чувства безопасности и совершенства, которые были серьезно травмированы. Она почувствовала «толчок обратно в юность», хотя должна была воспитывать ребенка. Ее родители ожидали, что она вернется и будет жить с ними; она упорно сопротивлялась — после того как осознала, насколько зависела от брака для ощущения своей целостности. Во второй брак, как и в первый, она вступила по любви, и он был «частью возвращения меня к самой себе». Но с этого момента она «имела большую перспективу», нежели когда она вышла замуж в первый раз: «Он делает все эти вещи с таким самоощущением, которое приходит после борьбы, которая помогает тебе осознать собственный потенциал. Ты формируешь его более четким образом, как скульптуру». Уэнди имела во втором браке других детей; она была в ладу со своей жизнью, получая к тому же и удовлетворение от своей работы, однако уже не испытывала особых амбиций по поводу карьерных достижений.

Сравним опыт Уэнди с опытом Элен, которой, когда она общалась с исследователем, было уже сорок пять.

Ко времени своего повзреления Элен, по ее собственным словам, «до патологической степени испытывала недостаток уверенности в себе». В колледже она встретила и вступила в брак с профессором, который быстро создавал себе репутацию в своей профессиональной области. Поскольку после выхода замуж образование было прервано, ее чувство собственного достоинства стало в значительной степени зависеть от степени включенности в устремления и достижения мужа. Она заняла часть его жизни, как она позже определила это, в качестве «квартиросъемщицы» или «уборщицы». Они с мужем жили в доме, принадлежащем университету, когда он заявил, что требует развода; поскольку он был человеком, обладающим определенным положением на факультете, она была вынуждена покинуть этот дом, забрав с собою их общего ребенка. В отличие от Уэнди ее родители не приглашали

ее вернуться под их кров и не предлагали какой-либо моральной или материальной поддержки.

Постепенно Элен, вначале ошеломленной отчаянием и одиночеством, удалось вернуться в колледж и окончить его. Тем не менее некоторое время спустя она все еще находилась на низкостатусных «женских» работах, пока ей не удалось получить должность в издательстве и, приобретя определенные навыки, стать преуспевающим редактором. Хэнкок описывает ее как личность с резкими, саркастическими манерами, наделенную сардоническим остроумием. Тем не менее ее внешняя уверенность скрывала под собою attitudes отчаяния и ненависти к самой себе, которые остались у нее после разрушения брака и от которых она никогда не избавилась. Она ощущала, что заключена в тиски «пустой и бесплодной» жизни. Она скорее продолжала «дрейфовать к бесконечности», нежели искать способы сформировать свое будущее. «Вы спрашиваете, какой была моя взрослая жизнь? — заключает она. — Вакуум, вот чем она была. Я была трупом. А теперь мне уже почти пятьдесят, и я не могу объяснить, что происходило в течение пятнадцати лет. Я поставила на ноги своего ребенка, но мое собственное ощущение времени исчезло»¹.

Умеренно удовлетворенная и добившаяся своего женщина, одинокая и исполненная горечи: таковы обе эти истории, каждая из которых достаточно банальна, хотя оба эти случая вызывают значительное чувство сострадания. Что они могут сказать нам о любви, если любовь не является доминирующей темой каждого из повествований? Было бы легко сказать и невозможно оспаривать, что брак оказался капканом для обеих женщин, пусть даже капканом, в который каждая из них попала вполне преднамеренно. Уэнди оказалась способной исцелиться от утраты своего мужа, в то время как Элен не смогла сделать этого и оказалась подавленной силою обстоятельств, перед лицом которых так часто оказываются женщины. Обе они выходили замуж по любви — причем Уэнди дважды, — но каждая, не вполне осознавая этого, рассматривала брак как утверждение независимости и как средство выработки собственной самоидентичности. Кто знает, окажется ли еще Уэнди в состоянии эффективно реализовать свою жизнь, если второй муж бросит ее?

Как и большинство женщин, которых интервьюировала Хэнкок, обе они стремились избавиться от той жизни, которую прожили их собственные матери и которую сами они идентифицировали с ограниченным домохозяйством. Этот процесс был напряженным, потому что каждая из них стремилась дистанцироваться от своей матери, однако без

¹ Все цитаты приведены из *Emily Hancock. The Girl Within*. — London: Pandora, 1990.

отвергания женственности. Мы не видим здесь увековечения аттитюдов, связывающих любовь и брак как «конечное состояние»; но там нет и попытки войти в мир мужчины через усвоение неких инструментальных ценностей. Эти женщины, вместе с другими, изображенными в книге Хэнкок, выступают в подлинном смысле пионерами продвижения через территорию, не нанесенную на те карты, которые вычерчивают сдвиги в нашей самоидентичности, по мере того как они противостоят изменениям в природе брака, семьи и работы.

Парадокс состоит в том, что брак здесь используется как средство автономии. Романтическая любовь, как я и предполагал ранее, — это азартная игра против будущего, ориентация в контроле над будущим временем со стороны тех женщин, которые стали специалистами в вопросах интимности (в том смысле, в каком они теперь понимаются). В ранние периоды модернистского развития для многих женщин существовала почти неизбежная связь между любовью и браком. Но даже тогда, совершенно отдельно от предусмотрительных феминистских авторов, женщины *де-факто* использовали другие пути. Разделение между браком и его традиционными корнями во «внешних» факторах само по себе насаждалось гораздо сильнее женщинами, нежели мужчинами, которые могли найти в браке и семье главным образом убежище от экономического индивидуализма. Для мужчин освоение будущего, с точки зрения превосходящей экономической карьеры, имело тенденцию давать ростки рассмотрения параллельной, но иной формы проведения времени, нежели та, которую предлагает романтическая любовь. Для них, во всяком случае, на поверхности, любовь оставалась ближе к *amour passion*.

Для Уэнди и Элен брак, когда они впервые вступали в него, уже был противоречивым, но также находился в пункте готовности к более высокому уровню рефлексивности. Тем не менее он оказался несвободен от своих внешних «якорей» и задавал иной статус для женщин как жен и матерей. Но даже в ранние периоды их жизни для них вопрос «найти мужчину» уже связывался с задачами и заботами, совершенно отличными от тех, которые стояли перед поколением их матерей. Женщины, подобные Уэнди и Элен, помогали подготовить путь для реструктуризации интимной жизни, за которой стоят полновесные проблемы, обсужденные нами в Главе 1. Если девочки-подростки не говорят много о браке, то это не потому, что они успешно преодолели переход к будущему, отрицающему домашнее хозяйство, а потому, что они являются участницами того, чем реально выступает брак и другие формы закрытой личной связи, и вносят свой вклад в это. Они говорят скорее об отношениях, нежели о браке, и в этом они правы.

Понятие «отношения» (в оригинале — *relationship* — *примеч. перев.*), означающее тесную и продолжительную эмоциональную связь (в оригинале — *tie* — *примеч. перев.*) с другим человеком, вошло в общее употребление сравнительно недавно.

Чтобы внести ясность в то, что здесь поставлено на карту, мы можем попытаться описать это явление понятием *чистые отношения*¹.

Чистые отношения не имеют ничего общего с сексуальным урианизмом — это скорее ограничительное, нежели описательное понятие. Оно относится к ситуации, где социальное отношение вводится ради самого себя, ради того, что может быть извлечено каждой личностью из поддерживаемой ассоциации с другим; и которое продолжается лишь до тех пор, пока обе стороны думают, что оно каждому из индивидов доставляет достаточно удовлетворения, чтобы оставаться в его рамках. Для большинства сексуально «нормальной» популяции любовь обычно связана с сексуальностью через брак; но теперь двое все в большей и большей степени оказываются связанными через чистые отношения. Брак — для многих, но никоим образом не для всех групп населения — во все возрастающей степени изменяет курс своего развития в направлении формы чистых отношений, со многими последствиями в грядущем. Чистые отношения — это, повторяем, часть родового реструктурирования интимности. Помимо гетеросексуального брака они возникают и в других контекстах сексуальности; они имеются в некоторых каузально соотносимых способах, параллельных развитию пластической сексуальности. Комплекс романтической любви помог пробить дорогу в области сексуальности чистым отношениям, но теперь сам он ослаблен некоторыми из тех факторов, которые он помогал создавать.

Женщины, мужчины, романтическая любовь

До сих пор речь шла преимущественно о женщинах. Если комплекс романтической любви развивался, а позднее в некотором смысле разлагался женщинами, что же происходило тем временем с мужчинами? Остались ли мужчины незатронутыми теми изменениями, которые женщины помогали осуществить, сохранили ли они свои роли реакционных защитников укрепленных привилегий? О том, что мужчины являются участниками повседневных экспериментов, описываемых в этой

¹ *Anthony Giddens. Modernity and Self-Identity. — Cambridge: Polity, 1991.*

книге, можно почти и не говорить. Однако я чувствую необходимость предложить интерпретацию превращения превратностей романтической любви, которое в значительной степени исключает мужчину. Мужчины — это бездельники в происходящих ныне переходах, и в определенном смысле были таковыми уже с конца восемнадцатого столетия. Во всяком случае, в западной культуре сегодня — это первый период, в котором мужчины начинают обретать себя в том, чтобы *быть* мужчинами, то есть приобретать проблематичную «маскулинность». В прежние времена мужчины предполагали, что их деятельность конституирует «историю», в то время как женщины существовали почти вне времени, делая все то же самое, что они делали всегда.

Мужчины влюбляются — так же, как и женщины, и поступали так и в прошлом. На протяжении двух последних веков они также испытали на себе влияние развития идеалов романтической любви, хотя иным образом, нежели женщины. Те мужчины, которые слишком попадали под власть таких понятий любви, оказывались отделенными от большинства как «романтики» — в особом смысле этого слова. Они выглядели фатоватыми, пустыми мечтателями, уступавшими женской власти. Такие мужчины отказывались от деления женщин на незапятнанных, с одной стороны, и грязных — с другой, что было столь характерно для мужской сексуальности. Тем не менее романтик не может обращаться с женщиной, как с равной себе. Он пленяется конкретной женщиной (или, может быть, последовательно несколькими) и будет выстраивать вокруг нее свою жизнь; но его подчинение — это не жест равенства. Он является реальным участником глубокого исследования не столько интимности, сколько атавизмов прежних времен. Романтик в этом случае не является тем, кто интуитивно понимает природу любви как способ организации личной жизни в отношении колонизации будущего и конструирования самоидентичности.

Для большинства мужчин романтическая любовь находится в напряженных отношениях с императивами обольщения. Это наблюдение означает нечто большее, нежели просто риторическое заявление, относительно того, что романтическая любовь является основным капиталом в торговых операциях большинства волокит. Со времен начала трансформаций, оказавших серьезное влияние на брак и личную жизнь, мужчины по большей части устранялись от разработки сферы интимности. Связи между романтической любовью и интимностью подавлялись, а влюбленность оставалась тесно связанной с доступом: доступом к тем женщинам, чья добродетель или репутация были надежно защищены, во всяком случае до того, как союз будет освящен браком. Мужчины

стремились быть «специалистами в любви» только в отношении техники обольщения или завоевания.

Между полами всегда существовала пропасть в смысле опыта, воспитания и образования. «Ах, эти невозможные женщины! Как они приближаются к нам! Прав был поэт: не могу жить ни с ними, ни без них» (Аристофан). Однако в девятнадцатом веке — по причинам, которые уже обсуждались, — женщины становились иным образом непонятными для мужчин. Они представлялись загадочными, как утверждает Фуко, самими дискурсами, которые стремились понять их, которые сделали из женской сексуальности «проблему» и трактовали их болезни как формы социальной дисквалификации, поднявшиеся из мрачных глубин. Но они также приводили в недоумение силою самих изменений, которые они помогали вводить.

Чего хотят мужчины? В одном смысле ответ ясен и понятен обоим полам с девятнадцатого века и поныне. Мужчины хотят статуса среди других мужчин, подтверждаемого материальными вознаграждениями и присоединением к ритуалам мужской солидарности. Но мужской пол здесь неправильно истолковывает ключевую тенденцию в траектории развития современности. Потому что мужчины ищут свою самоидентичность в работе, и они терпят неудачу — мы должны всегда добавлять «по большей части» — в понимании того, что рефлексивное проектирование самого себя включает эмоциональную реконструкцию прошлого для того, чтобы проектировать последовательное повествование, обращенное в будущее. Их бессознательное эмоциональное доверие к женщинам составляло загадку, ответ на которую они искали в самих женщинах; и поиски самоидентичности скрывались в этой оставшейся без ответа зависимости. То, чего хотели мужчины, было чем-то таким, чего женщины в какой-то степени уже достигли; не удивительно, что авторы-мужчины, включая рассказчика *Моей тайной жизни*, мучились тайной, которую могли раскрыть только женщины и в раскрытии которой полностью потерпело неудачу нагромождение любовных завоеваний.

Романтическая любовь против любви-слияния

В нынешнюю эпоху идеалы романтической любви имеют тенденцию к фрагментации под давлением женской сексуальной эмансипации и автономии. Столкновение между комплексом романтической любви и чистыми отношениями принимает различные формы, каждая из которых имеет тенденцию становиться все более и более выставляемой на всеобщее обозрение как результат возрастающей институциональной

рефлексивности. Романтическая любовь зависит от проективной идентификации *amour passion* как средство, с помощью которого предполагаемые партнеры становятся привлекательными друг для друга и затем привязываются друг к другу. Здесь проекция создает ощущение полноты соединения с другим, несомненно, усиливается установлением различий между маскулинностью и женственностью, каждая из которых определяется с позиций антитезиса. Трактовки другого «известны» интуитивным образом. Тем не менее в других отношениях проективная идентификация идет поперек развития отношений, продолжение которых зависит от интимности. Открывание себя другому, условие того, что я называю *любовью-слиянием* (в оригинале — *confluent love* — *примеч. перев.*), в определенном смысле противостоит проективной идентификации, даже если такая идентификация иногда прокладывает тропинку для нее.

Любовь-слияние — это активная, неожиданная любовь, и поэтому она находится в дисгармонии с такими качествами комплекса романтической любви, как «навсегда», «ты и только ты». Сегодняшнее «разделяющееся и разводящееся» общество является здесь скорее результатом возникновения любви-слияния, нежели причиной его. Все большее количество сливающейся любви становится консолидированной в качестве реальной возможности, все большее количество открытий «особой личности» отходит на задний план и при этом во все большей степени принимаются в расчет «особые отношения».

В противоположность любви-слиянию романтическая любовь всегда оказывается несбалансированной с точки зрения гендера, как результат тех влияний, которые уже были обсуждены. Романтическая любовь в течение долгого времени обладала характерной чертой эгалитарности, внутренне присущей идее, что отношения проистекают скорее из эмоциональной вовлеченности двух людей, нежели из внешних социальных критериев. Однако де-факто романтическая любовь совершенно асимметрична с точки зрения власти. Потому что мечты женщин о романтической любви слишком часто приводят к неумолимому домашнему подчинению. Любовь-слияние предполагает равенство в эмоциональной отдаче и получении — и в тем большей степени, чем больше какая-либо конкретная связь приближается к прототипу чистых отношений. Здесь любовь развивается лишь до той же степени, что и интимность, до той степени, до которой каждый из партнеров готов раскрыть свои интересы и потребности другому и стать уязвимым со стороны этого другого. Замаскированная эмоциональная зависимость мужчин препятствовала их готовности и их способности быть ранними таким

образом. Этос романтической любви в какой-то степени поддерживал эту ориентацию в том смысле, в каком желанный человек часто представлялся холодным и неприступным. Тем не менее, поскольку такая любовь растворяет те характеристики, которые раскрываются как фасад, здесь очевидно присутствует осознание эмоциональной ранимости мужчины.

Романтическая любовь — это сексуальная любовь, но она снимает скобки с понятия *ars erotica* (искусство эротики — *примеч. перев.*).

Сексуальное удовлетворение, особенно в фантазийной форме романа, как предполагается, гарантировано самой эротической силой, которую провоцирует романтическая любовь. Любовь-слияние на первое время вводит *ars erotica* в сердцевину брачной связи и делает достижение взаимного сексуального наслаждения ключевым элементом в связи, которая поддерживается или расторгается. Культивация сексуальных умений, способность давать и испытывать сексуальное удовлетворение со стороны обоих полов становится рефлексивно организованным через множество источников сексуальной информации, советов и обучения.

В не-западных культурах, как отмечалось ранее, *ars erotica* было в основном специальностью женщины и почти всегда ограничивалось в употреблении особыми группами; эротические искусства здесь культивировались конкубинами¹, проститутками или членами малых религиозных общин.

Любовь-слияние развивается в качестве идеала в обществе, где почти каждый имеет возможность сексуально усовершенствоваться; и это предполагает исчезновение раскола между «респектабельными» женщинами и теми, кто каким-то образом находится за чертой ортодоксальной социальной жизни. В отличие от романтической любви любовь-слияние не обязательно моногамна в смысле сексуальной эксклюзивности. Что удерживает чистые отношения, так это принятие со стороны каждого из партнеров, «впредь до дальнейшего уведомления», что каждый приобретает из этих отношений выгоду, достаточную для того, чтобы считать продолжение их стоящим делом. Здесь сексуальная эксклюзивность играет роль до той степени, до которой партнеры считают ее желательной или существенной.

---

¹ Конкубина — наложница. «Конкубинат (лат. *concubinatus*, от *con* — вместе и *cubo* — лежу, сожительствую), в римском праве фактическое соительство мужчины и женщины с намерением установить брачные отношения [Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1980. — С. 626]. — *Примеч. перев.*

Следует отметить еще одну важную противоположность между романтической любовью и любовью-слиянием: подобно чистым отношениям вообще, любовь-слияние не имеет особой связи с гетеросексуальностью. Идеи романа распространились и на гомосексуальную любовь и обладают определенной «покупательной способностью» на различия феминности/маскулинности, развиваемые однополыми партнерами. Я уже указывал, что романтическая любовь содержит в себе черты, которые имеют тенденцию преодолевать половые различия. Тем не менее комплекс романтической любви прямо ориентирован главным образом на гетеросексуальную пару. В то время как любовь-слияние не обязательно двуполоя и, возможно, структурирована вокруг различия, которое предполагает модель чистых отношений, в которой центральным является знание характерных черт другого. Это версия любви, в которой сексуальность личности является одним из факторов, который оговаривается как часть связи.

Мне хотелось бы на время оставить в стороне вопрос о том, насколько далеко любовь-слияние на практике формирует сегодня часть любовных отношений. Потому что существуют и другие аспекты, и подразумеваемые смыслы чистых отношений, и ее связи с самоидентичностью и личностной автономией, которые должны быть обсуждены в первую очередь. В таком обсуждении я достаточно часто — хотя и в критическом духе — беру в качестве своего гида терапевтические работы и самоучители. Не потому, что они предлагают правильные оценки изменений, оказывающих влияние на личную жизнь: большинство из них являются, во всяком случае, по своей сущности, практическими руководствами. Скорее они являются выражением процессов рефлексивности, которые они вычерчивают и помогают сформировать. Многие из них выступают также в качестве эмансипаторов: они указывают на те изменения, которые могли бы освободить индивидов от тех влияний, которые блокируют их автономное развитие. Они являются текстами нашего времени в сравнительном смысле со средневековыми руководствами по манерам, которые анализирует *Норберт Элиас*, или работами по этикету, которые использует *Эрвин Гоффман* в своих исследованиях порядка взаимодействия.

Любовные, сексуальные и другие пагубные пристрастия

«Я заглядывал под платье женщины, когда мы готовили сэндвичи для голодных в церковной миссии... Я пыталась подцепить еще одного пациента в очереди в венерологической клинике... Я спала с лучшим другом моего бойфренда, когда его не было в городе...» Нескромности, раскрываемые в уединении католической исповедальни? Нет, это публичные заявления, сделанные на встрече Анонимных Наркоманов Секса¹ (SAA) (*Sex Addicts Anonymous* (Организация Анонимных Сексаголиков) — своеобразный аналог известной в США организации ААА — *Alcohol Addicts Anonymous* (Организация Анонимных Алкоголиков) — *примеч. перев.*).

SAA ведет свое происхождение от лечения алкоголизма и прямо смоделировано с Анонимных Алкоголиков².

Группы SAA используют излюбленный Анонимными Алкоголиками «двенадцатиступенчатый» метод оздоровления, в соответствии с которым индивиды прежде всего соглашаются признать, что они находятся в тисках принуждения, которое они бессильны контролировать. Первый шаг в «Большой Книге» Анонимных алкоголиков гласит: «Мы согласны с тем, что оказались бессильны перед алкоголем и что наши жизни стали неуправляемы». От членов SAA требуют начинать с такого же признания и с этого момента прогрессивно двигаться в направлении преодоления их подчиненности своим сексуальным потребностям.

---

¹ *Steven Chapple and David Talbott. Burning Desires. — New York: Signet, 1990. — P. 35.*

² Существуют и другие организации и собрания: Анонимные Сексаголики (*Sexaholics Anonymous*) и Анонимные Наркоманы Секса и Любви (*Sex and Love Addicts Anonymous*), главным образом гетеросексуальны по своей ориентации; такие группы, как Анонимные Жертвы Секса (*Sex Compulsive Anonymous*) являются однополыми организациями.

Интересное — и значительное — изменение тенденций, отмеченное Фуко: сотрудники SAA, которые по большей части не являются профессиональными медиками, стремятся медикализировать пагубное пристрастие (в оригинале — *addiction*. В дальнейшем мы именно так и будем переводить это слово — *примеч. перев.*) к сексу.

«Условие», которое они предлагают, должно быть записано в учебниках по диагностике как «гиперактивное неупорядоченное сексуальное желание». Это понятие может кому-то показаться притянутым за уши, более того, в том виде, как оно здесь сформулировано, можно заподозрить, что это такое пристрастие, которому подвержена весьма значительная часть населения. И то же самое справедливо относительно пагубной привычки к алкоголю, которой, согласно некоторым оценкам, подвержена четверть всех взрослых в Соединенных Штатах. Потребовалось долгое время, чтобы алкоголизм был официально признан в медицинских кругах именно в качестве пагубной привычки, хотя это уже имело под собой определенную эмпирическую основу.

Пагубное пристрастие к сексу могло бы быть, на первый взгляд, уподоблено любому другому виду эксцентричного поведения или, может быть, новому способу эксплуатации доверчивого простого народа, поскольку общепризнанная психиатрическая категория могла бы помочь заинтересованным сторонам квалифицировать соответствующие медицинские открытия, порождать горы исследовательских отчетов и представлять себя в качестве нового поколения экспертов. Но здесь налицо нечто большее — и в специфической области сексуальной активности, и на более обширном уровне. Секс (напомним еще раз, что, вообще говоря, *sex* — это всего лишь «пол»; однако не следует сбрасывать со счетов огромное число идиоматических выражений, производных от этого слова. В данном контексте «иметь секс» означает «вступить в половую (сексуальную) связь» — *примеч. перев.*) — это лишь одна из разновидностей пролиферации (самопроизвольное размножение — *примеч. перев.*) пагубных привычек, признанных за последние несколько лет.

Среди прочего можно стать подверженным различным пагубным привычкам: к наркотикам, пище, работе, покупкам, азартным играм и — отдельно от сексуального компонента — также любви и связям¹.

Почему о пагубных привычках велось так много разговоров на протяжении сравнительно недавнего времени? Чтобы ответить на этот вопрос,

---

¹ Одним из примеров обширной литературы об этом является работа *Joyce Ditzler and James Ditzler. If You Really Loved Me. How to Survive an Addiction in the Family.* — London: Macmillan, 1989.

который имеет отношение к моим аргументам в этой книге в целом, давайте посмотрим на проблему пагубной привычки к сексу и рассмотрим, в каком смысле это является скорее реальным феноменом, нежели поверхностным терапевтическим новшеством.

Секс и желание

«Женщины хотят любви, мужчины хотят секса». Если бы этот грубый стереотип был вполне правдив, не стояло бы никакого вопроса о пагубном пристрастии к сексу. Аппетиты мужчин относительно сексуального обладания максимально большим числом партнерш можно было бы считать просто определенной характеристикой их маскулинности. Желание любви со стороны женщин попирало бы любую склонность в отношении секса, который был бы в таком случае ценой за приобретение награды любить и быть любимой.

И все же это древнее наблюдение, во всяком случае в нынешнем мире, можно было бы повернуть на 180 градусов. Женщины хотят секса? Да, причем все женщины, а не только специалистки в *ars erotica*, способны стремиться к сексуальному наслаждению как базовому компоненту их жизни и отношений. Мужчины хотят любви? Определенно да, несмотря на видимость противоположной точки зрения, — и, возможно, в большей степени, чем многие женщины, хотя и стремятся к ней такими путями, которые еще предстоит исследовать. Поскольку позиция мужчин в публичной сфере была достигнута ценою их исключения из трансформации интимности.

Итак, давайте посмотрим, куда мы доберемся, перевернув это высказывание. Я начну с описания случая Герри, молодой женщины, вступившей в контакт с группой SAA в Миннеаполисе и ставшей участницей исследовательского проекта по женскому пагубному пристрастию к сексу, о котором сообщала Шарлотта Касл¹.

До того как она присоединилась к SAA — а временами и после этого — Герри вела шизофреническую жизнь, как любой человек, который совмещал бы соблюдение порядочности в ходе своей повседневной рабочей деятельности

¹ *Charlotte Kasl: Women, Sex and Addiction*, London: Mandarin, 1990. Книга Касл является замечательным источником для обсуждения вопроса о пагубной привычке к сексу, и я существенным образом черпаю из нее то, что следует далее. Однако я отношусь к этой книге, как и ко всей терапевтической литературе, написанной в манере «документального метода» Гарфинкеля, как к документу, отражающему процесс личностных и социальных изменений, но также и как к симптоматичным для них самим.

с расчетливой погоней за сексуальными завоеваниями в нерабочее время. В течение рабочего дня она была помощником учителя в школе. Вечерами она иногда посещала другие классы, но часто также бывала в барах и за несколько месяцев до того, как вступить в SAA, она была вовлечена в сексуальные связи одновременно с четырьмя различными мужчинами, каждый из которых не был осведомлен о существовании других. Она достигла кризиса в своей жизни, когда, несмотря на большие предосторожности, чем прежде, заразилась венерической болезнью (в двенадцатый раз). Если бы ей пришлось отслеживать всех тех, кто мог бы ее инфицировать, она должна была бы признать, что на протяжении короткого периода вступала в сексуальный контакт не менее чем с четырнадцатью мужчинами.

Она была не в состоянии заставить себя проследить эти контакты — отчасти от того, что не могла примириться с унижением, связанным с необходимостью телефонных разговоров, а отчасти вследствие того, что мужчины, с которыми она регулярно виделась, могли бы раскрыть ее двуличность в отношении их. О самом понятии пагубной привычки к сексу Герри впервые узнала, когда бегло проглядывала в местной газете статью об этом предмете, упоминавшую клинику сексуальной зависимости. Мысль о том, чтобы пойти в эту клинику, промелькнула в ее сознании, но вместо этого она позвонила одному из своих друзей и провела с ним ночь, имея очередной секс. Она связалась с клиникой лишь несколько дней спустя, после еще одного сексуального эпизода. Герри со своей сестрой пошли в бар и подцепили двоих мужчин. Возвращаясь с одним из них в свою квартиру, она попала в автомобильную аварию. То, что произошло впоследствии, она излагает следующим образом.

Когда мы добрались домой, я была в состоянии шока. Но даже в таком состоянии мне хотелось быть сексуальной. Обычно во время секса я могу делать так, что все другое уходит, но в эту ночь так не получалось. Во время секса я чувствовала омертвление и тошноту в желудке. Я ощутила облегчение, когда ночью этот парень ушел. Я не проявила интереса к тому, чтобы увидеться с ним еще раз, но мое эго было оскорблено, когда он не позвонил мне на следующий день. Я всегда испытывала гордость, когда мужчины охотились за мной¹.

Герри почувствовала, что жизнь уходит из-под контроля, и начала все чаще подумывать о самоубийстве. Она пыталась предпринять шаги в направлении выяснения своих сексуальных сношений в течение нескольких месяцев в группе SAA, куда ее направила клиника. В это время она подверглась аресту за мошенничество с велфером (*Welfare* —

¹ *Charlotte Kasl. Women, Sex and Addiction. — London: Mandarin, 1990. — P. 86.*

социальное пособие нуждающимся и малоимущим — *примеч. перев.*): власти установили, что до того как поступить на свою преподавательскую работу, она получала пособие, на которое не имела права.

Обвинение было сомнительным и стало чем-то вроде местного *cause célèbre*, получив поддержку нескольких организаций по правам женщин.

В судебном заседании несколько других женщин, представших перед судом по таким же обвинениям до нее, признали себя виновными; однако она заявила, что не считает себя виновной, и позднее обвинение против нее было отклонено. Впоследствии Герри стала выдающимся членом группы, которая оспаривала иски, предъявляемые к женщинам, запрашивавшим велферы и подвергавшимся наказаниям за неправомерность их получения. Она говорила о том, что наступают времена, когда мы видим, «как унижают женщин и какие жестокие приговоры они получают за свои попытки выжить». Борясь за их права, она говорила, что до этого только «секс был способом получить над кем-то власть... единственным способом, который я знала»¹.

Она начала новые отношения с одним мужчиной, жила с ним и боролась с тем, чтобы не оказаться вовлеченной в сексуальные отношения с кем-нибудь еще.

Действовала ли Герри таким же образом, что и длинная череда соблазнительниц мужчин, стремившихся испытать настолько разнообразную сексуальную жизнь, насколько удавалось этого достичь? Я думаю, что ответом будет определенное да. Она, используя собственную сексуальность, занималась своего рода исследованием, которое можно описать как фрустрированный поиск самоидентификации; это стремление не было общепринятым романом-поиском. Она активно преследовала мужчин и не намеревалась сидеть дома в ожидании их звонка. Ее самооценка была ограничена ее сексуальной отвагой, включая ее способность получать, равно как и давать, сексуальное наслаждение; и она вела счет мужчинам, которых она «завоевала».

И все же в ее истории были отчаянные, трагические обертона, которые иногда проходили через аналогичный опыт мужчин, но обычно там они были менее очевидны. Сегодня мы признаем вполне возможным, что существуют женщины, которые без особых физических проблем — в качестве организующей динамики своего сексуального поведения — принимают нечто близкое к мужским аттитюдам относительно сексуальности. Однако, если такие женщины существуют, Герри, конечно, не принадлежала к их числу, поскольку ее собственное поведение при-

¹ *Charlotte Kasl. Women, Sex and Addiction. — London: Mandarin, 1990. — P. 439.*

чиняло ей самой огромные страдания. Выяснилось, что оба ее родителя были алкоголиками, а у отца алкоголизм сочетался еще и с приступами насильственного гнева. Он сексуально домогался всех четырех дочерей в своей семье; Герри научилась быть с ним «приятной» — другими словами, она уступала его сексуальным притязаниям — для того, чтобы оградить себя и своих сестер от вероятных избиений. По одному из случаев она сообщила о своем отце чиновнику местной службы по охране детства. Когда социальный работник нанес визит в семью, ее отец сумел убедить его в том, что это все неправда; но позднее отец выместил на ней свой гнев, и она больше не предпринимала каких-либо попыток публичных жалоб.

Герри «хотела секса»: она пыталась объединить открытость новым сексуальным переживаниям с другими крайностями своей жизни. Она рано узнала, что секс давал ей определенную меру контроля над миром, где ее реальное влияние было ограниченным и проблематичным. Женщина чувствовала, что ее жизнь совершенно не аутентична, и это было действительно так: она эффективно вела себя как сексуально авантюрный мужчина, не имеющий материальной поддержки, или вводила в общее употребление нормативное восприятие, которое большинство таких мужчин считают само собой разумеющимся. Она могла позвать мужчину и активно искать новых партнеров, но она не могла добиваться сексуального контакта за пределами определенного пункта с такой же легкостью, как это делают мужчины. Многие мужчины, возможно, большинство из них, все еще находят неподобающим, даже угрожающим такое поведение женщины по отношению к ним, которое похоже на то, как они сами обычно поступают. Потребность в постоянном сексуальном одобрении стала частью характера Герри, но ей было необходимо искать подтверждение этому в социальных условиях, которые контролируются мужчинами.

Природа пагубного пристрастия

Прежде чем решать, целесообразно ли оценивать поведение Герри как пагубное пристрастие к сексу, позвольте мне вернуться на более общий план и рассмотреть, что могла бы означать сама идея пагубного пристрастия. Понятие пагубного пристрастия первоначально связывалось почти всецело с химической зависимостью от алкоголя или разного рода наркотических веществ. Поскольку эта идея приобрела сугубо медицинский характер, она определялась как физическая патология: пагубное пристрастие в этом смысле относилось к состоянию организма.

Однако такое понятие маскирует тот факт, что пагубное пристрастие выражается в принудительном поведении. Даже в случае химической зависимости пагубное пристрастие *де-факто* измеряется с точки зрения последствий этой привычки для контроля индивида над собой плюс трудности отказа от этой привычки.

Вся социальная жизнь сущностным образом рутинизирована: мы обладаем определенным представлением о тех регулярных способах деятельности, которые мы повторяем изо дня в день и которые формируют наши индивидуальные жизни, равно как и воспроизводят более крупные институты, в которые вносит свой вклад и наше собственное поведение. Но такие рутины — это еще не все. *Крейг Наккен* проводит довольно интересный ряд существенных различий между паттернами действия, привычками, принуждениями и пагубными пристрастиями¹.

Паттерн — это просто рутина, помогающая упорядочить ежедневную жизнь, но к которой индивид может прибегать только в тех случаях, когда он в этом нуждается. Так, кто-то может прогуливать собаку главным образом утром, но может, если возникает необходимость, перенести это на вечер. **Привычка** — это психологически более связанная форма повторяющегося поведения, нежели паттерн; для того чтобы изменить или сломать ее, требуется отчетливое усилие. Привычная деятельность часто описывается с помощью слова «всегда» — «Я всегда обедаю в восемь часов вечера».

Принуждение — это форма такого поведения, которое индивиду очень трудно или невозможно остановить усилием воли в одиночку, прекращение которого порождает напряжение. Принуждения обычно принимают форму стереотипных личных ритуалов, таких, например, когда индивид, для того чтобы почувствовать себя чистым, должен умываться сорок или пятьдесят раз в день. Принудительное поведение ассоциируется с ощущением потери контроля над собой; кто-то может выполнять ритуальные действия в состоянии, подобном трансу. Если ими не удается заниматься, это вызывает приступ беспокойства.

Пагубные пристрастия принудительны, но это не второстепенные ритуалы; они окрашивают собою значительные сферы жизни индивида. Пагубное пристрастие включает в себя каждый из только что упомянутых аспектов поведения и что-то еще сверх того. Оно может быть определено как *паттернизованная привычка*, в которую вовлекаются принудительным образом, отход от которой порождает неуправляемое беспокойство. Пагубные привычки обеспечивают индивиду источник

¹ *Craig Nakken. The Addictive Personality. Roots, Rituals and Recovery.* — Centre City, Minn.: Hazelden, 1988.

комфорта, смягчая беспокойство, но это переживание всегда более или менее скоротечно¹.

Все пагубные пристрастия носят сущностно наркотический характер, но химическое воздействие, если оно имеется, не является сущностным элементом этого опыта.

Некоторые из специфических характеристик пагубных пристрастий таковы.

1. Наличие «высшей точки». Высшая точка — это то, чего индивиды добиваются, когда они ищут, выражаясь языком *Эрвина Гоффмана*, того пункта, где происходит действие² — переживание, отделенное от обычных, земных характеристик повседневной жизни.

Это кратковременное чувство приподнятого настроения, которым личность наслаждается, когда продуцируется «специальное» ощущение — момент облегчения. Высшая точка иногда, хотя и не всегда, представляет собою чувство триумфа, равно как и релаксации. До развития процесса пагубного пристрастия высшая точка являет собою по своему существу результат некоего вознаграждения. Однако когда устанавливается аддиктивный (*Addictive* (от *addiction* — пагубное пристрастие) — *примеч. перев.*) паттерн, элемент облегчения преобладает над родовыми характеристиками каких бы то ни было включенных в этот процесс ощущений.

2. «Фиксация». Когда личность испытывает пагубное пристрастие к специфическому переживанию или форме поведения, стремление достичь высшей точки переводится в потребность на уровне фиксации. Фиксация ослабляет беспокойство и вводит индивида в наркотическую фазу пагубного пристрастия. Фиксация психологически необходима, но раньше или позже она сменяется депрессией и ощущением пустоты; и цикл начинается заново.

3. И высшая точка, и фиксация являются формами «прерывания» (в оригинале — *time-out* — *примеч. перев.*).

Обычные устремления индивида становятся временно неподвижными и как бы удаляются; личность находится как бы в «другом мире» и может оценивать обычные виды своей деятельности с циничным весельем или даже презрением. Тем не менее эти ощущения часто бывают подвержены внезапной перемене и могут обернуться отвращением к аддиктивному паттерну. Такое недовольство обычно принимает форму отчаяния — вследствие невозможности контролировать свое пагубное

¹ *Stanton Peele*. *Love and Addiction*. — New York: New American History, 1975.

² *Erving Goffman*. *Interaction Ritual*. — London: Allen Lane, 1972.

пристрастие; оно является чем-то таким, что происходит вопреки «самым благим намерениям» индивида.

4. Аддиктивный опыт представляет собою отказ от самости, временный отказ от защиты самоидентичности, присущей большинству обстоятельств повседневной жизни. Некоторые формы высшей точки — те, например, что ассоциируются с религиозным экстазом, — особо относятся к преодолению или потере самости. В пагубных пристрастиях, однако, такие ощущения обычно являются секулярной частью паттернов поведения; ощущению освобождения от беспокойства присуще ощущение вытеснения самости.

5. Позже это ощущение потери самости сопровождается чувствами стыда и раскаяния. Пагубные пристрастия не являются обычными устойчивыми формами поведения, а имеют тенденцию к возрастанию по своей важности. Может иметь место процесс отрицательной обратной связи, в котором генерируется возрастающая зависимость от аддиктивного поведения, усиливающая ощущения не благополучия, а паники и саморазрушения.

6. Аддиктивный опыт ощущается как очень «специальный» еще и в том смысле, что в это время невозможно заниматься ничем другим. Тем не менее пагубные пристрастия часто бывают функционально эквивалентны с точки зрения физического состояния индивида. Личность может бороться за освобождение от пагубного пристрастия, лишь уступая другому пагубному пристрастию и оказываясь заключенной в другой принудительный паттерн поведения. Он или она может совмещать две формы аддиктивного поведения, такие как пьянство и курение травы, или иногда воспользоваться одним, чтобы предотвратить или отсрочить страстное желание другого. Аддиктивное поведение может «наслаиваться» в психологическом складе таким образом, что более второстепенные пристрастия, черты или принуждения окутывают сердцевинное пагубное пристрастие. Тот факт, что пагубные пристрастия имеют тенденцию к функциональной взаимозаменяемости, дает сильную поддержку для вывода, что они сигнализируют о скрытой неспособности справиться с определенными видами беспокойства.

7. Характеризующие пагубное пристрастие потеря самости и отвлечение к себе не обязательно идентифицируются с потаканием собственным слабостям. Все пагубные пристрастия являются патологиями самодисциплины, но такие девиации могут идти в двух направлениях — дозволенности и связывания. Мы можем видеть каждую из этих тенденций в пагубном пристрастии к пище, которое может принимать форму принудительного переедания и/или анорексического голодания. Хотя

булимия и анорексия противоположны друг другу, они фактически являют собою две стороны одной монеты и часто сосуществуют как пристрастия, проявляющиеся у одного и того же индивида.

Пагубное пристрастие, рефлексивность, самоавтономия

В западных странах люди, принадлежащие к различным социальным стратам, в течение долгого времени потребляли алкоголь, равно как и наркотики. Но их тогда не считали подверженными пагубной страсти. Вплоть до девятнадцатого века регулярное употребление алкоголя, например, рассматривалось как «социальная проблема» лишь в той степени, в какой оно вело к нарушению общественного порядка. Идея о том, что кто-то может быть приверженцем пагубного пристрастия, датируется серединой девятнадцатого века или около того; это понятие довольно долго не входило в общее употребление, и ему в течение какого-то времени предшествовало более широкое распространение понятия алкоголизма. Изобретение понятия пагубного пристрастия, с точки зрения Фуко, представляет собою механизм контроля, новую сеть типа «знание/сила». Тем не менее оно означает также один из шагов по дороге, ведущей к возникновению рефлексивного проекта самости, который является и эмансипирующим, и ограничивающим. Приверженец пагубного пристрастия — это, помимо всего прочего, некто «склонный к излишества», понятие, относящееся не только к общественному порядку, но и к отказу, нежеланию спокойно принимать свою участь.

Пагубное пристрастие сигнализирует об определенном способе контроля над отдельными частями повседневной жизни, а также самости. Особую важность пагубного пристрастия можно понять следующим образом. Пагубное пристрастие следует понимать с точки зрения общества, в котором традиция была уничтожена более основательно, чем когда бы то ни было прежде, и в котором соответственно предполагается более важное значение проекта самости. Там, где большие области личной жизни более не устанавливаются существовавшими прежде привычками и паттернами, индивид постоянно принуждается к договорам об опционах стиля жизни. Более того — и это является решающим — такие выборы не являются «внешними» или маргинальными аспектами аттитюдов индивида, но определяют, кто индивид «есть». Другими словами, выборы жизненного стиля являются конститутивными для рефлексивного изложения самости¹.

¹ *Anthony Giddens. Modernity and Self-Identity. — Cambridge: Polity, 1991.*

Тот факт, что алкоголизм идентифицировался как физическая патология, в течение какого-то времени отвлекал внимание от связей между пагубным пристрастием, выбором жизненного стиля и самоидентичностью. Обещание освобождения, которое он содержит, было заблокировано до той степени, в какой он воспринимается как любая другая болезнь. Тем не менее в ранних программах Анонимных Алкоголиков уже признавалось, что излечение от пагубного пристрастия означает принятие глубоких изменений в стиле жизни и пересмотр самоидентичности. Как и в случае психотерапии и консультирования, те, кто посещают собрания, находят там атмосферу, в которой временно приостанавливаются критика и осуждение. Членов ААА поощряют к тому, чтобы раскрывать свои самые конфиденциальные заботы и тревоги открыто, без страха и без опасения оскорбительного отклика. Лейтмотив этих групп состоит в том, чтобы переписать заново изложение самости.

Посттрадиционный порядок требует фактически беспрестанно перерабатывать изложение самости и привносимой им практики жизненных стилей, если индивиду нужно сочетать автономию личности с чувством онтологической безопасности. Однако процессы самоактуализации очень часто бывают парциальными и ограниченными. Поэтому неудивительно, что пагубные пристрастия имеют столь широкое потенциальное распространение. Когда институциональная рефлексивность реально проникает во все части повседневной жизни, пагубным пристрастием может стать почти любой паттерн или привычка. Идея пагубного пристрастия имеет мало смысла в традиционной культуре, где нормально сегодня делать то, что делал вчера. Когда имела место непрерывность традиции и конкретный социальный паттерн следовал тому, что было давно установлено, равно как и санкционировано в качестве правильного и пристойного, он едва ли мог описываться как пагубное пристрастие; и он не делал заявления об особых характеристиках самости. Индивиды не могли искать и выбирать, но в то же самое время не имели обязательств раскрывать себя в своих действиях и привычках.

В таком случае пагубные пристрастия являются негативным указанием на ту степень, до которой рефлексивный проект самости в позднем модерне движется к центральному положению¹.

Они являются способами поведения, которые вторгаются в этот проект, может быть, наиболее логичным путем, но отказываются впрягаться в него. В этом смысле все они пагубны для индивида, и нетрудно увидеть, почему проблема их преодоления сейчас так широко выносятся

¹ В оригинале — *centre-stage*. — Примеч. перев.

на страницы терапевтической литературы. Пагубное пристрастие — это неспособность освоить будущее, и как таковое, оно нарушает одну из первичных забот, с которой индивиду необходимо справляться.

Каждое из пагубных пристрастий являет собою защитную реакцию, уход от действительности, осознание недостатка автономии, бросающее тень на компетенцию самости¹.

В случае незначительных принуждений чувство стыда может быть ограничено до умеренного самоуничижения, иронического признания типа: «Похоже, я как раз вляпался в эту дрянь». В более резко выраженных формах принудительного поведения под угрозой оказывается завершенность самости как целого. Пагубные пристрастия, которые фокусируются на социально приемлемых способах, с меньшей легкостью осознаются как таковые и самими индивидами, и другими — может быть, до тех пор, пока не вмешаются определенные критические обстоятельства. Это часто бывает справедливо, как я вскоре покажу, в отношении секса и справедливо в отношении работы. Трудоголики в престижных родах занятий могли бы продолжать свою деятельность много лет, не вполне осознавая ее принудительного характера (у женщин это случается реже, чем у мужчин). Лишь когда вмешиваются другие события, становится явной защитная природа его самоотверженности, — если, к примеру, он испытывает удар от потери своей работы или же рушится его брак. Работа, так сказать, стала для него всем, но она стала также долгосрочным наркотическим переживанием, которое притупляет другие потребности и устремления, которые он не может прямо удовлетворять. Он приучился, как говорится, регулярно терять себя в своей работе.

Подтексты сексуальности

В этом пункте мы вернемся к вопросу о пагубном пристрастии к сексу. Некоторые были бы склонны поспорить, может ли секс стать принудительным в том же смысле, что и работа. Потому что потребность в регулярной сексуальной деятельности, мог бы возразить кто-то, это базовый стимул, которым обладают все взрослые люди; таким образом, почти каждый в любом случае в определенной степени подвержен пагубному пристрастию к сексу. Но существование потребности еще не управляет средствами ее насыщения. Потребность в пище — это также элементарное побуждение, и тем не менее пагубное пристрастие к пище становится

¹ *Anthony Giddens. Modernity and Self-Identity. — Cambridge: Polity, 1991.*

сегодня выраженным все более резко. Секс, точно так же как другие паттерны поведения, становится принудительным, когда сексуальное поведение личности управляется постоянным поиском фиксации, которая, однако, устойчиво ведет к переживаниям стыда и неадекватности. Пагубное пристрастие в том, что касается проекта самости, — это поведение, противопоставляемое выбору; это наблюдение столь же валидно для случая пагубного пристрастия к сексу, как и для других форм поведения.

Принудительную сексуальность следует понимать на фоне обстоятельств, в которых социальный опыт становится доступен более легко, чем когда-либо прежде, и где сексуальная идентичность формирует сердцевину изложения самости. Женщины хотят секса? Конечно, да, если это понимать как поддержку требования сексуальной автономии и осуществления. Тем не менее давайте рассмотрим чудовищность изменений, которые предполагает это обстоятельство. Любой, кто убежден, что «репрессивная гипотеза» не содержит в себе истины, должен обдумать тот факт, что всего семьдесят пять лет назад в Британии незамужние забеременевшие девушки тысячами ссылались в исправительные заведения для малолетних преступников и в психбольницы. Акт о душевных заболеваниях 1913 года разрешал местным властям выдавать удостоверения о психическом заболевании и неопределенно долго удерживать под стражей незамужних беременных девушек, которые были бедны, бездомны или просто «аморальны». Поскольку имела широкое распространение идея о том, что незаконная беременность сама по себе является признаком психической ненормальности, положения Акта могли применяться, и на самом деле применялись, очень широко. Незамужние девушки из более богатых семей, забеременев, могли сделать нелегальный аборт — как и более бедные женщины, но со значительным риском для жизни, — в противном случае они в значительной степени превращались в париев. Считалось, что неосведомленность о сексе и репродукции подразумевает ненормальность, но широко распространена. Одна женщина, родившаяся в 1918 году в Лондоне, которую интервьюировал в своем историческом исследовании *Джо Мелвилл*, вспоминала, что мать шептала ей каждую ночь перед сном, что она не должна иметь секса до замужества, иначе она сойдет с ума. Она не спрашивала, почему незамужних матерей отправляют в сумасшедшие дома; она как раз думала: «О да, они заслужили это; они имели секс и сошли с ума»¹.

¹ *Joe Melvill*. Baby blues, *New Statesman and Society*, 3 May 1991. — P. 2.

Стоит ли удивляться, что женщинам нелегко справиться с теми изменениями, которые они сами же и помогали произвести? Принудительность в сексуальном поведении, как и в других областях, притупляет автономию. Заданный прежде существовавшими сексуальными ориентациями, этот факт имеет различные подразумеваемые смыслы для большинства женщин, если сравнивать их с большинством мужчин. Сегодня для обоих полов секс несет в себе обещание или угрозу — нечто такое, что само по себе касается первичных аспектов самости. Ненадежное чувство безопасности Герри было глубоко связано с ее потребностью вновь и вновь демонстрировать мужчинам свою привлекательность. Она была способна получить сексуальное наслаждение во многих из ее встреч, но — до последующих изменений в ее жизни — уходила от долгосрочных привязанностей. Можно сказать, что она интернализовала мужскую модель сексуальности, связывая сексуальное переживание с «поиском», построенным на разнообразии; но, в силу комбинации социальных и психологических причин, это была деструктивная стратегия. *Ш. Касл* отмечает.

«Весьма немногие женщины намереваются иметь столь много сексуальных партнеров, сколько вообще возможно. Сексуально наркотизированные женщины оказались в ловушке цикла, в котором первичным источником силы выступает сексуальное завоевание, и они осуществляют свою потребность в нежности и общении через сексуальный акт. У большинства женщин глубоко в основе сексуально аддиктивного поведения лежит желание продолжительных отношений»¹.

Сексуально принудительное поведение женщин принимает разнообразные формы, поддерживая вывод скорее о самом этом глубинном синдроме, нежели о его специфических выражениях. В некоторых случаях основным элементом выступает принудительная мастурбация, может быть, по нескольку раз в день; некоторые такие женщины имеют нескольких сексуальных партнеров. В других случаях доминирующей чертой является навязчивая сексуальная озабоченность на уровне фантазий, описанная одной из женщин как «пугающая сексуальная озабоченность»².

У некоторых сексуальная активность имеет сходство с неупорядоченным приемом пищи. Период френетической (в оригинале — *frenetic* — *примеч. перев.*) сексуальной энергии сменяется фазами, в которых

¹ *Kasl Ch. Women, Sex and Addiction.* — London: Mandarin, 1990. — P. 57.

² *Ibid.* — P. 58.

секс представляется омерзительным, так что у индивида едва ли может родиться мысль о следующем сексуальном контакте.

Большинство таких женщин испытывают оргазм. Высший оргазм — это момент триумфа, как физического, так и эмоционального облегчения; но многие испытывают высшую точку также в самом движении к сексуальному сношению, в котором они чувствуют особенное возбуждение и даже эйфорию.

Мужская сексуальная принудительность имеет тенденцию к различиям. Мужчин, эквивалентных свободным женщинам, не существует, и авантюрный мужчина часто уважаем, особенно среди других мужчин. Касл отмечает, что когда она упомянула на вечеринке одному мужчине, что пишет книгу о женских пагубных пристрастиях к сексу, он реагировал в манере, ставшей позднее весьма знакомой: «Вы хотите сказать, что есть женщины, пристрастившиеся к сексу? Эй, я хотел бы встретиться с одной из них»¹.

Тем не менее имеется немало свидетельств того, что сексуально насыщенные мужчины как раз и не ищут женщин, чье поведение близко к их собственному, и фактически часто отвергаются ими. Женщины, в той мере, в какой для них представляет интерес контакт с такими мужчинами, как всегда, разделяются на две категории: тех, кто ждут, чтобы за ними «охотились», и поэтому могут быть завоеваны, и тех, кто в определенном смысле находится за чертой морали, и поэтому им «все равно»².

Сексуальное пагубное пристрастие среди мужчин не связано всецело с поиском разнообразия. Как и в случае женщин, оно может принимать форму принудительной мастурбации, очень часто привязанной к сексуальным фантазиям, которые распространяются почти на все виды деятельности, которыми занимается человек. Иногда сексаголизм фокусируется исключительно на одной личности. Чарли, описываемый в исследовании *Сьюзен Форвард*, сообщает, что ему нужно было иметь секс по несколько раз в день. Он характеризует свое поведение рефлексивно-усложненным образом и осознанно использует язык пагубного пристрастия: «На той неделе мы имели секс десять раз, но если бы на одиннадцатый она сказала «нет», я бы почувствовал себя отвергнутым и рассердился бы на нее. Теперь я знаю, что это было некрасиво, но я тогда не видел ничего, кроме того, что моя “фиксация” уходит от меня»³.

¹ *Kasl Ch. Women, Sex and Addiction.* — London: Mandarin, 1990. — P. 279.

² *Steven Chapple and David Talbott.* — *Burning Desires.* — New York: Signet, 1990, ch. 1.

³ *Susan Forward. Men Who Hate Women and the Women Who Love Them.* — New York: Bantam, 1988. — P. 68.

Те, кто ищут разнообразия, наиболее устремленные охотники за женщинами, сочетают пристрастие к сексуальной погоне с плохо скрытым презрением к самому объекту своего желания. Как формулирует это один из авторов, «они преследуют женщин с такой настойчивостью и сосредоточенностью, что относятся к обычному ухаживанию небрежно и бессистемно, и с безрассудностью, которая часто подвергает риску их браки, карьеры и здоровье»¹.

Женщины, которых желают с непреодолимой силой, превращаются в ничто сразу же после достижения связи, хотя многие из таких мужчин вне этих мимолетных событий стремятся к стабильности, поддерживая в то же самое время продолжительную связь. Поступая таким образом, они часто должны проходить через изощренный обман и обеспечивая тщательное прикрытие.

Погоня за сексуальными завоеваниями как раз и продуцирует тот выматывающий цикл отчаяния и крушения иллюзий, который отмечается и в случае других пагубных пристрастий. Вот как говорит процитированный выше автор о своем собственном опыте, который впоследствии привел его в группу самопомощи от сексуальных пагубных пристрастий.

Я осознавал, что меры, которые я должен был принимать, чтобы избавиться от боли, сами становились неизмеримо болезненными, погоня за женщинами больше не «работала» на меня. Я много потерял в следовании своему пагубному пристрастию, и теперь, в минуты моих последних побед, мною овладевало ощущение личной опустошенности. Секс больше не давал мне ничего большего, кроме физического облегчения при эякуляции; довольно часто я просто не мог достичь оргазма. Женщины больше не были объектами любви и даже желания. Я достиг точки, где испытывал отвращение к своим партнерам даже когда входил в них, и мое отвращение было еще более сильным от того, что я осознавал, как мало я в них нуждаюсь².

Как он дополняет далее, бывает трудно воспринимать ценность заявлений некоторых соблазнительей о том, что их активность не представляет для них проблем. Ответ одного мужчины исследователям был таков: «Находит» женщину — да, но гоняться за женщинами — нет». И тем не менее в авторских интервью с такими мужчинами на поверхность быстро всплывает беспокойство по поводу женщин и страх перед ними; спокойствие, с которым они могли говорить о своих сексуальных

¹ Peter Trachtenberg. The Casanova Complex. — New York: Pocket Books, 1988. — P. 17.

² Ibid. — P. 289.

подвигах, контрастирует с френетической природой погони и имеет сходство с негативными характеристиками других пагубных пристрастий. Замечания, которыми они комментируют свою деятельность, весьма схожи с теми, которые используют алкоголики, когда они оправдывают свое пьянство: «это только в этот раз», «это никому не приносит вреда», «моя жена никогда не узнает об этом»¹.

Важно прояснить направление этой дискуссии. Не следует противопоставлять флирт имплицитной модели моногамии, как если бы «верность» определять с точки зрения сексуальной эксклюзивности. Женолюбие определенно связано с тем, что я позднее назову эпизодической сексуальностью, но это не одно и то же. Связью между ними выступает принудительность.

Сексуальность и обольщение

Можно было бы предположить, что мужская сексуальная принудительность — это просто мужская сексуальность, высвобождаемая из ее традиционных рамок. Помимо всего прочего, разве не существовало достаточно многих культур, в которых богатые мужчины могли позволить себе приобрести столько жен и наложниц, сколько они могут? Разве Казанова это не архетипический герой, которым восхищались множество женщин, и не предтеча сегодняшнего Джеймса Бонда?

Однако обладание двумя и более женами в контексте пре-модернистских культур обычно не имело ничего общего с сексуальным завоеванием как таковым. Фактически все полигамные общества обладали системой организованного брака. Приобретение нескольких жен требовало материального благополучия и было выражением его; то же самое было справедливо и в отношении конкубината — там, где он был общепринятым институтом. Казанове не было места в пре-модернистских культурах: он был фигурой из общества, находящегося на пороге модернизма. У него не было интереса к накоплению жен, если бы такая вещь была возможна. Для него секс был нескончаемым поиском, который приходил к своему итогу не в результате самоосуществления или мудрости, а только с дряхлостью старости. Мужчины хотят любви? Ну, в определенном смысле это и есть значение жизни Казановы. Он является первым «мужчиной, принадлежащим леди» — эта фраза показывает, кто кому принадлежит.

¹ Peter Trachtenberg, *The Casanova Complex*. — P. 283–284.

Такие мужчины любят женщин, хотя они не могут любить конкретную отдельно взятую женщину. Нет сомнения, что эта любовь произрастает отчасти из страха, но интересно, что настолько, насколько об этом можно говорить, Казанова не питал того открытого презрения к женщинам, которое сегодня так легко просматривается среди женолюбив, равно и среди некоторых беспутных мужчин. Он был, вне всякого сомнения, иллюстративной фигурой: в старости он должен был унизиться до насилия как средства поддержания своей сексуальной жизни. Однако в молодые годы он старался заботиться о женщинах, которых любил, и оставлял и очень часто подыскивал для них подходящих мужей. *Хевилек Эллис* говорит, что «он любил много женщин, но разбил не так уж много сердец»¹, хотя это суждение, конечно, слишком щедрое.

Характерно, что в своих «Мемуарах» Казанова очаровательно пишет о женщинах, с которыми вступал в сексуальную связь, и многие из его комментариев некоторое время спустя после того, как эти события имели место, соответствовали его сведениям, великодушным и лестным в отношении них.

Казанова был оболыстителем. Его сексуальные подвиги совершались в те времена, когда считалось, что незамужние женщины должны блюсти целомудрие, и среди многих групп, включая аристократию, адюльтер со стороны замужних женщин, если он был раскрыт, мог повлечь за собой сокрушительные последствия. Осуществляемые им оболыщения должны были быть обставлены предосторожностями и довольно часто носили характер сравнительно долгосрочных предприятий, требующих множества предварительных приготовлений. Процесс не обязательно должен был заканчиваться с завоеванием, поскольку после того как желаемое событие произошло, он часто должен был убедиться в том, что компаньонки женщины, ее охрана и родственники ничего не подозревают.

Сегодня женолюбы являются продуктами самих преобразований в личной жизни, которые лежат на поверхности вещей. Они являются соблазнителями в эпоху, когда оболыщение вышло из употребления, и это объясняет многое в природе их принудительности. «Оболыщение» утратило многое из своего значения в обществе, в котором женщины стали гораздо более сексуально «доступными» для мужчин, чем когда бы то ни было прежде, хотя — и это носит решающий характер — и более равными им. Погоня за женщинами отражает это фундаментальное изменение в то же самое время, как и выражает раздражение против него².

¹ *Havelock Ellis*. Psychology of Sex. — London: Heinemann, 1946. — P. 189.

² *Peter Trachtenberg*. The Casanova Complex. — P. 241.

Женолюббы наших дней могли бы представляться реликтами из прошлого века, с отчаянной храбростью подкрадывающимися к своей дичи, будучи вооруженными лишь пенициллином, презервативом (надо надеяться) и готовностью к риску заполучить СПИД. Хотя, если мои более ранние аргументы правильны, то женолюббы являются неотъемлемой частью нынешнего мира сексуальности. Они обольстители, причем в той степени, в какой они озабочены, помимо всего прочего сексуальным завоеванием и желанием испытать власть. Но какова цена победы, когда победа так легка? В чем состоит пикантность, когда другая сторона не только желанна, но и сама, может быть, равным образом исполнена страстного желания сексуального переживания?

В процессе обольщения претензии на власть, посредством которой женщину побеждают или символически «убивают», на поверхности вещей могли бы показаться еще более сомнительными, когда индивид сталкивается с кем-то, кто утверждает свое равенство. Но женское сексуальное равенство, как обнаружил *Грехем Хендрик*, стирает прежнее разделение между добродетельной и развратной, или падшей, женщиной. Поскольку «убийство», которое совершает соблазнитель, зависит от разрушения добродетели, преследование утрачивает свою принципиальную динамику. Та «нетронутость», которую соблазнитель стремился нарушить или утвердить в ней свою власть, уже не является тем же самым, что и сексуальная невинность, и более не различается по полу. В контексте чистых отношений нетронутость сохраняет фундаментальную роль, но становится этническим атрибутом, наличие которого каждый из партнеров предполагает у другого.

В более традиционные времена обольститель был прирожденным авантюристом, бросавшим вызов не просто каждой женщине, но и целой системе сексуальной регуляции. Он был ниспровергателем добродетели и бросался с копьем наперевес и на другие ветряные мельницы, потому что обольщение означало вызов мужскому порядку сексуальной защиты и контроля. Сегодняшний женолюб — это не тот, кто культивирует чувственное наслаждение, искатель волнений в мире открытых сексуальных возможностей. Волнение преследования дает высшую точку, но позднее высшая точка имеет тенденцию к тому, чтобы стать фиксацией. Женолюббы не столько вольнодумцы, сколько контрреволюционеры в окружении, в котором сексуальность и интимность связаны как никогда прежде. Любовь-слияние предполагает интимность: если такая любовь не достигается, индивид готов оставить ее. Женолюббы поддерживают это необходимое «потенциальное пространство» с помощью средств иных, нежели уважение партнера. Их способность

«уходить» достигается через предвосхищение следующей потенциальной сексуальной встречи. Они часто являются мастерами риторики романтической любви, но не способны извлечь из нее эмоционально согласованного изложения самости. В результате напыщенный и самоуверенный мужчина, проходя через рутину обольщения, может оказаться неуклюжим, косноязычным и несчастным, когда половой акт завершен. Он оказывается в положении описанного *Карлом Крауссом* фетишиста, который жаждет обладания одной лишь женской туфелькой, а взамен получает целое человеческое существо.

Некоторые из таких мужчин имеют секс с сотней и более женщин в год: в каком смысле о них можно сказать, что они «хотят любви»? В особом и назойливом смысле. Их зависимость от женщин достаточно очевидна, настолько очевидна, что оказывает контролирующее воздействие на их жизни. Обольщение может легко ассимилироваться в мужской мир достижений и преодоления препятствий — в сам мужской мир современности. Но эта ориентация становится пустой, поскольку обольщение утрачивает свое прежнее значение. Женолюб не может быть «особым» с каждой сексуальной партнершей так, как это мог Казанова — не только как разрушитель добродетели, но и как потенциальный избавитель от мира сексуального одиночества. Современный сексуальный авантюрист отверг романтическую любовь или пользуется ее языком только в качестве риторики убеждения. Поэтому его зависимость от женщин может утвердиться только через механику сексуального завоевания. Можно утверждать, что женолюб больше, чем другие мужчины, пятнает связи между сексуальностью, интимностью и рефлексивным конструированием самоидентичности; но он скорее находится в рабстве у женщин, нежели может общаться с ними как с независимыми существами, способными давать и получать любовь. Женолюб является фигурой, которая «любит их и бросает их». Фактически же он совершенно не способен «бросать их»: каждое новое покидание — это лишь прелюдия к еще одной встрече.

Социологическое значение созависимости¹

Женюлюбы (в оригинале — *womanizers* — *примеч. перев.*) часто обладают такими качествами, которые тесно коррелируют с некоторыми чертами комплекса романтической любви: это мужчины, которые берут женщин натиском или добиваются их с особым пылом и, возможно, проявляют при этом большое искусство.

Некоторые из женщин, которым все эти вещи теперь весьма знакомы, могли бы с большой вероятностью сделать хороший выбор для краткосрочной сексуальной связи, преследуя преходящее возбуждение или наслаждение. Для таких женщин привлекательность мужчины, которого мы бы могли назвать «леди-киллером» (в оригинале — *lady-killer*, дословно — «убийца женщин» — *примеч. перев.*), быстро блекнет или предусмотрительно удерживается под контролем.

Женщины же, на которых падает выбор большинства этих леди-киллеров, вовсе не таковы².

Напротив, они очень быстро вовлекаются в любые связи, стоит им только начаться. На протяжении жизни таких женщин обычно бывают разбросаны губительные романы или долгие, иногда болезненные связи с мужчинами, которые тем или иным образом плохо с ними обращаются. Короче говоря, эти женщины оказываются *созависимыми*, и это понятие в терапевтической литературе стало настолько общим местом, что оно — хотя и никоим образом не ограничиваемое одними лишь женщинами — некоторым образом описывает то, что когда-то было названо «женской ролью» вообще³.

---

¹ В оригинале — *codependence*. — *Примеч. перев.*

² Peter Trachtenberg. *The Casanova Complex*. — New York: Pocket Books, 1988. — P. 244–248.

³ См. напр.: Colette Dowling. *The Cinderella Complex*. — New York: Pocket Books, 1981. — P. 34.

Созависимые женщины — это те из них, кто нуждается в том, чтобы заботиться о других, но которые в то же время часто или почти всецело — хотя бы на подсознательном уровне — уже предвидят, что их преданность будет встречена, в той или иной форме, отказом. Сколько в этом болезненной иронии! Весьма вероятно, что такая женщина окажется втянутой в связь именно с волокитой. Она готова к этому и, возможно, даже озабочена тем, чтобы «спасти» его; он требует такой терпимости, потому что — если он не является совершенно двуличным и не скрывает свои подлинные аттитуды, — другие женщины его отвергают.

Природа созависимости

Понятие «созависимость» дает нам пример того, насколько общей для нынешней эпохи является так называемая «обратная рефлексивность». Это понятие, вместо того чтобы быть введенным в научный оборот профессионалами, просто пришло из практики общения социальных работников с теми индивидами, которые борются с собственным алкоголизмом. В ранних группах самопомощи алкоголиков алкоголизм рассматривался просто как некая слабость личности. Предполагалось, что алкоголик наилучшим образом выздоравливает в компании других алкоголиков — таких же, как и он, личностей, страдающих от той же самой проблемы, причем будучи удаленным из контекста своей семьи. Позднее было признано, что алкоголизм оказывает свое воздействие и на других людей — тех, с кем алкоголик находится в регулярном контакте.

Вследствие этого жизни других людей оказываются зависящими от его склонностей к пагубному пристрастию, часто неуловимым образом, а иногда таким, который наносит им ущерб. Одним из первых понятий, введенных для интерпретации этой ситуации, было понятие «*enabler*» (от *enable* — давать возможность, приспособлять, делать годным — *примеч. перев.*), обозначающее такую личность, которая сознательно или бессознательно поддерживает пьянство индивида; в качестве такой личности может выступать сексуальный партнер или супруг (супруга), чаще всего — женщина.

Идея «созависимого» пришла на смену «*enabler*», когда стало ясно, что такой индивид испытывает те же или даже большие страдания, что и сама личность, находящаяся в химической зависимости¹.

¹ Anne Wilson Schaeff. Codependence. Misunderstood-Mistreated. — San Francisco: Harper and Row, 1986. — P. 11.

Когда все это было обобщено, понятие *созависимости* стало чем-то таким, что может вводить в заблуждение. Оно было разработано в таком контексте, в котором имелась некая четко очерченная личность, подверженная «пагубному пристрастию», и на чье поведение мог возникать отклик другого человека. Это понятие имело тенденцию подразумевать приоритет в том, кто от кого становится зависимым; оно относится как бы ко вторичному пагубному пристрастию. Как обычно, при такого рода использовании понятий обычно путают две вещи: преломление пагубного пристрастия на другого — того, кто выстраивает свое поведение вокруг него, и интеракционное качество связи. Дело осложняется еще и тем, что созависимость довольно часто бывает привязана не столько к особым отношениям, сколько к особому типу личности. Как это характеризует один из авторов.

«Созависимая личность стремится к получению одобрения со стороны практически каждого из тех, с кем она вступает в контакт. Взамен того чтобы выстраивать жизнь вокруг одной личности, она может иметь несколько «золотых тельцов», вокруг которых она танцует, — возможно, в дополнение к любовнику, это могут быть ее мать и отец, ее подруги, босс, клерк в супермаркете. Она проживает свою жизнь вокруг потребностей других»¹.

Позвольте мне сформулировать обсуждаемые понятия следующим образом. **Созависимая личность** — это некто такой, кому, для того чтобы подтвердить смысл своей онтологической безопасности, требуется другой индивид или ряд индивидов, которые определяют его (или ее) желания; он (или она) не может почувствовать себя уверенным, не посвящая себя удовлетворению потребностей других. **Созависимые отношения** — это такие отношения, в которых кто-то психологически связан с партнером, чья деятельность управляется какого-то рода принудительностью. Я называю зафиксированной такую связь, в которой она сама выступает объектом пагубного пристрастия. В зафиксированных связях индивиды выстраивают свои жизни не вокруг прежде существовавших пагубных пристрастий других; скорее, они сами нуждаются в этой связи, чтобы угодить смыслу обеспечения своей безопасности, который иным образом они не могут найти. В своих наиболее мягких формах зафиксированные связи — это те, которые укреплены в привычке. Такие связи гораздо более раздражительны, когда они осуществляются через взаимный антагонизм, от которого они не в состоянии освободиться.

¹ Jody Hayes. Smart Love. — London: Arrow, 1990. — P. 31.

Мы можем предположить, что зафиксированные связи распространены более широко, нежели созависимость в любой из ее принципиальных форм. Такая связь выстраивается скорее вокруг принудительной зависимости, нежели вокруг созависимости. Ни одна из сторон по отдельности не обладает пагубным пристрастием, и тем не менее обе они являются зависимыми от связи, которая является либо делом рутинных обязательств, либо фактически деструктивна для обеих сторон. Каждая из личностей зависит от какой-то «изменчивости», которую обеспечивает ее партнер; но ни один из них не в состоянии полностью осознать или прийти к пониманию природы его или ее зависимости от другого. Мужчины обычно стремятся оказаться в зафиксированных отношениях настолько, насколько они находятся рядом с другими, к кому они глубоко привязаны, — но при этом там, где эта привязанность или не понимается, или активно отрицается. В случае, когда мы имеем дело с женщинами, такого рода принудительная зависимость чаще ассоциируется с домашней ролью, которая становится своего рода фетишем, — к примеру, с ритуальной вовлеченностью в домашнюю работу, и требованиями со стороны детей.

Работа тех, кто на уровне терапии стремится помочь индивидам избавиться от аддиктивных связей, дает ключи к структуральным преобразованиям, оказывающим влияние на такие связи. Здесь мы опять сталкиваемся с возникающей центрированностью чистых отношений, равно как и с их тесными связями с рефлексивным проектом самости и с моделью любви-слияния. Аддиктивные связи можно охарактеризовать стремлением к соблюдению следующих правил:

- 1) не делай поправки на мониторинг себя и другого, столь жизненно важный для чистых отношений;
- 2) погружай свою самоидентичность в другого или в фиксированную рутину;
- 3) не допускай такой открытости себя другому, которая может стать предпосылкой интимности;
- 4) стремись сохранять неравенство гендерных различий и сексуальных практик.

Первое предписание всех терапевтических программ носит рефлексивный характер: признай, что у тебя самого есть какая-то проблема и посредством такого признания начинай что-то делать с ней! В алкогольных группах самопомощи «всплывание» означает термин, часто используемый для описания состояния ума тех, кто говорит: «Хватит, так хватит: я намерен измениться». «Даже после того как решение принято

на каком-то уровне, вы можете все еще нуждаться в определенной встряске, чтобы приступить к действию. Это мог бы быть отказ, автомобильная авария, оскорбление со стороны сексуального партнера, утрата трезвости или приступ беспокойства. Вредные последствия здесь подобны энергетическому залпу по вашему здоровью»¹.

Решение о том, чтобы приступить к действию, обычно включает в себя обеспечение помощи других, извне самой по себе аддиктивной связи, поскольку это ключевой способ достижения начальной дистанции, равно как и поддержки.

Развитие рефлексивного внимания влечет за собою, в качестве базового исходного пункта, осознание выбора. Выбор — и это следует подчеркнуть — означает оценивание пределов и границ, которым кто-то подвержен: это способ оценки своих возможностей. Рефлексивный момент один из авторов называет «саморазговором» (*Self talk*; другой вариант перевода: «разговор с самим собой» — *примеч. перев.*).

Саморазговор представляет собою своего рода перепрограммирование, способ рассмотрения того, насколько далеко установленные рутины должны быть обдуманы новым способом или, если возможно, отброшены. Осознание выбора означает преодоление «негативных программ», которые поддерживают аддиктивные паттерны. Аддиктивное программирование может звучать примерно так:

- «Как раз этого я не могу сделать»;
- «Я точно знаю, что это не будет работать»;
- «Я недостаточно креативен»;
- «У меня никогда не хватит денег»;
- «Я не могу ладить со своим боссом»;
- «У меня никогда не хватит времени сделать все, что необходимо...» и так далее².

Мы должны будем отступить от наивного, почти тоталитарного круга предписаний избегать всех таких мыслей: потому что почти очевидно, что «Как раз этого я не могу сделать», «Я точно знаю, что это не будет работать», и все остальное часто может быть реалистичной оценкой чьих-то возможностей в любом заданном контексте. Рефлексивность — это необходимое, но еще не достаточное условие освобождения от пагубного пристрастия. Тем не менее бихевиоральная важность такого программирования достаточно очевидна.

¹ *Charlotte Kasl. Women, Sex and Addiction.* — London: Mandarin, 1990. — P. 340.

² *Shad Helmstetter. Choice.* — New York: Pocket Books, 1989. — P. 63–64.

Ясно, что выбор прямо отражает природу самости. То, чего хочет личность, помогает определить, что представляет собою эта личность; а нахождение уверенной самоидентификации фундаментально для идентификации желаний. «В течение дня могут иметь место тысячи маленьких выборов. Все они имеют какое-то значение»¹.

Однако некоторые из них имеют большее значение, нежели другие. Принудительные отношения, как настоятельно утверждает терапевтическая литература, хотя и не всегда используя для этого так много слов, препятствуют исследованию самоидентичности. Поэтому, например, Касл рассматривает созависимого индивида именно как «кого-то, чья сердцевинная идентичность недоразвита или неизвестна, и кто поддерживает ложную идентичность, выстраиваемую из зависимых привязанностей к внешним источникам»².

Пагубное пристрастие и вопрос интимности

Созависимые индивиды приучаются к нахождению своей идентичности через действия или потребности других; но в любой аддиктивной связи самость имеет тенденцию сливаться с другим, поскольку пагубное пристрастие выступает первичным источником онтологической безопасности. Одна из целей, часто предлагаемых на ранних фазах терапевтического воздействия в группах самопомощи, состоит в том, чтобы «отпустить» — ослабить попытки контролировать другие характеристики созависимости. Индивида поощряют к тому, чтобы освободиться от ее «молчаливого контракта». Пройти через этот процесс крайне трудно, хотя его поверхностные маркеры очевидны: ее разговоры больше не сосредоточиваются непрерывно на том, что говорит «он», что говорят «они», что говорит «мой муж» или «мой любовник». В группах поддержки для партнеров алкоголиков отпуская именуется «любящим разъединением» — довольно банальная фраза для весьма реального феномена, представляющего собою возникновение способности созависимого проявить заботу о другом, не взваливая на себя груз его или ее пагубного пристрастия³.

То, что представляется на первый взгляд поощрением эгоизма, даже нарциссизма, следует понимать как сущностную стартовую точку для возможности развития любви-слияния. Это предпосылка для осозна-

¹ *Shad Helmstetter*. Choice. — New York: Pocket Books, 1989. — P. 97.

² *Charlotte Kasl*. Women, Sex and Addiction — London: Mandarin, 1990. — P. 36.

³ *Jody Hayes*. Smart Love. — London: Arrow, 1990. — P. 174–175.

ния другого как независимого существа, которое может быть любимо за ее или его особые черты и качества; она предлагает также шанс освободиться от навязчивой идеи о разрыве или прекращении связи.

Один из терапевтов перечисляет некоторые характеристики новых привычек, которые могли бы вытеснить старые, более принудительные.

Вы должны выслушивать проблемы друга — именно выслушивать, а не пытаться спасти ее или его.

Вместо того чтобы сосредоточиваться исключительно на одной личности, вы должны проявлять интерес ко многим людям.

Вместо того чтобы возвращаться на «место преступления» — туда, где живет ваш бывший любовник, или в места, где вы бывали вдвоем, — вы должны находить другие, более интересные места для посещения.

Если вы настойчиво желаете чего-то или кого-то недоступного для вас, постарайтесь лучше наслаждаться чем-то или кем-то более доступным.

Вместо того чтобы громоздить оскорбления, скажите «нет» самой связи.

Если вы только что порвали с любовником и он звонит всегда в определенное время, найдите что-нибудь приятное, чем вы могли бы занять себя в это время¹.

Определение личностных границ расценивается как фундаментальное для не-аддиктивной связи. Почему? Ответ опять касается самости и ее рефлексивности. Границы устанавливаются, говоря психологически, тем, что кому принадлежит, и поэтому они нейтрализуют воздействия проективной идентификации. Четкие границы в рамках связи, очевидно, важны для любви-слияния и поддержания интимности. Интимность дает возможность не для поглощения другого, а для знания его или ее характеристик и обеспечения доступности к себе. Открытость другому парадоксальным образом требует обозначения личностных границ, потому что это коммуникативный феномен; он требует также восприимчивости и такта, поскольку это не то же самое, что жизнь вообще без конфиденциальных мыслей. Баланс открытости, уязвимости и доверия, разрабатываемый в связи, управляет тем, становятся ли личностные границы такими разрезами, которые скорее препятствуют коммуникации, нежели поддерживают ее².

Такого рода баланс предполагает также баланс власти, вследствие чего чистые отношения с их обещанием интимности зависят и от возрастающей автономности женщин, и от пластичной сексуальности, бо-

¹ Jody Hayes. *Smart Love*. — London: Arrow, 1990. — P. 73.

² C. Edward Crowther. *Intimacy. Strategies for Successful Relationships*. — New York: Dell, 1988. — P. 156–158.

лее не служа двойному стандарту. Тот же упомянутый выше терапевт дает схему, идентифицирующую характеристики аддиктивных связей в сравнении с интимными отношениями¹ (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристики аддиктивных связей в сравнении с интимными отношениями

Аддиктивные	Интимные
Навязчивая идея отыскания «кого-то для любви»	Развитие самости как первичного приоритета
Потребность в немедленном удовлетворении	Желание долгосрочного удовлетворения; связь развивается шаг за шагом
Принуждение партнера к сексу или к привязанности	Свобода выбора
Дисбаланс власти	Равновесие и взаимность отношений
Власть используется для контроля	Компромисс, соглашение или поочередное лидерство
Правило «без разговоров»	Разделение желаний, чувств и оценивание того, что твой партнер значит для тебя
Манипуляция	Прямота
Недостаток доверия	Соответствующее доверие (то есть знание того, каким примерно будет поведение партнера в соответствии с его или ее фундаментальной природой)
Попытки изменить партнера, чтобы он удовлетворял ваши потребности	Охватывание (мыслью) индивидуальности другого
Отношения основаны на иллюзиях и стремлении избегать неприятностей	Отношения имеют дело со всеми аспектами реальности
Отношения всегда одинаковы	Отношения всегда изменяются
Ожидание, что один из партнеров будет постоянно занят другим и приходить ему на помощь	Самообеспечение обоих партнеров
Слияние (с навязыванием друг другу своих проблем и чувств)	Любовное разделение (здоровая забота о благополучии и росте партнера и в то же время «отпускание» его)
Страсть, смешанная со страхом	Секс вырастает из дружбы и заботы друг о друге
Обвинение себя или партнера в возникновении проблем	Совместное разрешение проблем
Цикл боли и отчаяния	Цикл комфорта и удовлетворения

¹ Jody Hayes. Smart Love. — London: Arrow, 1990. — P. 174–175.

Благочестивый психологический лепет? В какой-то степени, возможно, и так. Противоречивость в отношении некоторых заявлений, сделанных в правой колонке? Несомненно — хотя они в какой-то мере и выражают противоречия личной жизни. И все же я не думаю, что перечисленные возможности — это не просто нечто желательное; они отражают тенденциозные характеристики интимности, которые я пытаюсь документально подтвердить на протяжении всей книги. Кто не сможет увидеть в них свидетельство демократизации повседневной жизни и программу для ее развития? Сравнение того, что перечислено в левой колонке, с тем, что перечислено в правой, раскрывает картину эмансипации. Это не просто «освобождение от...»: в том виде, как она изображена здесь, интимность обладает сущностным содержанием. Мы начинаем понимать, как должна выглядеть освобожденная сфера личного.

Интимность, родство, родительство

Трансформация интимности относится и к сексу, и к гендеру, однако не ограничивается только ими — этот факт поддерживает тот тезис, который я постараюсь позже развить несколько подробнее, — о том, что проблема здесь заключается в базовом сдвиге этики личной жизни как целого. Подобно гендеру, родство когда-то рассматривалось как нечто данное естественным образом — ряд прав и обязанностей, которые создают биологические и брачные связи. Широко утверждалось, что родственные связи в значительной степени разрушаются с развитием современных институтов, которые оставили нуклеарную семью в великолепной изоляции. Не рассматривая этот вопрос в каких-либо подробностях, можно убедиться, что такой взгляд был ошибочным или, по меньшей мере, вводящим в заблуждение. В разделяющемся и разводящемся обществе нуклеарная семья порождает разнообразие новых родственных связей, ассоциирующихся, например, с так называемыми рекомбинантными (в оригинале — *recombinant* — *примеч. перев.*) семьями.

Однако природа этих связей изменяется по мере того, как они подвергаются большему, нежели прежде, воздействию переговорного процесса. Родственные отношения часто воспринимаются на считающейся само собой разумеющейся основе доверия. Теперь же само доверие становится предметом переговоров и сделок, равно как и привязанность, и сексуальные отношения.

Жанет Финч, анализируя нынешние родственные отношения, говорит о некоем процессе «выработки»¹.

¹ *Janet Finch. Family Obligations and Social Change. — Cambridge: Polity, 1989. — P. 194–211.*

Людям приходится вырабатывать новые способы обращения с родственниками и при этом конструировать новую этику повседневной жизни. Она явно трактует этот процесс с точки зрения приверженности. (*Commitment*. Напомним, что это может переводиться также как «привязанность» — *примеч. перев.*).

Люди стремятся организовать свои родственные связи через «договорную приверженность», посредством которой они вырабатывают «вещи, которые надлежит делать» в отношении своих родственников в особых контекстных рамках. К примеру, индивид не решает, одалживать ли деньги своему шурину, поскольку в семье или более широком обществе это определено как своего рода обязанность; деньги одалживаются скорее потому, что личностью разработан определенный ряд приверженностей к другой личности, которые определяют такой поступок как правильный.

Насколько отличаются от такой ситуации отношения между родителями и детьми? Очевидно, что во взаимодействии взрослые—дети существует значительный дисбаланс власти, особенно в ранние годы детства. В свете этого факта можно было бы предполагать, что качество этой связи имеет мало отношения к обеспечению заботы, поскольку с обеих сторон существуют заданные социальные обязательства ограничивающего типа. И все же есть основания усомниться в том, насколько сильны сегодня такие обязательства в некоторых группах. Наилучший способ продемонстрировать это состоит в том, чтобы пройти «в обратном направлении», от связей «родители—дети», которые носят отчетливо договорный характер, к характеристикам раннего детства. Многие родители сегодня являются приемными родителями, равно как и биологическими отцом и матерью. Приемные родители обычно принимают на себя определенные права и обязанности относительно детей, но эти права и обязанности являются сегодня обычно «договорными приверженностями» в том смысле, какой вкладывает в это понятие Финч, со стороны и родителей, и детей. Или возьмем случай таких обязанностей, которые предполагаются со стороны взрослых детей в отношении своих престарелых родителей. В некоторых обстоятельствах и культурных контекстах считается более или менее само собой разумеющимся, что родители могут рассчитывать на материальную и социальную поддержку своих детей. Но отчетливая тенденция развития состоит в том, что такая поддержка зависит от качества отношений, постепенно выходящих на первое место.

Нам кажется, что детерминирующее влияние могло бы быть описано как формирование кумулятивных привязанностей¹.

¹ *Janet Finch*. Family Obligations and Social Change. — Cambridge: Polity, 1989. — P. 204–205.

К примеру, в одном из исследований матерей и дочерей одна из респонденток говорит: «Моя мать и я жили вместе, потому что мы сами сделали такой выбор и любили друг друга... Мы разделяли общий дом, мы могли смеяться вместе... Я была независимой личностью, моя мать тоже. Я не просто ухаживала за ней, мы просто жили вместе»¹.

Она чувствовала приверженность к тому, чтобы заботиться о своей матери, и это было результатом их долгой совместной истории; но не менее важным был здесь и элемент взаимной любви. Как указывает Финч, понятие кумулятивных привязанностей помогает нам понять, каким образом на протяжении времени для одного из детей становится совершенно «очевидной» необходимость заботы об одном или об обоих родителях, в то время как другой человек мог бы относиться к этому совершенно иначе².

Картина становится еще сложнее в случае отношений родителей с более младшими детьми. Родители не только гораздо более могущественны, чем очень маленькие дети; их аттитюды и поведение формируют личность и характер ребенка. Тем не менее определенно неправильно было бы полагать, что ребенок остается вне влияния мира чистых отношений. Изобретение материнства предзнаменовало и давало конкретные формы той идее, что мать должна развивать эмоциональную связь с ребенком, — идее, которая придает особый вес потребностям ребенка. Руководства по воспитанию детей, опубликованные в начале текущего столетия (напомним, что речь идет о Великобритании — *примеч. перев.*), советовали родителям не вступать в излишне теплые отношения со своими детьми — на том основании, что это может ослабить их авторитет.

Позднее получил развитие тот взгляд, что родители должны поддерживать тесные эмоциональные связи с детьми, но в то же время осознавать необходимость автономии ребенка³.

Точно так же, как одни говорили о нарциссизме относительно позиции самости в современном обществе, другие предполагали, что взаимодействие родитель–ребенок движется ко все большей «дозволенности». Но это неадекватный ярлык относительно стремления разработать такие стратегии воспитания детей, которые были бы альтернативны тем, что имели место в прошлом. Это качество отношений, которое

¹ J. Lewis and B. Meredith. *Daughters Who Care*. — London: Routledge, 1988. — P. 54.

² Janet Finch. *Family Obligations and Social Change*. — Cambridge: Polity, 1989. — P. 205.

³ Gadlin H. *Child discipline and the pursuit of the self: an Historical interpretation, Advances in Child Development and Behaviour*, vol. 12, 1978.

выходит на передний план, несет на себе акцент на интимности, вытесняющей родительскую авторитарность. С обеих сторон возникает спрос на чувствительность и понимание¹.

Родители и дети

В терапевтических обсуждениях созависимых и фиксированных отношений индивидам, которые желают развить тесные личностные связи с другими, почти без исключений советуют «излечивать ребенка внутри себя». Отношения между родителями и детьми здесь вновь представляются фундаментальным образом как релевантные чистым отношениям и любви-слиянию. Почему «освобождение от прошлого» становится столь важным для приобретения интимности? Поскольку существует так много форм терапии, идущих от психоанализа и ориентированных на опыт детства, ответ на этот вопрос мог бы вообще дать очень хорошие ключи к значимости терапии и консультирования в современной культуре.

Мы можем опять же начать с совета, который дает одно из терапевтических руководств, — написанного в данном случае *Сьюзен Форвард*, — о том, как «излечиться от прошлого»².

Ее обсуждение концентрируется на случае некой Ники, молодой женщины, которая испытывала определенные трудности в браке. Она была не в состоянии постоять за себя в этих отношениях, и когда муж сердился на нее, она чувствовала себя униженной и беззащитной. Терапевт попросила ее припомнить случаи из ее детства, когда она чувствовала себя подобным образом, и остановилась на конкретном примере — одном из тех случаев, которые постоянно находились в ее памяти. Ее отец всегда хотел выучить ее играть на пианино, и, хотя она не проявляла к этому интереса, она упорно старалась для того, чтобы угодить ему. Играя перед другими людьми, она волновалась, и уровень ее исполнения ухудшался. На одном из концертов она так нервничала, что выпустила целый раздел из пьесы, которую играла. По дороге с концерта отец сказал ей, что после такого провала он не знает, как он сможет теперь еще раз взглянуть в глаза кому-нибудь из присутствовавшей публики. Она опозорила его перед всеми, потому что была бестолковой, беззаботной, слишком ленивой, чтобы упражняться и далее.

Она ощущала себя совершенно уничтоженной — и это при том, что она так хотела угодить ему. По ее словам: «Я почувствовала себя так, как будто умерла».

¹ *Gadlin H.* Child discipline and the pursuit of the self: an Historical interpretation, *Advances in Child Development and Behaviour*, vol. 12, 1978. — P. 75–82.

² *Susan Forward.* Men Who Hate Women and the Women Who Love Them, New York: Bantam, 1988.

Терапевт понимала, что в своем браке молодая женщина воспроизводила сцены из собственного детства и «теряла свою взрослую самость»¹.

Она попросила Ники принести ее фотографию в детстве, и когда они глядели на фото, Ники вспоминала многие другие обстоятельства, когда отец стыдил ее подобным образом. Тогда Форвард предложила, чтобы она пошла в мстную школу и нашла девочку, которая напоминала бы ее саму в том же возрасте. Идея состояла в том, чтобы она вообразила, что могла бы почувствовать эта девочка, если бы ее унижали таким же образом. Таким путем она могла бы осознать, какой маленькой и незащищенной она была в то время, когда происходили эти первоначальные события. Именно этот «ребенок внутри себя» становился таким испуганным и робким, когда муж подвергал ее критике.

Позже терапевт просила Ники вообразить, что отец сидит перед ней на пустом стуле и высказать ему все те вещи, которые она всегда хотела сказать, но никогда не смогла этого сделать.

Дрожащим от гнева голосом она кричала:

Как ты смел так со мной обращаться! Как ты смел так унижать меня! Кем, по-твоему, ты был, черт побери? Я всегда смотрела на тебя снизу вверх. Я молилась на тебя. Неужели ты не мог понять, как ты ранишь меня? Я никогда не была для тебя достаточно хороша. Ты заставил меня ощущать себя полной неудачницей. Я готова была сделать для тебя что угодно, лишь бы ты хоть немного любил меня².

У читателя — во всяком случае, из числа мужчин — могло бы возникнуть искушение воскликнуть: какая несправедливость по отношению к отцам! Потому что, помимо всего прочего, он ведь хотел сделать как лучше. И все же это не тот довод, поскольку она постоянно чувствовала себя опозоренной. Согласно мнению Форвард и других терапевтов, это и другие терапевтические упражнения имели большую ценность в том, что Ники выпустила накопленную ярость, которую она питала по отношению к своему отцу.

Ее попросили составить опись тех негативных вещей, которые, по ее мнению, представлялись отцу относительно нее. У нее вырос довольно длинный список.

1. Я невнимательна к другим.
2. Я эгоистична.
3. Я бездумна.

---

¹ *Susan Forward. Men Who Hate Women and the Women Who Love Them, New York: Bantam, 1988. — P. 193.*

² *Ibid. — P. 195.*

4. Я бесталанна.
5. Я неадекватна.
6. Я представляю собою затруднение для семьи.
7. Я разочаровываю.
8. Я неблагодарная.
9. Я плохой человек.
10. Я неудачница.
11. Я неумелая.
12. Я ленива и никогда не сумею чего-нибудь добиться.

Она немедленно увидела, что преодолела многие из этих мнений о себе; тогда она вернулась к списку и четко написала: «Это не было правдой тогда, и это неправда теперь!» В противоположность взглядам своего отца, она чувствовала, что ее мать всегда любила и поддерживала ее. Вот перечень тех мнений, которых, как она считала, придерживалась о ней ее мать.

1. Я интеллигентна.
2. Я ласковая.
3. Я очаровательная.
4. Я великодушна.
5. Я талантлива.
6. Я трудолюбива.
7. Я одаренная.
8. Я полна энергии.
9. Я способна любить.
10. Я доставляю радость окружающим¹.

После того как она составила этот список, Ники начертала поверх его: «Это — правда, и это всегда было так». Позднее она пришла к выводу, что взгляды родителей на нее были не настолько поляризованными, как она предполагала. Ее отец, например, довольно часто хвалил ее интеллект и атлетические способности. Постепенно она научилась «поправлять маленького ребенка внутри себя» и рассеивать внутренний образ критически настроенного отца. Оказалась ли Ники способной улучшить свои отношения с отцом, с которым она виделась нечасто, —

¹ *Susan Forward. Men Who Hate Women and the Women Who Love Them. — New York: Bantam, 1988. — P. 198–199.*

об этом Форвард не говорит. Постепенно она отказалась от своей фантазии относительно того, что ее отец станет когда-нибудь «таким отцом, какого я всегда хотела». Здесь были «печаль и оплакивание», но была и достаточно большая доля свободы. Вся энергия, которую она затрачивала на бесплодные поиски отцовской любви, теперь направлялась на цели таких видов деятельности, которые были более позитивными и значимыми для нее¹.

Я не затрагиваю вопроса о том, насколько эти конкретные терапевтические методики эффективны в сравнении, скажем, с классическим психоанализом или другими терапевтическими методиками, которые более тонко фокусируются на подсознательном. Воспитание «ребенка внутри себя» означает возвращение прошлого — процесс движения вспять и вызывания из памяти полузабытых или подавленных детских переживаний, — но лишь для того, чтобы освободиться от них, и на жесткость разрыва с прошлым указывает тот факт, что для такого отказа от него требуется процесс оплакивания. Не ведем ли мы здесь речь об еще одном пагубном пристрастии, от которого нужно избавиться? В более широком, нежели обсуждалось прежде, смысле этого понятия, я думаю, что да. Терапевт поощряет Ники к тому, чтобы «отпустить» те черты, которые, будучи деструктивными, обладали принудительной силой в отношении ее установок и действий.

Значимость такого оплакивания пронизывает значительную часть терапевтической литературы. Рассмотрим, к примеру, анализ «любовного шока», предлагаемый *Стивеном Галло и Конни Чёрч*².

Галло разработал идею любовного шока, иногда более известного под названием «панцирный шок»³, опираясь на терапевтическую работу, которую он проводил с ветеранами Вьетнама, страдавшими изнурением от сражений.

Солдаты, вернувшиеся из Вьетнама, страдали психологической дезориентацией, оцепенением чувств и неспособностью сформировать тесные отношения с кем-либо, кроме своих старых боевых друзей. Галло заметил параллели между переживаниями солдат и реакциями людей, утративших серьезные любовные отношения. Это сравнение могло бы показаться сведением к тривиальности горя, вызванного утомлением

¹ *Susan Forward*. Men Who Hate Women and the Women Who Love Them, New York: Bantam, 1988. — P. 202.

² *Stephen Gullo and Connie Church*. Loveshock. How to Recover From a Broken Heart and Love Again. — London: Simon and Schuster, 1989.

³ Классическое исследование военной усталости см. в *William Sargant*: Battle for the Mind. — London: Pan, 1959.

от войны, но фактически интенсивность реакции на распад устойчивых отношений почти столь же велика, а выздоровление от нее столь же продолжительно.

Когда связь обрывается, то даже для «отвергнувшего» — возможно, даже в большей степени, чем для отвергнутого, — может на долгие годы сохраниться имидж другого, привычки другого и ожидание, что возможно примирение. Оплакивание — это условие отпускания отношений, которые в ином случае перейдут в настоящем на уровень пагубного пристрастия. Любовный шок обладает «временем психологического путешествия», которое может занять для проработки период во много месяцев, хотя эта длительность варьируется в соответствии со степенью эмоциональной вовлеченности в воспоминания, которые индивид должен переработать. Уступить разрыву, «попрощаться» — это обычно достигается на более поздних стадиях ухода, когда существенным образом имеют дело с упреком и виной.

Не следует считать причудой сравнение отпускания в постепенно исчезающих отношениях взрослых людей с усилиями по освобождению взрослого человека, такого как Ники, от принудительной вовлеченности в события и травмы детства. В каждом случае существует когнитивный и эмоциональный приход к соглашению с психологическим прошлым и переписывание изложения самости. В обоих примерах неудача «разрыва», вероятно, означает повторение аналогичных паттернов поведения, формирующих скорее замкнутый круг, нежели путь автономного саморазвития. «Противостояние опыту вашего любовного шока и осознание того, что в вашей связи пошло не так, может обернуть боль в возрастание опыта и обеспечить вас взглядами и умениями, которые улучшат ваши последующие связи»¹.

Говоря о связях между взрослыми детьми и их родителями, нужно предпринять определенное усилие воображения, чтобы думать об этом с точки зрения «исцеления» таким способом, который представляется совершенно естественным, когда рассматриваешь ситуацию преодоления утраты любимого родителя. Детство кажется чем-то таким, что скорее подготавливает нас для последующего, более автономного участия во взрослом мире, нежели такая фаза жизни, от которой, став взрослым, нужно искать спасения. Тем не менее связь родитель–ребенок — это, подобно другим, такая связь, от которой индивид должен освобождаться, хотя и не совсем обычными способами, потому что она является разрушительной в не меньшей степени, нежели любовная связь взрослых.

¹ *Gullo and Church. Loveshock... — London: Simon and Schuster, 1989. — P. 28.*

Предположим, мы сделаем необычный шаг в трактовке взаимной вовлеченности родитель–ребенок точно таким же образом, как и связи между другими индивидами, которую они формируют и из которой они выходят. Немедленно станет очевидным, что многие из связей родитель–ребенок будут, с терапевтической точки зрения, оцениваться как серьезно дефективные: как если бы дети не зависели изначально от своих родителей, и можно было бы ожидать, что они пожелают покинуть их. Как я попытаюсь показать, можно сделать немало интересных выводов, если, например, взглянуть на родителей с «плохим поведением» таким образом, как если бы мы рассматривали супругов с такой точки зрения, когда один из них регулярно подавляет потребности другого.

Токсичные родители?

Позвольте мне проследить далее терапевтическую работу *Сьюзен Форвард* и посмотреть, каким же образом она обобщает свои проблемы, возникающие с Ники, чтобы предложить полновесный учет условий, при которых родители становятся «токсичными» для своих детей¹.

Что такое токсичный родитель?

Существует хорошо известное присловье, что как бы ни вели себя родители по отношению к детям, это будет неправильно; ни один из родителей не сможет распознать всех потребностей ребенка или адекватно откликнуться на них. И все же существует немало таких родителей, которые постоянно обращаются со своими детьми в такой манере, которая угрожает чувству их личного достоинства, и это может послужить причиной того, что они окажутся втянуты в длительную борьбу с воспоминаниями своего детства. Токсичные родители, по ее мнению, «...склонны рассматривать бунт или даже индивидуальные различия как атаки против себя лично. Они обороняются, усиливая тем самым зависимость и беспомощность своих детей. Вместо того чтобы направлять и стимулировать здоровое развитие, они бессознательно подрывают его, часто находясь в убеждении, что действуют в интересах своих детей. Они могут употреблять такие фразы, как “это укрепляет характер” или “ей необходимо научиться отличать хорошее от дурного”», однако их агрессивные арсеналы в действительности наносят вред детской самооценке, саботируя любые ростки независимости... В сердцеvine каждого взрослого, в прошлом испытывавшего дурное обращение, —

¹ *Susan Forward. Toxic Parents. Overcoming Their Hurtful Legacy and Reclaiming Your Life. — New York: Bantam, 1990.*

даже если он достиг больших успехов, — всегда сидит маленький ребенок, беспомощный и напуганный¹.

С. Форвард идентифицирует целый ряд различных типов токсичных родителей. Есть родители, которые просто эмоционально неадекватны. Они оказываются «не на месте» для своих детей, которые в результате чувствуют, что должны защитить себя от них, или же могут бесконечно искать признаки их любви. Это такие родители, которые — преднамеренно или нет — отказались от ответственности за своих детей. Другая категория токсичных родителей — это контролеры. Чувства и потребности детей обычно бывают подчинены чувствам и потребностям их родителей. Типичная реакция детей, с которыми обращаются подобным образом, такова: «Почему они не могут позволить мне жить своей собственной жизнью?»

Это относительно тонкие типы родительской токсичности; другие бывают гораздо более жестокими. Важной характерной чертой здесь опять же становится алкоголизм. В большинстве семей, в которых один или оба родителя подвержены пагубному пристрастию к алкоголю, систематически вскрывается тот факт, в соответствии с которым детей просят, в сущности, вступить в преступный сговор, часто оказывая тем самым уродующее воздействие на их личное развитие. «В этой семье нет алкоголиков» — таков имидж, предлагаемый внешнему миру; однако внутри семейной группы именно употребление алкоголя может оказаться тем фактором, который оказывает преобладающее давление на детей.

Далее: оскорбления бывают физическими и вербальными. Все родители временами произносят такие вещи, которые их дети считают вредными; однако если этот вред представляется достаточно видимым, многие стараются устранить нанесенный ущерб последующими проявлениями доброты или с помощью извинений. И все же многие родители резко критикуют своих детей с более или менее постоянным сарказмом, оскорбляя или как-то обзывая их. «Если бы кто-нибудь вывернул тебя наизнанку, они бы почувствовали вонь, сочащуюся из каждой твоей поры», — говорил отец одной из пациенток *С. Форвард* своей дочери; он имел обыкновение часто говорить ей, как дурно от нее пахнет².

Регулярные словесные оскорбления идут рука об руку с нередким физическим избиением детей. Физическое оскорбление определяется

¹ *Susan Forward: Toxic Parents. Overcoming Their Hurtful Legacy and Reclaiming Your Life.* — New York: Bantam, 1990. — P. 16.

² *Ibid.* — P. 106–107.

федеральным законом США при наличии таких свидетельств, как «причинение физических повреждений, таких как кровоподтеки, ожоги, порезы, рубцы, переломы черепа и костей; они могут быть причинены путем удара, толчка, ножевого ранения, укола, битья, шлепанья и т. д.». Преследование физического наказания детей со стороны закона в Соединенных Штатах, как и в других странах, обычно возбуждается лишь в экстремальных случаях насилия со стороны родителей, и множество таких случаев никогда не привлекает внимания полиции. Дети, чьи родители безразличны к ним, могут получать побои, причем родители будут прибегать к этому, как к средству выражения собственных фрустраций. Хотя, конечно, есть еще и такие родители, которые твердо убеждены, что физическая дисциплина является необходимой частью внушения уважения к авторитету, а поэтому нередко следуют предписанию «не жалеть розг».

Наконец, существует родительское сексуальное посягательство — то явление, которое, как мы знаем, в различных его обликах оказывает определенное воздействие на существенную часть детей как женского, так и мужского пола. Мы сегодня приходим к пониманию инцеста не только как тайного желания, но и как реальности во многих семьях, причем во всех социальных классах. Даже если определять его совсем узко, исключая просто визуальное и вербальное сексуальное воздействие и включая только прямое стимулирование эрогенных зон тела, инцест распространен гораздо более широко, нежели обычно полагают при изучении семьи добропорядочные профессионалы и специалисты. Так, одно из исследований предполагает, что около 5 процентов всех детей в возрасте до восемнадцати лет испытывали в какие-то моменты те или иные приставания со стороны кого-то из родителей (не считая при этом приемных родителей)¹.

Если же принимать в расчет еще и других членов семьи, то уровень сексуальных посягательств может оказаться гораздо выше. Большинство из них, хотя и не все, совершаются мужчинами; в отличие от изнасилования сексуальное оскорбление детей не является исключительно мужским преступлением. Мальчики вроде бы почти столь же часто являются жертвами инцеста, как и девочки. Вероятно, наиболее часто обнаруживаемым типом является инцест отец–дочь, однако нельзя считать необычными и домогательства матерей в отношении своих сыновей.

¹ David Finkelhor et al. *The Dark Side of Families*. — Beverley Hills: Sage, 1983.

Токсичные родители: не ведем ли мы здесь речь о тех схемах, в соответствии с которыми многие родители в течение долгого времени ведут себя в отношении своих детей отравляющим образом, особенно если мы имеем в виду даже менее экстремальные и агрессивные формы оскорблений? В сущности, я думаю, что так оно и есть. Период, в течение которого размеры семьи уменьшались и дети становились все более «ценными» со стороны родителей, был таким временем, когда укоренялась идея, что дети должны повиноваться более старшим и более лучшим. И тем не менее даже при самом зарождении этой идеи она представляла собою понятие, готовое к тому, чтобы быть ниспровергнутым вследствие создания обширной сферы интимности, — и это была в значительной степени сугубо мужская доктрина, поддерживаемая правлением отца. Дисциплина, поддерживаемая отцом, привязывала ребенка к традиции, к конкретной интерпретации прошлого; авторитет в этой ситуации оставался в значительной мере просто догматическим утверждением, основанным во многих случаях на физическом наказании. Отчасти в результате эффекта «создания материнства» возникла более мягкая и более эгалитарная форма воспитания детей, в которой ребенку предоставлялось больше автономии. Сегодня устанавливается дальнейшая стадия такого перехода: перевод связей детей со своими родителями — равно как и с другими членами семьи — в такие связи, которые могут рассматриваться в современном смысле этого слова.

Рассмотрим некоторые из советов, которые Форвард дает тем, кто желает переработать отношения со своими токсичными родителями. Даже если это займет длительный период терапии, личность должна усвоить два отвергающих принципа: «Вы не несете ответственности за то, что делали с вами, пока вы были беззащитным ребенком!»; и «Вы *несете* ответственность за принятие позитивных шагов к тому, чтобы что-то сделать с этим теперь!» Как можно было бы достичь таких вещей? Индивиду рекомендуют прежде всего стремиться к приобретению определенной меры эмоциональной независимости от своих родителей. Он или она должны научиться скорее «отвечать», нежели просто автоматически «реагировать» на поведение родителей — даже в тех случаях, когда такое взаимодействие протекает скорее с воспоминаниями, нежели с живыми существами. Как часть этого процесса, терапевт советует, чтобы личность начинала в ответ на реальные или гипотетические родительские требования говорить «Я не могу», «Я не буду» — в качестве способа утверждения своей автономии. Впоследствии цель будет состоять в переоценке понятий, на которых базируется взаимодействие родитель-ребенок — таким образом, чтобы все стороны этого

взаимодействия могли, насколько это возможно, трактовать друг друга как равных друг другу. В таком случае «Я не могу» и «Я не буду» становятся не просто средством снятия блокирования, но договорным взглядом, с точки зрения которого индивид способен осуществлять выбор. Потому что «недостаток выбора прямо связан с запутыванием»¹.

В этом пункте мы можем сплести воедино несколько различных нитей, проходящих через всю эту главу. Проблема токсичных родителей позволяет прояснить взгляд на связи между рефлексивным проектом самости, чистыми отношениями и возникновением новых этических программ реструктурирования личностной жизни. Декларирование «эмоциональной независимости» от родителей — это средство одновременного начала реформирования изложения самости и утверждения о своих правах (что равным образом приводит и к разумному возложению на себя ответственности). Поведение индивида больше не организуется с позиций принудительного переутверждения рутины его детства. Существует прямая параллель с преодолением пагубных пристрастий, формируемых в более поздней жизни, которые сами обычно проистекают из привычек, установившихся на гораздо более ранней стадии.

Подоплека понимания токсичных родителей предотвращает индивида от развития изложения самости, понимаемого как «биографический расчет», с которым он или она чувствуют себя эмоционально комфортно. Одним из важных последствий этого является заниженная самооценка, которая обычно принимает форму бессознательного или неосознаваемого стыда; при этом даже в большей степени базовой является неспособность индивида подходить к другим взрослым как к эмоционально равным себе. Спасение от подоплеки токсичных родителей неотделимо от утверждения определенных этических принципов или прав. Индивиды, которые стремятся изменить свои отношения с родителями, оглядываясь на опыт своего детства, в действительности заявляют о своих правах. Дети имеют право не только на то, чтобы быть накормленными, одетыми и защищенными, но и эмоциональные права на то, чтобы иметь чувства, которые уважаются, и на то, чтобы их взгляды и чувства принимались во внимание. Короче говоря, характеристики любви-слияния, уместные для взрослых отношений, не в меньшей мере уместны для отношений между взрослыми и детьми.

---

¹ *Susan Forward. Toxic Parents. Overcoming Their Hurtful Legacy and Reclaiming Your Life.* — New York: Bantam, 1990. — P. 211.

Для тех людей, которые реально *являются* детьми, в особенности очень маленькими детьми, еще не способными вербально выразить свои потребности, утверждение своих прав носит противоречивый характер. Формулировка этих прав должна быть предложена взрослыми на уровне этических аргументов. Это наблюдение помогает пролить свет на проблему авторитета. По мере того как отношения родители–дети все более приближаются к чистым отношениям, могло бы показаться, что взгляды родителей не могут иметь примата над склонностями детей, в результате чего «вседозволенность» приводит к бунту. Либерализация личностной сферы не будет означать исчезновение авторитета; скорее коерсивная ¹ власть дает способ отношениям авторитарности, которые могут обороняться принципиальным образом.

Эту проблему я буду обсуждать в несколько большем объеме в заключительной главе.

---

¹ Коерсивный (от *coercive*) – принуждающий, подавляющий. – *Примеч. перев.*

Турбулентность личности, сексуальные расстройства

Уже отмечалось, что «во всей весьма обширной литературе о сексе и сексуальности не так уж много можно найти сведений о мужской сексуальности как таковой... Это выглядит так, как если бы она была настолько общепринятой частью повседневной жизни, что выглядит невидимой»¹.

Кто-то мог бы подумать, что это эксцентричное суждение высказано с позиции озабоченности *З. Фрейда* и многих его последователей мужским сексуальным опытом. И все же, если попытаться понимать это не с позиций сексуальной активности как таковой, а в связи с теми чувствами и конфликтами, которые возбуждает секс, то в этом наблюдении можно увидеть немало смысла.

Мужская сексуальность не являлась проблематичной в контексте «разделенных и неравных социальных обстоятельств», которые прева-лировали до недавнего времени. Их природа маскировалась целым рядом социальных воздействий, которые оказались подорванными или еще находятся в процессе этого. Они включают в себя следующие моменты:

- 1) господство мужчин в публичной сфере;
- 2) двойной стандарт;
- 3) ассоциированный (то есть разделяемый всеми членами общества — *примеч. перев.*) раскол женщин на чистых (состоящих в браке и пригодных для него) и нечистых (проституток, наложниц, колдуний и т. п.);
- 4) понимание половых различий как заданных Богом, природой или биологией;

---

¹ *Andy Metcalf*. Introduction to Andy Metcalf and Martin Humphries: The Sexuality of Men. — London: Pluto, 1985. — P. 1.

- 5) определение женских желаний и действий как темных или иррациональных;
- 6) половое разделение труда.

Чем больше исчезают эти существовавшие прежде социальные формы, — хотя они все еще и удерживаются, — тем больше мы должны ожидать возникновения затруднений с мужской сексуальностью, причем нередко носящих принудительный характер. Сексуальную принудительность мужчин можно понимать (на это мы указывали в предыдущей главе) как навязчивую, но хрупкую деятельность вне неких рутин, которые стали отделенными от своих прежних опор. Это формирует «одиссею», сравнимую с самой современностью, рассматриваемой, по меньшей мере, в области ее публичных институтов, — той самой, что касается контроля и эмоциональной дистанции, но которая усугублена потенциальным насилием.

Сексуальность и психоаналитическая теория: предварительные замечания

Открытие З. Фрейдом пластичной сексуальности, изложенное в его «Трех эссе», — это экстраординарное достижение, которое довольно сложным образом решает проблемы интерпретации мужского, равно как и женского, сексуального развития. Потому что это развитие, как описывает его Фрейд, основывается на «естественной» последовательности, в которой эротическая энергия направляется на специфические объекты в окружении ребенка. Если мы сделаем акцент на пластичной сексуальности и спросим, почему девочки должны скорее завидовать мальчикам, нежели воспринимать свой пол как нечто само собой разумеющейся предмет зависти, основанный на данном физическом качестве, то мы можем начать реконструировать источники «мужественности» несколько иным способом, чем это делает сам Фрейд.

Эдипов переход, краеугольный камень зрелого фрейдовского анализа психосексуального развития, не возникает значимым образом на страницах его «Трех эссе». Когда эта работа была написана, теория эдипова комплекса еще только формулировалась в рудиментарной форме. Поэтому идеи о том, что сексуальность не является внутренне присутствующим объектом и что мужская и женская сексуальность функционально эквивалентны, уступили место предположению о маскулинности и мужской сексуальности как норме (хотя Фрейд позднее модифицировал аргументы «Трех эссе» в свете развития последующих своих взглядов). Мальчики обладают определенным преимуществом в том, что их

гениталии более доступно локализованы как источник эротической стимуляции. Сексуальное развитие — это угрожающее событие как для мальчиков, так и для девочек: будучи отчетливо видимым, пенис является также уязвимым местом, и соперничество мальчика со своим отцом становится основой крайне напряженной смеси утраты и достижения автономии. Однако маленькая девочка депривирована в более глубоком смысле вследствие того, что ее видимая неадекватность является внутренне присущим качеством ее существования. Она с самого начала лишена права обладания, потому что рождена «кастрированной»; ее гетеросексуальность приобретает лишь вторичным путем, поскольку она узнает, что никогда не будет обладать матерью, потому что у нее отсутствует пенис. Это не самая прямая дорога к женственности.

Задавая выдающуюся роль своего представления о зависти к пенису, работы Фрейда вряд ли могут служить источником вдохновения для феминистских авторов. Фактически столкновение между фрейдизмом и психоанализом проявило себя в качестве источника важных и оригинальных вкладов в психологическую и социальную теорию¹.

Однако главное разделение развивалось между работами авторов — таких как *Юлия Кристева*, *Люси Айригерей*, — испытавших на себе влияние *Жака Лакана* и взглядов пост-структурализма, а также тех авторов — таких как *Ненси Ходороу*, *Дороти Диннерштейн* или *Керол Джиллиген*, — которые находились в большей степени под влиянием школы объектных отношений. В каком-то смысле различия между этими точками зрения глубокие, а в каком-то ими можно и пренебречь. Менее важным фактором является тот, который на поверхности вещей выглядит наиболее значительным: влияние пост-структурализма.

Я надеюсь, что читатель, незнакомый с этими материями, простит мне то прегрешение, что в следующих двух или трех параграфах будет применяться более требовательный словарь, нежели тот, которым я стремился пользоваться в остальных частях текста. В соответствии с пост-структуралистскими воззрениями ничто не имеет сущности; все структурировано в мобильной игре сигнифайеров².

¹ Одно из лучших обсуждений этой темы см. в Teresa Brennan: *Between Feminism and Psychoanalysis*. — London: Routledge, 1989.

² *Signifier*. Здесь нам представляется уместным процитировать «Пингвиновский словарь по социологии»: «Отправная точка семиотики — это различие между сигнифайером [*signifier* — тот, кто передает значимое послание], обозначаемым [*signified* — то, что обозначается] и знаком. Сигнифайером может быть физический объект, слово или какого-то рода картина. Обозначаемое — это мысленное понятие, показываемое сигнифайером. Знак — это связь между сигнифайером и обозначаемым». [*The Penguin Dictionary of Sociology*, p. 218]. — *Примеч. перев.*

Будучи преломленной через феминистские дебаты по поводу использования Фрейда, эта точка зрения становится выражением критики «эссенциализма». (Эссенциализм (*essentialism*) — точка зрения, что философия или наука способны достичь абсолютной истины и представить ее в виде неких сущностных (от *essence* — сущность) свойств исследуемых объектов. Сегодня этому понятию чаще придается негативный оттенок, поскольку акцент делается на временной или условной природе знания — *примеч. перев.*).

Если определять значения негативно, через то, чем они не являются, тогда «сексуальная идентичность» и «самоидентичность» — это в более общем виде неправильные употребления терминов: они подразумевают ложное единство. Такой взгляд находит дальнейшую поддержку в утверждении Лакана о «расщеплении»: субъект демонстрирует себя лишь через ложное осознание.

Критика «эссенциализма», по моему мнению, в любом случае базируется на неуместном использовании теории языка¹.

Значение, конечно, определяется через различие — но не в бесконечной игре сигнификаторов, а в прагматическом контексте использования.

Не существует абсолютно никаких причин, по которым на уровне логики признание контекстно-зависимой природы языка могло бы аннулировать целостность идентичности. Вопрос «эссенциализма» сбивает с толку, сохраняясь как эмпирический вопрос о том, насколько незначительной или фрагментарной является самоидентичность и насколько далеко простираются врожденные качества, с помощью которых стремятся дифференцировать мужчину и женщину.

Более последовательным является статус тезиса Лакана, присвоенный, по меньшей мере, некоторыми из феминистских авторов, о том, что женщины специфическим образом исключены из области символического языка как такового. Например, в соответствии с Айригерей, какой бы ни была ее критика Лакана, не существует экономии обозначений (в оригинале — *signifying economy* — *примеч. перев.*) для женственного: женственность — это «дыра» в двойном смысле.

Однако эта позиция является артефактом связи тезисов Лакана между символическим и «законом отца», который не имеет основательных причин для того, чтобы принять его. Более правдоподобно было бы предположить — в соответствии с *Н. Ходороу*, — что «мужской язык», постольку, поскольку он существует, стремится быть более инструмен-

¹ *Anthony Giddens. Structuralism, post-structuralism and the production of culture, in Anthony Giddens and Jonathan Turner: Social Theory Today. — Cambridge: Polity, 1987.*

тальным и теоретическим, нежели язык женщин, но этот «мужской язык», будучи в некоторых отношениях ключевым, в такой же мере выражает депривацию, как и господство. Я буду опираться скорее на подход объектных отношений, нежели на подход Лакана. Тем не менее некоторые из акцентов феминистской теории последнего нужно выносить в голову — особенно его настойчивые утверждения относительно фрагментарного и противоречивого характера сексуальной идентичности. Если отбросить в сторону пост-структуралистскую линзу, не существует причин, по которым эти акценты не могут поддерживаться в перспективе объектных отношений.

Психологическое развитие и мужская сексуальность

Следуя *Н. Ходороу*, можно утверждать, что в первые годы жизни — особенно в современном обществе и, возможно, *только* в современном обществе — влияние матери превосходит влияние отца и других воспитателей¹.

Раннее восприятие матери, переживаемое ребенком, реально противостоит имиджу кастрата и импотента; маленький мальчик или девочка на подсознательном уровне видят мать всемогущей. В таком случае раннее ощущение самоидентичности вместе с потенциалом интимности развивается прежде всего через всепроникающе важную женскую фигуру. Чтобы достичь консолидированного чувства независимости, все дети должны в какой-то момент начинать освобождаться от этого влияния матери, а потому — отрываться от ее любви. Следовательно, это окольный путь скорее к мужественности, нежели к женственности. Истоки мужской самоидентичности связаны с глубоким чувством неуверенности, ощущением утраты, которое с этого времени часто посещает неосознанные воспоминания индивида. Базовое доверие, самый источник онтологической безопасности, носит изначально компромиссный характер, поскольку мальчик удален из мира мужчин той самой личностью, которая, как он считал, была самой любимой для него в мире взрослых.

С этой точки зрения, для обоих полов фаллос, этот воображаемый представитель пениса, извлекает свое значение из фантазии о господстве женщины².

¹ *Nancy Chodorow*. The Reproduction of Mothering. — Berkley: University of California Press, 1978.

² *Janine Chasseguet-Smirgel*. Freud and female sexuality, International Journal of Psychoanalysis, vol. 57, 1976.

Он символизирует отделение, но также революцию и свободу. В фазе, предшествующей эдипову переходу, фаллическое могущество приходит в большей степени из разделения сфер авторитета матери и отца, нежели из явного превосходства мужчины как такового. Фаллос представляет свободу от преобладающей зависимости от матери, способности оторваться от ее любви и внимания; это ключевой символ ранних детских поисков независимой самоидентичности. Зависть к пенису — это реальный феномен, который, по утверждению *Джессики Бенжамин*, представляет желание маленьких детей — и мальчиков, и девочек — идентифицировать себя с отцом как с первичным представителем внешнего мира¹.

Эдипова фаза, когда она наступает, подтверждает отделение мальчика от матери, но предлагает в качестве вознаграждения большую свободу или хотя бы желание ее, которое не является вполне тем же самым. Поэтому маскулинность носит энергетический характер, энергия мальчика все же прикрывает первичную потерю.

Чем больше продвинута трансформация интимности на институциональном уровне, тем в большей степени эдипов переход имеет тенденцию быть связанным с «восстановлением дружественных связей» — способностью родителей и детей взаимодействовать на основе понимания прав и эмоций другого. Вопрос об «отсутствующем отце», впервые поставленный Франкфуртской школой и группами мужских активистов, может рассматриваться здесь скорее в позитивном, нежели негативном свете. Будучи в меньшей степени специфически дисциплинирующей фигурой, поскольку в любом случае ранние дисциплинирующие усилия предпринимаются матерью, отец (или идеализированная фигура отца) стал, по выражению *Ханса Леовальда*, более «благородным»².

Мы обнаруживаем здесь вторжение стыда в развитие мужской психики, хотя вина, в сравнении с девочками, все еще занимает видное место. Здесь не так много опасности идентификации с отчетливо карательной фигурой, как отрицания оборонительной функции воспитания.

Поэтому маскулинное чувство самоидентификации постепенно выходит на первое место в обстоятельствах, в которых побуждение к самодостаточности соединяется с потенциально деформирующей эмоциональной помехой. Должно разрабатываться изложение самоидентичности, которое описывает боль от раннего лишения материнской любви.

¹ *Jessica Benjamin*. The Bonds of Love. — London: Virago, 1990.

² *Hans Leowald*. Waning of the Oedipus complex, in *Papers on Psychoanalysis*. — New Haven: Yale University Press, 1983.

Несомненно, элементы всего этого более или менее универсальны, но что представляется важным в нынешнем контексте, так это особенно напряженные последствия для мужской сексуальности в ситуации, где материнская любовь, — если ее вообще получают в действительности, — является одновременно все более важной и отказываемой. Пенис — это фаллос, да, но сегодня, в обстоятельствах, когда сохранение фаллической власти становится все более сосредоточенным на пенисе или, скорее, на генитальной сексуальности как ее главном выражении.

Такое понимание маскулинности в современных обществах помогает прояснить типичные формы мужской сексуальной принудительности. Многие мужчины побуждаются, посредством своего испытующего взгляда на женщин, к поискам того, чего им не хватает в них самих, — и это такая нехватка, которая может выражать себя в открытой ярости и насилии. В терапевтической литературе становится общим местом, что мужчины имеют тенденцию к «неспособности выразить чувства» или «неумению справляться» с собственными эмоциями. Но это слишком грубо. Вместо этого мы бы сказали, что многие мужчины неспособны сконструировать изложение себя, что позволяет им приходиться к согласию с демократизированной и преобразованной сферой личной жизни.

Мужская сексуальность, принудительность, порнография

Хрупкая природа мужской сексуальности в условиях современного общества хорошо отражена в современных терапевтических клинических случаях. *Хизер Формани* отмечает, что «чем бы ни была мужская сексуальность, она всегда представляет собою опасность для мужчин», и материалы примеров, которые она обсуждает, дают обильное подтверждение этому наблюдению¹.

В сравнении с женщинами большее число мужчин стремятся быть непрерывно сексуальными; тем не менее они также отделяют свою сексуальную активность от тех частей своей жизни, в которых могут найти стабильность и целостность².

Принудительный характер побуждений к эпизодической сексуальности становится сильнее в той степени, в какой женщины ограничивают и отвергают свою скрытую сопричастность со скрытой эмоциональной зависимостью мужчины. Романтическая любовь, как я пытался

¹ *Heather Formani*. Men. The Darker Continen. — London: Mandarin, 1991. — P. 13.

² *Cf. Michael Ross*. The Married Homosexual Man. — London: Routledge, 1983.

показать, всегда несла в себе протест против такой сопричастности, хотя она каким-то образом помогала поддерживать ее. Чем больше женщины понуждают к этике любви-слияния, тем более беззащитной становится эмоциональная зависимость мужчины; но для многих мужчин бывает труднее иметь дело с моральной обнаженностью, которую это подразумевает. В той степени, в какой фаллос действительно становится пенисом, мужская сексуальность со все большей вероятностью будет разрываться между утверждением сексуального господства, включая применение насилия, с одной стороны, и постоянными тревогами по поводу потенции — с другой (которые, вероятно, будут всплывать на поверхность наиболее часто в связях определенной длительности, где сексуальное свершение не может быть изолировано от разного рода эмоциональной вовлеченности).

Мужские тревоги по поводу своей сексуальности были в значительной степени скрыты от взгляда настолько долго, насколько имели место различные социальные условия, которые покровительствовали ей. Если способности и потребности женщины в сексуальном выражении тщательно удерживались под покровом до двадцатого века, столь же долго она также была конкурентом, травмирующим мужчину. Анализ писем мужчин к *Мэри Стоупс*, проделанный *Лесли Холлом*, иллюстрирует это настроение беспокойства и отчаяния, которое настолько, насколько это может быть, далеко от имиджа беззаботного развратника или пылкой, распущенной сексуальности¹.

Импотенция, ночные эмоции, преждевременные эякуляции, беспокойства относительно размеров и функционирования пениса — эти и другие тревоги вновь и вновь возникают в этих письмах. Многие из мужчин, которые вступали в контакт со Стоупс, усердно старались подчеркнуть, что они не слабаки, а «большие и сильные мужчины», «выше среднего уровня развития», «хорошо сложенные, атлетичные, физически очень сильные» и так далее.

Беспокойство, основанное на недостатке знаний о сексе, — это постоянная тема, как и хронические чувства собственной неполноценности и смущения. Неспособность генерировать в партнере сексуальную отзывчивость является предметом постоянных жалоб, но это же и не дает мужчине испытать наслаждение. Как это выразил один из индивидов, «ни один из нас не чувствовал себя когда-либо в настолько тесном объятии, насколько оно должно быть таким, как подсказывают инстинкт и разум»².

¹ *Lesley A. Hall*. Hidden Anxieties. Male Sexuality, 1900–1950. — Cambridge: Polity, 1991.

² *Ibid.* — P. 121.

Большинство сексуальных расстройств корреспондентов Стоупс сосредоточивалось или на сексуальных неудачах, или на тревогах относительно собственной нормальности; неудачи в «маскулинности» переживались скорее как угроза ценным отношениям, нежели в абстрактном виде.

Хотя я не претендую на детальное обсуждение таких проблем, предшествующий анализ помогает придать смысл и определенным характеристикам массовой порнографии, и важным аспектам мужского сексуального насилия. Порнография могла бы быть расценена как коммерциализация секса, но это было бы весьма частичным взглядом. Нынешний взрыв порнографии, значительная часть которого направлена на мужчин и по большей части потребляется ими, проходит параллельно преобладающей концентрации на низкоэмоциональном и высокоинтенсивном тексте. Гетеросексуальная порнография отображает навязчивый интерес к стандартизированным сценам и позам, в которых недвусмысленным образом повторяется соучастие женщин, которое в реальном мире, по сути дела, исчезает¹.

Образы женщин в мягких порнографических журналах нормализованы как объекты желания путем помещения в ортодоксальную рекламу. Несексуальные истории и темы новостей могут являться объектами желания, но никогда — любви. Они возбуждают и стимулируют и, конечно же, носят сущностно эпизодический характер.

Сопричастность женщины обычно изображается в стилизованной манере. «Респектабельность» мягкой порнографии — это важная часть ее привлекательности, подразумевающая, что женщины являются объектами, но не субъектами сексуального желания. В визуальном содержании порнографических журналов женская сексуальность нейтрализована и угроза интимности устранена. Взгляд женщины обычно обращен на читателя: это фактически одна из условностей, наблюдаемых в представлении такого имиджа. Мужчина, который не обращает внимания на этот взгляд, должен по определению господствовать; пенис здесь опять становится фаллосом, высшей властью, которую мужчины могут осуществлять над женщиной. Некоторые порнографические журналы содержат колонки, в которых обсуждаются сексуальные проблемы читателей и даются ответы на них. Но основная масса писем в таких периодических изданиях совершенно отлична от тех, которые собраны *Мэри Стоупс*. В противоположность проблемно-ориентированным

¹ *Andy Moyer. Pornography, in Andy Metcalf: Introduction to Andy Metcalf and Martin Humphries: The Sexuality of Men. — London: Pluto, 1985.*

письмам они проявляют внимание к документированию доблести; они опять же подробно излагают отдельные эпизоды.

В этих эпизодах повторяется один мотив. Это сексуальное наслаждение, испытываемое фактически не мужчиной, а женщиной, причем обычно представленное в очень конкретной форме. Это рассказы женщин, испытывающих экстаз в своей сексуальности, но всегда под воздействием фаллоса. Женщины всхлипывают, задыхаются и трепещут, но мужчины сохраняют молчание, дирижируя протекающими событиями. Выражение женского наслаждения детализировано с вниманием, выходящим далеко за пределы того, что предлагается в качестве описания мужских переживаний. Восторг женщин никогда не подвергается сомнению; тем не менее смысл этих рассказов не поддается пониманию или проникновению в природу женского сексуального наслаждения, от этого скорее отмахиваются¹.

События описываются с точки зрения реакций женщины, однако таким образом, чтобы показать женское желание как эпизодическую часть желания мужчины. Так мужчины могут узнавать, чего хотят женщины и как управляться с желанием женщин на их собственных условиях.

Порнография без труда становится аддиктивной благодаря своему замещающему характеру. Женское соучастие гарантировано, но порнографическое представление не может сдерживать противоречивых элементов мужской сексуальности. Сексуальное наслаждение, которое демонстрирует женщина, подобно прикрепленному ярлыку с указанием цены — потому что существо, которое дает свидетельство такого неистовства, можно рассматривать также как насаждающее требования, которые подлежат исполнению. Неудача не выставляется открыто, а таится как неустановленная предпосылка желания; гнев, стыд и страх женщин, безошибочно перемешанные с посвященным этим историям, также выдают себя. Массовую привлекательность мягкой порнографии, вероятно, объясняют скорее ее нормализующие эффекты, нежели тот факт, что более эксплицитные порнографические материалы не могут быть столь же легко доступны коммерчески. Жесткая порнография, во всяком случае, в некоторых из многих ее версий, могла бы быть более угрожающей, пусть даже могло бы показаться, что ее эксплицитность наиболее полно доставляет удовольствие мужскому «поиску». Здесь власть больше не ограничивается «согласием управляемых» —

---

¹ *Andy Moye. Pornography, in Andy Metcalf: Introduction to Andy Metcalf and Martin Humphries: The Sexuality of Men. — London: Pluto, 1985. — P. 68–69.*

соучаствующим взглядом женщин, — но выступает гораздо более открыто, прямо и насаждается принудительно. Конечно, в том и состоит ее привлекательность для некоторых. Все же жесткая порнография действует в открытых границах фаллической сексуальности, обнаруживая, с другой стороны, угрозы пластической сексуальности.

Мужское сексуальное насилие

Сила и насилие являются частью порядка господства. В ортодоксальной области политики это вопрос о том, насколько далеко простирается такая гегемония власти, что к насилию прибегают лишь тогда, когда легитимный порядок терпит крушение, или насколько альтернативно насилие выражает реальную природу государственной власти. Подобная дискуссия возникает в литературе, относящейся к порнографии и сексуальному насилию. Некоторые утверждали, что рост жесткой порнографии, особенно такой, где прямо представлено насилие, изображает внутреннюю истину мужской сексуальности в целом¹.

Предполагалось далее, что насилие, направленное против женщин, в особенности изнасилование, — это главная опора мужского контроля над ними².

Изнасилование показывает реальность правила фаллоса.

Представляется ясным, что существует не резкий переход, а скорее некий континуум между мужским насилием применительно к женщине и другими формами запугивания и внушения тревоги. Изнасилование, избиение и даже убийство женщин часто содержат те же самые сердцевинные элементы, что и ненасильственные гетеросексуальные сношения, — подчинение и завоевание сексуального объекта³.

Не является ли в таком случае порнография теорией, а изнасилование практикой, как заявляли некоторые? При ответе на этот вопрос важно определить, является ли сексуальное насилие частью длительного подавления женщин мужчинами, или же оно соотносится с изменениями, обсуждаемыми в этой книге.

Импульс к подчинению и унижению женщин, как указывает предшествующее обсуждение маскулинной сексуальности, это, вероятно, родовой аспект мужской психологии. Тем не менее можно утверждать (хотя такой взгляд является, конечно, спорным), что контроль мужчин

¹ *Andrea Dworkin*. *Pornography: Men Possessing Women*. — London: Women's Press, 1981.

² *Susan Griffin*. *Rape: the all-American crime*, *Ramparts*, vol. 10, 1973; *Susan Brownmiller*. *Against Our Will*. — London: Penguin, 1977.

³ *Liz Kelly*. *Surviving Sexual Violence*. — Cambridge: Polity, 1988.

над женщинами в пре-модернистских культурах не зависел первично от практики насилия против них. Он обеспечивался, помимо всего прочего, через «право собственности» на женщину, которое характерным образом удерживали мужчины вкупе с принципами в других различных сферах. Женщины чаще подвергались мужскому насилию, особенно в пределах домашнего хозяйства; однако равным образом важно и то, что здесь они были защищены от публичных сфер, где мужчины подвергали насилию друг друга. Вот почему в пре-модернистском развитии Европы изнасилование процветало «главным образом в маргинальных областях, на фронтах¹, в колониях, в состоянии войны, среди мародерствующих и оккупационных армий»².

Этот перечень сам по себе является огромным и достаточно ужасающим. Тем не менее в этих обстоятельствах насилие редко было направлено специально на женщин: в этих «маргинальных областях» было отчетливо выражено насилие в общем, и изнасилование было одним из видов такого рода деятельности среди других форм жестокости и кровопролития, первично включавших в себя мужчин в качестве и разрушителей, и жертв разрушения. Характеристикой таких маргинальных ситуаций был тот факт, что женщины не могли ни отделиться от мужских доменов, как в обычных, нормальных случаях, ни получить защиту своей безопасности от мужчин.

В модернистских обществах все выглядит весьма по-иному. Женщины гораздо чаще, чем когда-либо прежде, живут и работают в анонимной публичной обстановке, а «раздельные и неравные» перегородки, которые раньше разделяли полы, существенным образом рухнули. В настоящее время имеет гораздо больше смысла, нежели раньше, предполагать, что мужское сексуальное насилие стало базисом сексуального контроля. Другими словами, значительная часть мужского сексуального насилия теперь происходит скорее из отсутствия безопасности и неадекватности, нежели из общего продолжения мужского господства. Насилие — это деструктивная реакция на уменьшение женского соучастия.

Избавленные от условий войны, мужчины сегодня, возможно, более проявляют насильственное поведение в отношении женщин, нежели в отношении друг друга. Существуют многие типы мужского сексуаль-

¹ Фронтир (*frontier*) — граница продвижения первооселенцев в США. В переносном смысле — область, занимаемая первопроходцами, где еще не утвердилось влияние государства и его законы. — *Примеч. перев.*

² Roy Porter. Does rape have an historical meaning?, in Sylvana Tomaselli and Roy Porter: *Rape*. — Oxford: Blackwell, 1986. — P. 235.

ного насилия, но по меньшей мере некоторые из них имеют последствия, отмеченные выше: они делают сексуальность эпизодической. Это могло бы считаться принципиальной характеристикой (хотя, конечно, не только это), которая связывает такое насилие с порнографией. Если все так, то отсюда следует, что порнографическая литература, или добрая часть ее, является частью гегемонистской системы господства, где сексуальное насилие выступает скорее вторичной поддержкой, нежели образцом фаллической власти.

Конечно, было бы абсурдным заявлять, что существует единая норма маскулинности, и было бы ложным предполагать, что все мужчины сопротивляются натиску изменений. Более того, сексуальное насилие не ограничивается деятельностью мужчин. Женщины весьма часто применяют физическое насилие к мужчинам в домашних условиях; насилие представляется не часто встречающейся чертой лесбийских отношений, во всяком случае в некоторых контекстах. Исследования женского сексуального насилия в Соединенных Штатах описывают случаи лесбийских изнасилований, физического избиения и угроз с применением пистолетов, ножей и другого смертоносного оружия¹.

Большинство мужчин, которые писали Мэри Стоупс, заботились о разрешении своих сексуальных проблем, для того чтобы повысить удовлетворенность своих партнерш. Многие из мужчин, наносящих регулярные визиты проституткам, желают играть пассивную, а не активную роль, независимо от того, включает ли это в себя реальную мазохистскую практику. Некоторые мужчины-геи находят для себя величайшее наслаждение в покорности, но многие способны также к выполнению роли покорителя. Они в большей степени, чем многие гетеросексуалы, преуспели в изоляции дифференциальной власти и отграничении ее от арены сексуальности как таковой. «Существуют фантазии, — как выражает это один мужчина-гей, — которые заманивают нас в ловушку, и фантазии, которые освобождают нас... Сексуальные фантазии, когда они используются сознательно, могут создавать контрпорядок, что-то вроде ниспровержения и маленького пространства, где мы можем найти убежище, особенно когда они отменяют все эти чистенькие и подавляющие различия между активными и пассивными, маскулинными и феминными, господствующими и подчиняемыми»².

¹ *Karay Lobel. Naming the Violence.* — Seattle: Seal, 1986.

² Цит. по: *Lynne Segal. Slow Motion.* — London: Virago, 1990. — P. 262.

Женская сексуальность: проблема комплементарности¹

Если бы мы принимали тот принцип, что каждый пол есть то, чем другой не является, то было бы очень простым делом провести различие между мужской и женской сексуальностью. На деле все обстоит не так ясно, поскольку все дети разделяют общие сходства в психосексуальной эволюции, в особенности в ранние периоды своей жизни. З. Фрейд, какими бы ограниченными ни казались его идеи с современной точки зрения, был первым, кто сделал это очевидным. Маленькие девочки имеют такие же эротические истории, что и маленькие мальчики, хотя, по Фрейду, причина состоит в том, что их ранняя сексуальность, как он утверждал, «имеет всецело маскулинный характер»².

Различия вторгаются, когда оба пола осознают, что маленькая девочка чего-то лишена; каждый из них начинает думать, что она была кастрирована.

С точки зрения Фрейда, говоря психологически, существует лишь один генитальный орган — тот, которым обладает мужчина. Хотя гениталии девочки вначале безразличны для мальчика — до тех пор, пока не выдумана угроза кастрации, — она быстро начинает понимать, что ей не хватает пениса, и она хочет иметь его. Даже на стадии эдипова комплекса переживания девочки не являются прямо комплементарными переживаниям мальчика. Поскольку, как утверждает Фрейд, «только в детях мужского пола происходит роковое соединение любви к одному из родителей с ненавистью к другому как сопернику»³.

Девочка отворачивается от матери и стыдится отсутствия у нее пениса, хотя она не может таким же образом идентифицировать себя с отцом или перенести на него свою агрессию.

В своих «изменениях» Фрейда авторы, писавшие с такой же точки зрения, вводят большую комплементарность, нежели предполагалось в оригинальной фрейдистской позиции. В соответствии с ними девочка сохраняет те черты психосексуального развития, от которых мальчик отказался; мальчик же развивает такие характеристики и инструментальные attitudes к миру, которыми девочка не обладает или которые вырабатываются у нее лишь в слабой степени. Отношение матери к маль-

¹ *Complementarity* — взаимодополнительность, добавочность; не следует путать ее с комплиментарностью (от *compliment* — выражение восхищения) (*Примеч. перев.*).

² *Sigmund Freud. Three Essays on the Theory of Sexuality, Standard Edition.* — London: Hogarth, 1953.

³ *Ibid.*

чику с самого начала отличается от того, которое складывается у нее к девочке. Она обращается с ним как с более особым существом, нежели с девочкой, которую любят в более «нарциссической» манере¹.

От этого каждый пол что-то приобретает и что-то теряет, хотя мальчики теряют больше. Девочки обладают более сильным ощущением своей гендерной идентичности, но более слабым ощущением автономии и индивидуальности; мальчики в большей степени способны к независимым действиям, хотя эмоциональная цена, которую они платят за эту способность, довольно высока.

Продолжая обсуждение введенных ранее тем, позвольте мне модифицировать и историзировать эту интерпретацию и попытаться показать, почему следует избегать чрезмерного акцента на комплементарности. Изобретение материнства создает ситуацию, в которой в глазах и маленькой девочки, и маленького мальчика мать воспринимается как более всемогущее, равно как и вселюбящее² существо, нежели это представлялось детям в прежних поколениях.

Однако эта власть и любовь ассоциируются также с большим уважением к автономии ребенка, даже в очень ранние периоды жизни, нежели это было типично прежде (хотя имеется немало эмпирических примеров, когда в таком уважении ребенку в значительной степени отказывают).

Разрыв с матерью для мальчика имеет своим следствием то, что зависимость от женщины становится замаскированной и на бессознательном, а часто и на сознательном уровне отвергается; становится трудно в более поздней жизни интегрировать сексуальность в рефлексивное изложение самости. То, что мужчины стремятся подавить, это, повторяем, не способность к любви, а эмоциональная автономия, столь важная для поддержания интимности. Девочки имеют больше возможностей для достижения такой автономии, которая в большей степени зависит от коммуникации, нежели от склонности к выражению эмоций как таковых. Подобная коммуникативная изобретательность должна расцениваться как дело компетентности, точно так же, как «инструментальная компетентность», которую склонны развивать у себя мужчины.

Доверие мужчин к женщинам в выполнении работы интимности выражается не только в сфере сексуальности, но также и дружбы.

¹ George Stambolian. *Male Fantasies / Gay Realities*. — New York: Sea Horse, 1984. — P. 159–160.

² В оригинале — all-loving — *Примеч. перев.*

Существуют определенные организации, такие, скажем, как клубы или спортивные команды, которые, вследствие их всецело мужского характера, создают ситуации, где может развиваться и консолидироваться мужское братство. И все же братство — узы, возникающие из совместного и исключительно мужского опыта, — это не то же самое, что дружба, рассматриваемая с точки зрения характеристик чистых отношений. Углубленное исследование двух сотен мужчин и женщин в Соединенных Штатах показало, что две трети интервьюируемых мужчин не смогли назвать близкого друга. У тех, кто смог это сделать, другом с наибольшей степенью вероятности оказывалась женщина. Три четверти женщин в исследовании смогли легко назвать одного или более друзей, и для них это фактически всегда была женщина. Замужние, равно как и одинокие женщины, называли своими лучшими друзьями женщин¹.

Осознание власти фаллоса является шоком для девочек и мальчиков — потому что сама эта осведомленность, которую они развивают, несет в себе угрозу, если не вообще ниспровергающее открытие. В случае мальчика область сексуальности, фаллоса, становится сигнифайером амбивалентной способности господства над женщинами.

Однако чем более фаллос становится пенисом, тем более он должен подвергаться «проверке» в эпизодических сношениях, комбинирующих в себе риск и наслаждение. Эта ситуация здесь в большей степени, нежели комплементарность, является одним из распространенных расстройств и включает в себя противоречивые элементы в случае и мальчиков, и девочек. Фрустрация желания девочек стать такими, как отец, острая, хотя она не обязательно отделяет личность в характеристике поведения мальчиков. Можно понять, почему отчаяние по отношению к мужчинам, изменяющееся с идеализацией их, должно становиться столь запутанным в сознании девочки. Отец символизирует разделение и «влияние» на мир; тем не менее он также и недосягаем. Способность девочки любить сплавляется с непреодолимым желанием, чтобы ее любили и заботились о ней.

Есть ли какой-то смысл в том, что покорность является особенной чертой женского психосексуального развития как стереотип, которым она могла бы обладать? Я не думаю, чтобы это было так. Для мальчиков и девочек схожие импульсы к покорности и стремлению подчинять себе становятся взаимосвязанными, и желание испытывать на себе господство становится мощным осадком подавляющей осведомленности

---

¹ *Lilian Rubin. Intimate Strangers. — New York: Harper and Row, 1983; см. также Stuart Miller. Men and Friendship. — London: Gateway, 1983.*

о раннем влиянии матери. Оба пола развивают способность к заботе, хотя это принимает характерно расходящиеся формы. Если мальчик не становится совершенно психологически отчужденным от своей матери во время младенчества или после него, он сохраняет способность и желание заботиться о другом; но такая забота обычно приобретает «инструментальный» характер. Воспитание в смысле эмоциональной поддержки гораздо более соответствует способностям, развиваемым маленькой девочкой. Однако даже здесь было бы ошибочным предполагать, что способности одного пола просто взаимодополняют способности другого, поскольку каждый развивается в противоречии.

«Отсутствующий отец», отец, который ведет лишь призрачное существование на протяжении раннего периода воспитания ребенка, имеет особое значение для маленькой девочки. Он может идеализироваться вследствие своей удаленности, но он является также опасным — эта атмосфера угрозы часто становится частью самой его привлекательности. Меньше появляясь в центре жизни ребенка, нежели мать, он также и менее восприимчив к ее коммуникативным умениям. Он должен быть «обращен», завоеван и тем не менее также и отдален и, как это представляется на подсознательном уровне, недостижим. Если требуется достичь автономии, то его неподатливые качества должны быть поставлены под контроль; парадокс состоит в том, что если бы он был полностью завоеван, то маленькая девочка осознала бы: что-то идет не так; потому что он завоевывает ее уважение не как сексуальный обладатель ее матери, но благодаря самому поддержанию своей «отделенности».

Гнев, равно как и желание любви, питает эпизодическую сексуальность мужчин; очень часто это является основой мазохизма и желания подчиняться — синдрома, связанного со стыдом. Однако гнев и стыд формируют также характеристики воспитания женщин. Маленькая девочка любит свою мать, но равным образом и негодует на нее: в дистанцировании себя от нее, через идентификацию со своим отцом она переносит свое негодование и на него. Хотя и идеализируемый, он не может компенсировать того, чем она должна пожертвовать в своем стремлении склонить его на свою сторону. Сама его отдаленность в сравнении с близостью к ее матери, которой ребенок наслаждался, еще сильнее продвигает такую амбивалентность. Мужчинам нельзя доверять; они всегда подводят вас.

Чтобы полнее понять связь между стыдом и психосексуальным развитием, мы можем вернуться к фрейдистской интерпретации женственности, где она тесно связывается с нарциссизмом. Согласно *З. Фрейд*,

в женских телах заложен нарциссизм, которого мужчины в значительной степени лишены, и это результат реакции девочки на факт ее «кастрации». Маленькая девочка предается мастурбации и проявляет неадекватно выраженный интерес к своему клитору. Ее эротизм становится скорее разбросанным, нежели сконцентрированным на первичном органе наслаждения. Она видит себя только в отражении мужского желания. Следовательно, потребность женщины, по словам Фрейда, «лежит не в направлении влюбленности», а скорее в том, чтобы «быть любимой»; «мужчина, который выполняет это условие, становится тем, кто встречает ее благосклонность»¹.

Женщины нуждаются не в том, чтобы ими восхищались, а в том, чтобы им говорили, что их понимают и ценят. Будучи лишеными нарциссистского подтверждения в раннем периоде своей жизни, женщины после этого находят безопасность лишь в зеркале любви, которое обеспечивает им поклонение со стороны другого. Нет нужды говорить, что мужчины настолько подвержены тому, чтобы выполнять эти требования, насколько они склонны откликаться на женский эротизм. Следовательно, жалобы женщин, которые столь часто приходится слышать, на неуклюжесть их партнеров-мужчин, не содержат реального понимания того, что им приносит удовлетворение и так далее².

Выводы, которые извлекает отсюда Фрейд, конечно, в какой-то степени корректны, но нельзя сказать того же об аргументах, которые он разворачивает для того, чтобы достичь их. Две отдельные проблемы, поднятые этими аргументами: женская сексуальность и эротизирование тела, с одной стороны, желание уверения в том, что она любима, — с другой. Мы можем предположить, что фактически оба пола, когда происходит разрыв с матерью, нуждаются в подтверждении того, что они все еще любимы. Однако потребность в любви у мальчика, в противоположность фрейдистскому взгляду, больше или настоятельнее, нежели у девочки, в значительной степени благодаря тому, что она глубже запрятана. Подтверждение у мальчика исходит из правила фаллоса (оценка социального статуса и власти) и, в области самого сексуального поведения, из эпизодической сексуальности. Такая сексуальность отвергает саму эмоциональную зависимость, которая подпитывает ее.

Фрейдистская интерпретация женской сексуальности произвела продолжительное воздействие на более позднюю психоаналитическую

¹ *Sigmund Freud*. On narcissism, Standard Edition, vol. 14. — P. 89.

² *Janine Chasseguet-Smirgel*. Female Sexuality, Ann Arbor: University of Michigan Press, 1970. — P. 76–83.

литературу. Сексуальность женщины рассматривалась как сущностно пассивная — взгляд, который подкреплялся действующими стереотипами. В свете нынешних изменений в сексуальном поведении стало очевидным, что в той степени, в какой такое изображение соответствовало реальности, она была результатом скорее социальных ограничений, налагаемых на женщину, нежели постоянных психосексуальных характеристик. Конечно, имидж ненасытной женщины долгое время существовал бок о бок с имиджем женской пассивности; взгляд Фрейда акцентировал внимание на одной картинке ценою другой.

Диффузный эротизм, о котором говорил Фрейд, должен, собственно, расцениваться скорее как потенциально разрушительный, нежели как негативная реакция на ситуацию «утраты». Ни клитор не является функциональным эквивалентом пениса, ни женское сексуальное наслаждение не определяется неудачей противопоставления стандартам, установленным мужчиной. Можно предполагать, что оба пола в младенческом возрасте обладают способностью эротизировать свое тело. Мальчики имеют тенденцию отказываться от этого в пользу более генитально сфокусированного режима, в качестве части эдипова перехода. Девочки, с другой стороны, в большей степени способны сохранять это переживание и поэтому также более способны интегрировать специфически генитальные ощущения с другими переживаниями и привязанностями — фактически они могут считать сексуальную активность невознаграждающей, когда они лишены этих более широких отношений.

Гендер, интимность и забота

Позвольте мне подвести итог того, что подразумевалось в предшествующем обсуждении. Поскольку возможно, как предполагал Фрейд, и даже весьма вероятно, что существуют более или менее универсальные характеристики сексуальной психологии, я поставлю этот вопрос в значительной мере в другой плоскости. В современный период отчетливой чертой социализации, характерной для большинства страт в современных обществах, стала выдающаяся роль матери в ранней заботе о ребенке. Отношения мать–дитя испытывают на себе влияние «изобретения материнства», равно как и отражают другие изменения, которые отделяют модернистские институты от пре-модернистских. Господство матери имеет глубокие психологические последствия для обоих полов и стоит у истоков некоторых наиболее распространенных аспектов сегодняшнего гендерного различия.

Мужчины испытывают проблемы с интимностью: это утверждение мы слышим вновь и вновь как в терапевтической литературе, так и где угодно еще. Однако что это означает? Если анализ, который я предложил, является валидным, мы не можем просто утверждать, что женщины имеют тенденцию к тому, чтобы быть более способными к развитию эмоциональной симпатии с другими, нежели большинство мужчин. И мы не можем, пусть это будет банальным повторением, согласиться с тем, что женщины, как правило, не могут обращаться со своими чувствами тем же способом, что и мужчины. Интимность — это, помимо всего прочего, дело эмоциональной коммуникации — как с другими, так и с собой — в контексте межличностного равенства. Женщины подготовили путь для экспансии области интимности в своей роли революционеров современности. Условием и результатом этого процесса стали определенные психологические предрасположенности, а также материальные изменения, которые позволили женщинам подкрепить призыв к равенству. На психологическом уровне затруднения, которые испытывают мужчины в отношении интимности, являются, помимо всего прочего, результатом двух вещей: схизматического взгляда на женщин, который можно отследить до неосознанного преклонения перед матерью, и иссякающего эмоционального изложения самости. В социальных обстоятельствах, в которых женщины более не являются соучастниками роли фаллоса, травматические элементы мужественности, таким образом, более болезненно выставляются на обозрение.

На индивидуальном уровне все психодинамические механизмы весьма сложны, и прямой комплементарности между мужской и женской психологиями не существует. Поэтому обобщение «мужчины» и «женщины» как чего-то целого, даже оставляя в стороне разнообразие пре-модернистских и немодернистских культур, нуждается в определении. Как и в других частях этой книги, всякий раз, когда я говорю «мужчина» или «женщина», всегда предполагается имплицитное вводное слово, которое добавляет «во многих случаях». К примеру, эпизодическая сексуальность, как подчеркивалось выше, не ограничивается мужчинами; это механизм власти, и его защитные атрибуты имеют также определенную пользу и для женщин. Идея, что «мужчины не умеют любить», откровенно фальшива и не должна — опять же по причинам, упомянутым ранее, — прямо приравниваться к тем трудностям, которые мужчины испытывают в отношении интимности. Многое в сексуальности мужчин возбуждается фрустрированным поиском любви, которой они, однако, столь же боятся, как и желают. Многие мужчины в ситуациях интимности не способны любить других как равных себе, но они

вполне способны предлагать любовь и заботиться о тех, кто находится в их власти (женщин, детей), или тех, с кем они разделяют неустановленный рапорт (приятелей, членов братства).

Трудности в сфере интимности не ограничиваются мужчинами. Отношения женщин с мужской властью амбивалентны. Требование равенства может психологически столкнуться с поиском фигуры такого мужчины, который эмоционально отдален и авторитарен. Поэтому развитие уважения, основанного на равенстве и независимых способностях другого, ставит проблемы для обоих полов, кое-что из этого, несомненно, просачивается и в гомосексуальные отношения. Более того, коммуникация чувств связана с нарциссизмом, это скорее претензия на власть, нежели обеспечение любви-слияния.

Маскулинность как утрата: совместима ли эта тема с постоянством патриархального господства? Поскольку половое разделение труда остается, в сущности, нетронутым; дома и на работе, в большинстве контекстов современной жизни мужчины в значительной степени не желают ослабить свои бразды правления. Власть запряжена в интересы, и, очевидно, там имеются явно материальные соображения, которые помогают объяснить, почему это так. Однако в той мере, в какой мужская власть базируется на уступчивости женщины и на экономических и эмоциональных услугах, которые оказывают женщины, она находится под угрозой.

Противоречия чистых отношений

Психологические черты, обсуждаемые в предшествующей главе — в особенности в той степени, в какой они первично или частично локализованы в подсознании, — насаждают фундаментальные напряжения внутри возникающего мира чистых отношений. Чтобы проследить их, я сконцентрируюсь на аспектах чистых отношений в однополых связях — особенно среди лесбиянок. Если следовать психическим характеристикам мужской и женской сексуальности, эта стратегия могла бы показаться странной. Однако чтобы посмотреть, насколько эти психологические различия, имеющие тенденцию отделения мужчин от женщин, могли бы оказаться деструктивными для чистых отношений, стоит рассмотреть их внутреннюю динамику, а она в некотором смысле легче поддается изучению, когда удален гетеросексуальный элемент.

Не особенно заботясь о репрезентативности материала, я сделаю особый упор на некоторых разделах удивительно рефлексивных документов, о которых сообщает *Ш. Хайт*¹.

Опросы Хайт проводились для того, чтобы «вычертить идеологическую революцию в ее прогрессивном развитии», но они также передают осведомленность о том, что анализируемые документы вносят прямой вклад в этот процесс. Первый длинный «вопросник-эссе» был распределен по периоду 1972–1976 гг., и последовавший за этим первый том ее работы был основан на ответах 3500 женщин в США. Примечательная характеристика этого исследования и последующих томов состояла в ее акценте на том, что женская сексуальность должна изучаться не только через размышления «экспертов», но и через мнения обычных людей. Целью этого проекта, по словам Хайт, было следующее: «дать женщинам определить свою собственную сексуальность» и позволить им «высказываться о том, что они чувствуют в сексе и что означает для них сексуальность».

---

¹ *Shere Hite. Women and Love. — London: Viking, 1988.*

Хайт обнаружила, что 11 процентов женщин в ее исследовании имели сексуальные связи только с другими женщинами (том 3), а еще 7 процентов делали это от случая к случаю. Этим цифрам не может быть присвоено никакой особой статистической значимости, но стоит отметить, что существенная доля ее респондентов, чей возраст превышал сорок лет, были вовлечены в сексуальные отношения с женщинами в первые периоды своей жизни. Фактически все они прежде состояли в гетеросексуальных браках. Свыше 80 процентов лесбийских женщин на время исследования состояли в связях определенной продолжительности.

Большинство лесбийских женщин могут находиться в долгосрочных связях, но они испытывают трудности в получении ощущения безопасности от этих связей.

Одна женщина комментирует: «Нетрадиционная связь с ее отсутствием правил — трудная вещь. В браке в традиционном смысле, если люди обучены ролям, которые требуются для того, чтобы индивиды подходили друг другу, то это образует вполне хорошую организацию... Но для большинства из нас в отношениях геев... правил реально не существует, и вам приходится создавать что-то вроде собственных правил. Именно с этим приходится постоянно сталкиваться, когда пытаешься выявить, как эти связи работают».

И, тем не менее, поскольку брак «в традиционном смысле» исчезает, именно геи являются пионерами в этом отношении — первичные повседневные экспериментаторы. Они должны в течение какого-то времени испытывать то, что становится все более и более общим местом для гетеросексуальных пар.

Чистые отношения: разрыв и создание

В гетеросексуальном браке в более ранние периоды сексуальные сношения прошлого обычно «описывались» обоими партнерами как имеющие мало значения для будущего. Женщины обычно приходили к браку с нетронутой «добродетелью», в то время как флирт мужчин относился к категории приемлемой эпизодической сексуальности. Однако сегодня связь должна быть поставлена отдельно от того, что было прежде, а также от других увлечений, сексуальных или иного рода, которые мог бы иметь индивид. Личность, с которой партнер прежде состоял в связи, могла бы продолжать существовать в сознании обоих; даже если прежние эмоциональные связи были резко оборваны, нынешние отношения, вероятно, могут быть пропитаны ее остатками. Если мы должны осознать, что все взрослые личностные отношения напоминают аспекты детского опыта, то же самое относится и к опыту потерь; и в области чистых отношений индивиды теперь должны часто справляться со многими пассажами такого рода.

Разрыв — это испытание для женщин-геев вследствие договорного статуса их отношений и в особенности «открытого» характера гомосексуальной самоидентичности. «Когда мы расстались, я задавалась вопросом, могла бы я любить, если бы была действительно лесбиянкой, а она — только женщиной». Это описание женщиной расторжения своей первой связи с другой женщиной. Она добавляет, что «для многих из моих лесбийских друзей было то же самое, первый разрыв был опустошительным, потому что он вновь ставил все под вопрос». Она страдала также и при окончании других связей, продолжавшихся по нескольку лет.

Одна личность говорит за многих, когда утверждает: «Иногда я испытывала усталость от прохождения через жизнь договорных отношений и от их решения. Достигну ли я когда-нибудь чего-то вроде плато, где я наконец получу результаты моих трудов? Когда вы прошли последнюю милю, они бросают вас ради более молодых, более интеллектуальных или более старых, ради какой угодно женщины или мужчины!»

В чистых отношениях имеется структурное противоречие, сосредоточенное на привязанности, которое признают многие из респондентов Хайт. Чтобы породить привязанность и разработать общую историю, женщина должна отдать себя другой. То есть она должна обеспечить словом и делом какого-то рода гарантии другой, что эта связь будет сохраняться в течение неопределенно долгого периода. Тем не менее сегодняшняя связь не является, как когда-то был брак, «естественным условием», продолжительность которого может, как нечто данное, рассматриваться краткой в определенных экстремальных условиях. Это характеристика чистых отношений, которые могут быть прекращены более или менее добровольно любым из партнеров в любой конкретный момент. Для связи, имеющей возможность продолжаться, привязанность необходима; тем не менее любой, кто испытывает безоговорочную приверженность к ней, рискует получить серьезную травму в будущем, если эти отношения прекратятся.

Около двух третей выборки Хайт останавливались на своей безопасности в отношении любви.

«Я всегда сомневаюсь, действительно ли она любит меня или я люблю ее больше»; «Иногда я ощущаю любовь, иногда — игнорирование. Удовлетворена ли я? Нет»; «Я чувствую, что нуждаюсь в большем, чем, как я думаю, она дает. Я чувствую себя любимой, но некоторым образом не ощущаю себя в безопасности. Я хотела бы, чтобы она больше желала меня. И все же мне не понравилось бы, если бы она слишком сильно зависела от меня или истощала

меня». Однако большинство находят, что сексуальные отношения с другими женщинами более интимны и равноправны, нежели с мужчинами. Общая осведомленность о том, что должны развиваться новые модели любви и что отношения геев обеспечивают контекст, в котором этого можно достичь, очевидна. «В любви, — как это излагает одна из женщин, — все взрывное, одержимое, иррациональное, чудесное, опьяняющее, мечтательное. Любить — это длительная работа, доверие, коммуникация, приверженность, боль, наслаждение».

Со значительной силой возникает конфликт между сексуальным возбуждением, которое часто кратковременно, и более длительными формами заботы о другом. Тем не менее многие замечают, что интенсивность их сексуальных откликов и удовлетворения зависит от близости, которую они чувствуют с другим. Около 80 процентов утверждают, что они могут легко и интимно беседовать со своими партнерами. Она почтительно внимательна, она уделяет мне внимание, когда я в этом нуждаюсь, и я отвечаю ей тем же. «Я с большей степенью вероятности могу установить свои желания, но я поощряю ее делать то, чего ей хочется, и высказывать все, что бы она ни чувствовала»¹.

Экономическое неравенство здесь менее заметно, чем в большинстве гетеросексуальных связей; и разделение домашних обязанностей, даже если это часто влечет за собой расходы, выглядит более или менее универсальным.

В чистых отношениях доверие не имеет внешней поддержки и должно развиваться на базе интимности. Доверие — это воплощение уверенности в другом, а также способность взаимных уз противостоять будущим травмам. Это более чем дело одной лишь веры, которая может быть проблематичной сама по себе. Доверять другому — это означает также делать рискованную ставку на способность этого индивида действовать честно. Тенденция сексуальных связей к тому, чтобы быть диадичными (не смешивать с моногамными), — это, вероятно, до некоторой степени результат неосознанного желания резюмировать то чувство эксклюзивности, которым ребенок наслаждается со своей матерью. «Особость», которую один находит в другом, является в этом смысле, как говорит Фрейд, «открытием заново». Тем не менее диадический характер сексуальных отношений также имеет тенденцию к усилению природой предполагаемого доверия. Потому что доверие, когда мы ведем речь о доверии в личностях, не является тем качеством, которое способно на неопределенно широкую экспансию.

¹ Цитаты взяты из *Shere Hite. Women and Love*. — London: Viking, 1988.

Разделяемая история, которую два индивида разрабатывают совместно, в некоторой точке неизбежно становится сокрытой от других, составляющих обобщенный «внешний мир». Эксклюзивность не является гарантией доверия, но она тем не менее выступает важным стимулом к нему. Интимность означает раскрытие эмоций и действий, которую индивид вряд ли будет поддерживать под пристальным взглядом более широкой публики. В самом деле, открытость того, что скрывается от других людей, есть один из важных психологических маркеров, вероятных для того, чтобы вызвать дальнейшее доверие в другом, и к чему, в свою очередь, стремятся. Нетрудно видеть, как самораскрытие, которое предполагает интимность, может продуцировать созависимость, если она не идет рука об руку с сохранением автономии. Если психологическое «отдавание себя» другому не является взаимным и разумно сбалансированным, один из индивидов, вероятно, должен определять потребности другого, ожидая, что он или она будут следовать им.

Конечно, партнер по связи мог бы убедить, что он или она имеет круг друзей, равно как и других людей, на кого можно положиться в трудные минуты. И все же, поскольку доверие не может распространяться неограниченно, в таких решениях существуют свои приоритеты. Точно так же, как и любовники, друзья обычно требуют каких-то маркеров интимности, информации, которая предназначена специально для них. Кто-то, кто доверяет больше о своих чувствах другу, нежели своему любовнику, вероятно, имеет что скрывать о своих отношениях с этим любовником. Для многих гетеросексуальных пар эта проблема в определенном смысле «разрешается» самим фактом, что женщины так часто находят, что с их мужчинами трудно «поговорить». Они способны установить со своими подругами такие маркеры интимности, которые их мужья или мужчины-любовники могут отвергнуть.

Задавая определенные условия, чистые отношения могут обеспечить облегчающее социальное окружение для рефлексивного проекта самости. Границы, личностное пространство и все остальное, такое, скажем, как терапевтические руководства, требуются индивидам для того, чтобы скорее преуспеть в отношениях, нежели скатиться в созависимость. Тем не менее очевидно, что здесь существуют также обширные области возможного напряжения и конфликта. Разделяемая история, которую развивает связь, может служить тому, чтобы заслонить собою беды во внешнем мире; один из индивидов или оба они могут стать зависимыми не столько один от другого, сколько от самой связи и ее рутин фиксированным образом, в качестве средства изолирования себя от полных обязательств по выполнению других социальных задач. Достижение

равновесия между автономией и зависимостью является проблематичным.

Мобильная природа самоидентичности не обязательно легко совмещается с требованиями чистых отношений. Доверие должно каким-то образом приспособиться к различным траекториям развития, которым могли бы следовать партнеры. Всегда должна быть определенная лицензия на доверие. Доверять кому-то означает отказаться от возможности держать их на поводке или заставлять их действовать в рамках определенных форм. Тем не менее автономия, которая даруется другому, не обязательно будет использована таким образом, чтобы исполнить те потребности, которые имеет в отношении партнер. Люди «растут отдельно друг от друга» — это достаточно общее наблюдение. И все же должны быть учтены более тонкие влияния. Например, сдвиг в изложении самости, как он мог бы быть осуществлен, обычно воздействует на распределение власти в отношениях и может подтолкнуть их в направлении созависимости.

Лесбиянство и мужская сексуальность

Любой из полов — это темный континент для другого, и дискуссия, предложенная в предыдущей главе, достаточно легко показывает, почему это имеет такую тенденцию. Отчетливый смысл облегчения в спасении от сексуальных посягательств мужчин пронизывает аттитюды многих из респонденток Хайт, даже тех из них, которые продолжают заниматься гетеросексуальными сношениями. Выводы Хайт отражают точку зрения *Шарлотты Вольф* и других о том, что бисексуальные женщины обладают гораздо большей привязанностью к женщинам, чем к мужчинам, даже когда они состоят в гетеросексуальных браках¹.

Пластичная сексуальность, если она вполне развита, подразумевала бы нейтральное отношение к пенису. Немногие из женщин в исследованиях Хайт или Вольф способны или склонны к тому, чтобы свободно перемещаться между мужчинами и женщинами, однако они в значительной степени запутывают свои сексуальные переживания. И все же лесбийские женщины ломают стереотипные представления о том, что женщины моногамны по своей природе. Большинство из респонденток Хайт, если они находятся в разумно продолжительной связи, оценивают моногамию как желательный идеал. Но это связано в большей степени с осознанием центральной роли доверия, нежели с анти-

¹ *Charlotte Wolfe. Bisexuality. — London: Viking, 1988.*

патней к сексуальному экспериментированию как таковому. Многие женщины говорят о трудностях, которые испытывают или сами они, или их партнеры от того, что остаются моногамными, по крайней мере, после того, как начальный период интенсивного физического влечения к партнеру подошел к концу.

Эпизодическая сексуальность мужчин выглядит более отчетливо связанной с неосознанными попытками исправить и подчинить всемогущую мать. Такого рода экстремальный авантюризм, кажется, в значительной степени отсутствует среди женщин. Тем не менее мы знаем, что желание подчинять не ограничивается мужской психологией, и не стоит удивляться, когда мы обнаруживаем, что некоторые женщины используют промискуитет как средство смягчения приверженности, которую предполагает первичная связь.

«Она ужасная любительница флирта, — как замечает одна женщина о своей любовнице... — и всегда была такой». Я наблюдаю это три года. Два года мы жили вместе. Наконец... я ушла. Я все еще вижу с ней и сплю с ней, но я сплю и с другими женщинами тоже. После всего этого времени, когда я наблюдала, как она уходит с другими, я решила тоже попробовать — теперь мне это нравится, и я не уверена, что я в основе своей моногамна больше, чем кто-либо другой.

Меньшая доля лесбиянок, чем гетеросексуальных замужних женщин имели или имеют приключения вне своих первичных связей, хотя цифры все же существенны (около трети среди респонденток Хайт). «Я каждый раз имела секс вне моих связей»; «Я не любила, я вожделела» — не приводит ли это на мысль, что мы слышим скорее гетеросексуальных мужчин, нежели лесбийских женщин?

Однако определенные различия все же имеются. Большинство гетеросексуальных женщин скрывают свои похождения от своих партнеров, а среди гомосексуалов не-моногамный секс протекает, как правило, со знанием и молчаливым согласием партнера или очень быстро доводится до его сведения. Причина, кажется, состоит в более высоком уровне коммуникации в отношениях женщина-женщина — в противовес гетеросексуальным отношениям. Отход от моногамии чаще обсуждается открыто, и моногамия в меньшей степени является остатком традиционных норм брака, нежели стандарт, установленный путем консенсуса. Там, где другие связи с самого начала не выносятся открыто, они имеют тенденцию в тот или иной момент выйти на свет.

Немногие женщины упускают эпизодический секс с мужчинами, когда возникает такая возможность, но такое случается реже с другими женщинами. Одна продолжает иметь секс с мужчинами специально для

этой цели. Другая говорит: «Я нахожу почти невозможным иметь такого рода “забавы”, которые я использовала с мужчинами в существенно обезличенных сношениях с женщинами. Не бывает, чтобы вы не смогли узнать женщину в таком процессе — здесь гораздо больше разговоров, больше привязанности — вы становитесь друзьями очень быстро». В соответствии с данными Хайт, 60 процентов лесбийских женщин остаются близкими и долгими друзьями со своими экс-любовницами и после разрыва связи¹.

Выдающейся характеристикой отчетов лесбийских женщин является интерес к интенсивной и искомой природе сексуального наслаждения. Хотят ли женщины секса? Эти женщины, конечно же, хотят, и они активны в поисках сексуального удовлетворения и в самой связи, и вне ее. Если измерение сексуального удовольствия оргазмической реакцией — сомнительный индекс, как утверждали многие, но, разумеется, не лишенный ценности, если сопоставить его с сексуальными депривациями, которые женщины испытывали в прошлом, — то лесбийский секс является более успешным, чем гетеросексуальная активность. Более того, существует большее равенство в отдавании и получении сексуальных переживаний: «Между нами существует связь, которую я никогда не смогла бы сравнить с теми переживаниями, что я испытывала с мужчинами»; «Мне нравятся способы, применяемые женщинами, тела, страсть, мягкость, сочетаемая с силой»; «Я никогда не чувствовала себя зажатой, занимаясь сексом с женщиной. С мужчинами я *всегда* чувствую себя подавляемой». По большей части эти акценты выглядят совместимыми с сексуальной отзывчивостью и активно служат для ее продуцирования. Эти женщины уличают во лжи идею о том, что эротизация женского тела достигается ценой генитальных ощущений. Фактически двое идут рука об руку — это нечто такое, что совместимо с влиянием пластической сексуальности.

В отношениях геев-мужчин, равно как и женщин, сексуальность может быть засвидетельствована в ее полном отделении от воспроизводства. Сексуальность геев-женщин организована на основе необходимости, которая почти полностью может расцениваться как чистые отношения. Это означает, что пластичность сексуального ответа, помимо всего прочего, канализована осознанием вкусов партнера и его взглядов на то, что является допустимым и может доставить наслаждение.

¹ Хайт в *Women and Love* фактически обсуждает этот феномен дважды — на стр. 610 и стр. 641, очевидно, не замечая повторов. Цифры, приведенные для женщин, которые остаются близкими подругами со своими экс-любовницами, слегка различаются в двух местах — 64 процента в одном месте и 62 процента в другом.

Дифференциальной власти может придаваться повторное значение, например, через садомазохистский секс.

Одна женщина говорит:

«Мне нравится грубый, страстный секс, потому что он протекает за пределами барьеров “приятности”, которые выстраивают вокруг себя многие женщины. Здесь не существует чувства выпрямленной спины (в оригинале — *holding back* — *примеч. перев.*), как это часто бывает с политически корректным мягким сексом — “S и L”, как определил это один из моих друзей (то есть сладость и свет (в оригинале — *sweetness and light* — *примеч. перев.*). Моя нынешняя любовница и я немного экспериментировали с S/L и бандажом и нашли это очень возбуждающим и сексуальным. Все, что мы проделывали, было на основе консенсуса, и “нижняя” (мы варьировали в том, кому ею быть) всегда удерживала контроль, вместе с иллюзией, что все протекает без контроля. Мы включали сюда такие вещи, как пошлепывание, подстегивание хлыстом, тянули за волосы, колотили друг друга, но никогда не наносили ран и даже не оставляли отметок. Что делает это таким замечательным, так это чувство вседозволенности»¹.

Кто-то мог бы усмотреть здесь возврат к фаллосу в несколько неприятной форме. Это, может быть, в какой-то степени правильно, но можно предложить также другую интерпретацию. В лесбийских отношениях (так же, как и среди геев-мужчин) могут быть потенциально осуществлены аттитюды и характеристики, «запрещенные» в чистых отношениях, включая инструментальный контроль и реализацию формальной власти. Ограниченное рамками сферы сексуальности и обращенное в фантазию — скорее, нежели детерминированное извне, господство, возможно, помогает нейтрализовать агрессию, которая в ином случае ощущается где угодно еще.

Как и в других отношениях, то, что могло бы выглядеть ретроградной характеристикой сексуальных отношений женщины с женщиной, могло бы фактически дать модель этически оборонительной гетеросексуальной деятельности. Осуществляемый по взаимному согласию садомазохизм не нуждается в том, чтобы предлагаться в качестве рецепта для вознаграждающего сексуального опыта, но принцип, который он выражает, способен к обобщению. Пластичная сексуальность могла бы стать сферой, которая не содержит более элементов (в оригинале — *detritus*, т. е. осколков чего-то разрушенного — *примеч. перев.*) внешнего принуждения, а взамен этого имеет место как одна из иных форм самоисследования и морального конструирования.

¹ *Shere Hite. Women and Love. — London: Viking, 1988.*

Возможно, кто-то мог бы вычитать в сочинениях де Сада какое-то совершенно иное значение, нежели то, что обычно предполагается. У де Сада власть, боль и смерть инвестируют себя в секс в целом и разыгрываются через извращение, при этом из сексуальности выжимаются любые следы нежности — или, во всяком случае, так это выглядит. Тем не менее де Сад в целом отделяет женскую сексуальность от воспроизводства и празднует ее хроническое избавление от субординации фаллическим интересам. Его представление секса, которое концентрируется на чем угодно в его собственных рамках, могло бы выглядеть как ироническое метафорическое изобретение, указывающее на невинность сексуальности как таковой.

Гомосексуальность и эпизодические сношения

Эпизодическая сексуальность в наибольшей степени развита среди женщин в культуре некоторых клубов и баров. Жизнь бара иногда сосредоточивается на крейсировании, на поиске проходящих партнеров. Женщина-новичок в культуре бара поясняет, что в течение длительного времени «мне не везло в барах». Ее образование и происхождение, продолжает она, кажется, не производили никакого впечатления. Затем ее озарило, что главными вещами, которые принимались во внимание в формировании такого рода связей, были взгляды «на пятно привлекательности». «Это оказалось так просто... Ни одна из них в баре не была заинтересована в том, чтобы встретиться с кем-то, кого она могла бы пригласить домой и представить матери»¹.

Краткосрочные, обезличенные связи — они, несомненно, не имеют места в лесбийских отношениях. Если мы считаем данным, что многие геи-мужчины устанавливают долгосрочные сексуальные связи, мы не должны преувеличивать контрастов между мужской и женской гомосексуальностью. И все же эпизодическая сексуальность среди геев-мужчин более интенсивна, чем в лесбийских общинах. Когда, к примеру, существовали общественные бани, многие из посещавших их мужчин каждый вечер искали нового сексуального переживания; большинство из них были бы разочарованы, если бы имели лишь одно сексуальное сношение на протяжении нескольких часов. К примеру, *Мартин Хоффман* в своем исследовании банной культуры в 1960-х годах интервьюировал одного молодого мужчину, который в качестве пассивного участ-

¹ *Sydney Albott and Barbara Love. Sappho Was a Right-On Woman. — New York: Stein, 1977. — P. 74.*

ника нередко имел около пятидесяти сексуальных контактов за один вечер.

Банный секс, как это видно из других разнообразных контекстов сексуальной активности геев-мужчин, был вообще анонимным. Мужчины, которые ходили туда, не имели социальных контактов друг с другом, их разговоры носили случайный характер. Они не обладали знанием о природе жизни друг друга и адресовались друг к другу только по имени. Здесь придается новое значение каждому из преходящих партнеров; в сравнении с такими сношениями анонимный гетеросексуальный эпизод, изображенный в «Последнем танго в Париже», выглядит как глубокая и продолжительная привязанность.

Мужчина, о котором идет речь в исследовании Хоффмана, был женат и имел двоих детей. Мужская бисексуальность является столь характерной для сегодняшнего сексуального поведения мужчин, что ее можно было бы считать столь же «ортодоксальной» формой сексуальной ориентации, как и гетеросексуальность. Доля «гетеросексуальных» мужчин, которые регулярно вовлечены в эпизодическую гомосексуальную активность, за последний период заметно возросла, несмотря на влияние СПИДа. По оценкам исследователей, в Соединенных Штатах около 40 процентов женатых мужчин в какие-то периоды своей супружеской жизни вовлекаются в регулярный секс с другими мужчинами; другие утверждают, что эта доля даже выше¹.

Защитные аспекты эпизодической сексуальности представляются в этом свете довольно ясно. Ее можно понимать как массовое бегство мужчин от связей, которые соединяют в себе сексуальность, самоидентичность и интимность. Там, где женщины не являются более соучастницами, эпизодическая гомосексуальность выступает в качестве улаживаемого в результате тайного сговора (в оригинале — *collusive* — примеч. перев.) усилия мужчин по сопротивлению подразумеваемым смыслам гендерного равенства.

Приверженность правам другого в брачных отношениях эмоционально удерживается через дистанцирующее воздействие эпизодических связей.

Можно ли сказать то же самое о мужчинах, которые объявляют себя геями открыто и отвергают всякие сексуальные контакты с женщинами? Учитывая, что негодование по отношению к женщинам является частью мужской психологии на очень обобщенном уровне, геи-мужчины в определенном смысле справляются с этой амбивалентностью, полностью

¹ Heather Formani. Men. The Darker Continent. — London: Mandarin, 1991. — P. 23–30.

отделяя себя от нее. Тем не менее было бы неверным рассматривать это только в негативных тонах. Геи-мужчины, подобно лесбиянкам, ставят под вопрос гетеросексуальную интеграцию брака и моногамии. Моногамия, как это понимается в институционализированном браке, всегда была связана с двойным стандартом и поэтому — с патриархальными отношениями. Это было нормативным требованием для мужчин, но многими принималось в расчет только при проявлении нарушений. Однако в мире пластической сексуальности и чистых отношений моногамия должна быть «переработана» в контексте привязанности и доверия. Моногамия относится не к самой связи, а к сексуальной эксклюзивности как критерию доверия; «верность» не имеет иного значения, кроме как в аспекте той честности, которую доверие предполагает в другом.

Там, где эпизодические сношения не представляют собою инструмента контроля — или в случае пагубного пристрастия, каким, конечно же, является случай, описываемый Хоффманом, — они в действительности являются исследованием возможностей, предоставляемых пластической сексуальностью. С этой точки зрения даже в форме обезличенных скоротечных контактов эпизодическая сексуальность может быть позитивной формой повседневных экспериментов. Она раскрывает то, чем имплицитно является пластичная сексуальность: секс, отделенный от раболепства дифференцированной власти прежних времен. Таким образом, эпизодическая сексуальность геев типа банной культуры выражает равенство, которое отсутствует в большинстве гетеросексуальных связей, включая мимолетные. По своей природе она допускает власть лишь в форме самой сексуальной практики: единственной детерминантой выступает сексуальный вкус. Это, конечно, часть удовольствия и осуществления, которую может дать эпизодическая сексуальность, будучи освобожденной от своих принудительных характеристик.

Мачо-гей, королева кожи, джинсовые группировки — все это более чем иронические новобранцы гетеросексуальной маскулинности. Они являют собою видимую деструкцию мужественности, и в то же самое время они утверждают то, что отвергает фаллическая власть, принимаемая как само собой разумеющаяся, что в современной социальной жизни самоидентификация, включая сексуальную идентичность, является рефлексивным достижением. Параллельным образом безличностный эпизодический секс является своего рода критическим комментарием на ниспровержение сексуального наслаждения путем вовлечения его во «внешнее» господство. Он, вероятно, является защитным и принуди-

тельным до той степени, до которой сам он мотивируется влияниями извне. Внутренне присущее ему равенство может быть полностью куплено только в том случае, если будет питаться через внешние влияния в других контекстах социальной жизни. Обычно эпизодическая сексуальность может быть способом избежания интимности, но она может также предлагать средства для того, чтобы способствовать ей или развить ее. Поскольку сексуальная эксклюзивность является лишь одним из способов, которым защищается приверженность к другому и достигается честность. Хотя эпизодическая сексуальность и является центральной по отношению к правилу фаллоса, остается не вполне ясным, что она изначально несовместима с возникающими нормами чистых отношений.

Мужчины и женщины: вместе или по отдельности?

«Я была геєм тридцать лет. У меня были продолжительные связи, то же самое у моих подруг, но почти никто из них не остался вместе “на всю жизнь”. Мы привыкли тревожиться по этому поводу — мы думали, что гетеросексуальные пары, как нам казалось, остаются вместе гораздо дольше, чем пары геев». Женщина, высказавшая такое наблюдение в исследовании *III. Хайт*, добавляет: теперь все это изменяется. Отношения геев, описанные в ее исследованиях, часто бывают трудными, осаждаемыми проблемами и коротко живущими. Однако в сравнении с ними гетеросексуальные отношения весьма часто выглядят как поле битвы, где агрессия и открытые сражения перемешаны с глубокой неприязнью между полами. Хайт обнаружила, что почти вся ее выборка респондентов из числа гетеросексуальных женщин утверждала, что они хотели бы большей «вербальной близости» со своими мужьями; большинство сообщали о встречном сопротивлении или эмоциональном отказе, когда они пытались проявить инициативу более тесной коммуникации. Женщины чувствуют безнадежность по поводу продолжающейся неверности своих партнеров, хотя сравнимые пропорции их вовлечены и во внебрачные связи. Они обнаруживают эмоциональную опустошенность в ситуациях, в которых они ожидали продолжительной любви.

Хайт высказывается об этом следующим образом.

Многие женщины знают, что они не получают равной эмоциональной поддержки, оценки или уважения в своих связях. И все же может оказаться затруднительным описать определенно, каким именно образом мужчина проектирует убывающие аттитуды. Некоторые из способов, какими это происходит, настолько неуловимы в своем выражении, что, в то время как женщина может

начать чувствовать себя фрустрированной и вставать в оборонительную позицию, она обнаруживает, что почти невозможно сказать точно, почему: указание на что-то сказанное или сделанное может показаться мелочным, подобно чрезмерной реакции. Но когда все это собрано воедино, не вызывает удивления, когда даже один из таких инцидентов может оттенить основное сражение — или, более типично, еще один раунд отчуждения, которое никогда не достигает разрешения. Эти мелкие инциденты стирают интимность в отношениях, делая женщину раздражительной и, наконец, низводя любовь до простой умеренной терпимости¹.

Уравнивание является внутренне присущим элементом в трансформации интимности, поскольку оно является элементом коммуникации. Гнев мужчин, направленный сегодня против женщин, — это в какой-то весьма существенной части реакция на самооценку женщин дома, на рабочем месте и где угодно еще. Женщины, в свою очередь, сердятся на мужчин вследствие тонких и не очень тонких способов, какими мужчины отказывают им в материальных привилегиях, объявленных ими для самих себя. Экономическая бедность для женщин, эмоциональная бедность для мужчин: не таково ли состояние игры в отношениях между полами? Самоназначенные адвокаты мужчин с одной стороны и женщин — с другой так бы и сказали, хотя каждый из них, вероятно, обвинял бы другую сторону в том, что она не вполне осознает страдания другого пола.

Подбирая материал по теме маскулинности как физической уязвимости, *Херб Голдберг* описывает «риск бытия мужчиной» и говорит о привилегии маскулинности как о мифе².

Голдберг — чувствительный наблюдатель изменений, которые оказали воздействие на гендер и сексуальность, и он симпатизирует целям женского движения. Однако в его работах обвинения женщин в адрес мужчин, выдвинутые в исследованиях Хайт и находящие свое отражение в мириадах руководств по терапии, — в том, что мужчины эмоционально неразвиты, не дают прикоснуться к своим чувствам и так далее — выглядят как несчастливое бремя, взваленное на плечи мужчин.

Здесь пагубное пристрастие еще раз появляется в центральной роли. Многие мужчины, утверждает Голдберг, стали чем-то вроде «зомби», движимых мотивами, которые сами они едва понимают. Современная культура насыщена «бизнесменами-зомби, гольф-зомби, зомби на спортивных автомобилях, плейбоями-зомби»: все они «играют по правилам,

¹ *Shere Hite*. *Women and Love*. — London: Viking, 1988. — P. 73.

² *Herb Goldberg*: *The Hazards of Being Male*. — New York: Signet, 1976; *The New Male*, New York: Signet, 1979 и другие работы того же автора.

запланированным мужской игрой» и, как следствие, «утрачивают знание самих себя как людей и способность затрагивать свои чувства или же бегут от них». Женщины заявили протест против своей ограниченности домашним очагом и освобождаются от него, а также протестуют против связанных с ним ограничений саморазвития. Мужчины все еще заключены в своей роли добытчика пропитания, хотя экономические преимущества мужчин по сравнению с женщинами скорее ощущаются ими как оскорбительные. Потребность «вести себя как мужчина» сильно запечатлена — и по большей части такое поведение ожидается также и женщинами, — но давление, которое она продуцирует, весьма интенсивно. Идея, что мужчины находятся в привилегированном положении, утверждает Голдберг, блекнет перед лицом статистики личностных потерь: в отношении продолжительности жизни, подверженности заболеваниям, суициду, преступности, дорожно-транспортным происшествиям, алкоголизму и наркомании женщины находятся в более выгодном положении, чем мужчины.

Мужчина, который в моменты честного размышления спрашивает себя «Что во всем этом имеется для меня? Что я получаю и что я буду иметь в будущем?», может обнаружить, что он в значительной степени не в состоянии ответить на этот вопрос положительно или оптимистически. Ее изменения в комбинации с его ригидностью поставили его перед стеной. Если он настаивает на своих прежних путях, его обвиняют в шовинизме и сексизме (дискриминации одного из полов (обычно женского) — *примеч. перев.*). Если он принуждает себя к новой ответственности, не создавая равных потребностей и не сбрасывая части традиционной упряжи, он лишь обнаружит себя перегруженным и переутомленным до точки слома. Если он полностью сохраняет традиционный маскулинный стиль, то может к своему ужасу обнаружить, что стал невидимым, бесполом и недостойным в глазах большинства женщин и даже большинства других мужчин, которые отворачиваются от человека без работы, статуса и власти¹.

В современных отношениях, согласно Голдбергу, мужчины часто обнаруживают себя в безыгрышной ситуации. Женщины могут сказать: «ты боишься близости и эмоциональной теплоты», что часто соответствует действительности; но фактически они сами нередко ищут мужчину, которого они могли бы оценивать как самодостаточного, контролирующего себя и посвятившего себя миру работы. Женщин возмущают те же самые характерные черты, которые их в первую очередь привлекают, потому что в их глазах обесцениваются те способы заботы

¹ Goldberg. *The Hazards of Beijing Male*. — New York: Signet, 1976. — P. 3.

о них, которые мужчины были в наибольшей степени способны обеспечить¹.

Феминистский ответ рассматривает все это совершенно иным образом. Согласно утверждению *Барбары Эренрейч*, мужчины начали мятеж против своих прежних гендерных ролей еще раньше женщин².

Вплоть до периода, начавшегося тридцать или сорок лет назад, от мужчины обычно ожидалось, что он женится и будет поддержкой для своей жены; на любого, кто поступал иначе, смотрели в некотором смысле подозрительно. Однако в какой-то момент мужчины стали более осторожными относительно втягивания себя в брачные узы и связанные с этим экономические требования. Они сохранили ориентацию на свой экономический успех, но уже не убеждены с прежней необходимостью, что они должны работать на других. Чтобы оставаться свободным, мужчина должен оставаться одиноким; он мог бы наслаждаться плодами своей работы и без социальных требований со стороны жены или установленного дома. С точки зрения автора указанной выше работы, битники и хиппи, появление которых поставило под вопрос протекающую в тяжелой работе жизнь традиционного мужчины, еще более усилили уже протекавшие изменения, поскольку они презирали брак, дом и домашние обязанности.

Медицина и психология, утверждает Эренрейч, невольно внесли свой вклад в мятеж мужчин; они показали, как и насколько непропорционально мужчины подвержены стрессам и напряжениям современной жизни. В девятнадцатом веке жизненные экспектации мужчин были выше, нежели у женщин; по мере того как сердечные заболевания, рак и другие болезни вытесняли прежние основные недуги, такие как туберкулез и пневмония, а детская смертность становилась редким явлением, средняя продолжительность жизни женщин стала превосходить мужскую. Мужчины стали слабым полом, и в некоторых медицинских кругах этот факт объясняли их потребностью работать усерднее, чем женщины. В частности, тот факт, что сердечно-сосудистые заболевания распространились среди мужчин в большей степени, чем у женщин, стали расценивать как выражение мужских стрессов. Аргументация Голдберга здесь падает на его же голову: «Долгосрочный эффект коронарной паники должен был подорвать претензии женщины на долю зарплаты мужа и, кроме того, предъявить обвинение роли добытчика в том, что она становится “детальной тропой” для мужчин»³.

¹ Goldberg. *The New Male*. — New York: Signet, 1979. — P. 163.

² *Barbara Ehrenreich. The Hearts of Men*. — London: Pluto, 1983.

³ *Ibid.* — P. 86.

Каков же результат? Позиция Голдберга, по мнению Эренрейч, позволяет мужчинам сделать двойное приобретение. Они могут сбросить с себя роль кормильца, не отказываясь от привычек своих экономических привилегий по сравнению с женщинами. «Маска маскулинности» может быть отброшена, и в то же самое время мужчины могут избегать любой долгосрочной занятости домашними делами, сосредоточившись вместо этого на своих собственных удовольствиях. Созданный социальный климат, который одобряет «безответственность, снисходительность к себе и изоляционистское разъединение с претензиями других»¹.

Мужчины завоевали свою свободу, в то время как женщины все еще находятся в ожидании своей. Экономическая независимость, полученная мужчинами, не стала доступной женщинам, которым приходится нести на себе ту ответственность, от которой отказались мужчины. Женщины, в особенности те из них, кто возглавляет семьи с одним родителем, составляют высокую долю среди бедняков. Мужчины перезаключили пакт, который в более ранние эпохи был основой доходов семьи.

Разделение полов

Имея перед собой расхождения в анализах различных авторов, вряд ли стоит удивляться тому, что различаются и предлагаемые ими практические средства. Женщины должны иметь достаточный минимум дохода для обеспечения семейного благосостояния без необходимой помощи мужчин, что среди прочего означает равенство возможностей на рынке труда. Требуется также правительственная поддержка женщин, обеспечение заботы о детях, проезда во время отпуска без оплачиваемой занятости. *Барбара Эренрейч* обдумывает такую возможность, что это могло бы означать тенденцию прогрессивной уступки женщинами своих позиций мужчинам; мужчины будут просто мимоходом проходить сквозь жизни женщин, которые будут составлять подлинный краеугольный камень семьи. Примирение между полами возможно, если оно будет основано на «некой возобновленной лояльности и доверии между взрослыми мужчинами и женщинами», но это далеко не гарантировано².

Почти все рекомендации Голдберга касаются самоидентичности. Мужчинам втолковывается необходимость переопределения своей маскулинности таким образом, чтобы преодолеть те влияния, которые

¹ *Barbara Ehrenreich. The Hearts of Men. — London: Pluto, 1983. — P. 169.*

² *Ibid. — P. 182.*

отделили их от их «внутреннего опыта». Они должны избегать ярлыков, которые могли бы послужить тому, чтобы сохранять рабскую приверженность соблюдению принципов — беспокойство о том, как бы не подумали, что ты трусливый, слабый, неудачник, недоразвитый, импотент или женоненавистник. Они должны культивировать тесную дружбу с другими мужчинами, чтобы обеспечить себе того же типа поддержку, которую способны предлагать друг другу женщины. Для каждого мужчины важно порвать с идеей о том, что женщины, с которыми он вступает в связь, должны быть пассивными и обожаемыми; скорее он должен ожидать развития отношений с женщинами, которые являются автономными индивидами. Мужчинам нужно развивать свои «женские стороны» и «восстанавливать эмоции, потребности в зависимости, пассивность, флюидность, игривость, чувствительность, уязвимость и сопротивляемость всегда предполагаемой ответственности»¹.

Не рвитесь так пылко изменять мир, советует мужчинам Голдберг, измените сначала себя.

Имеются некоторые сомнения по поводу того, что между полами возникают новые эмоциональные антагонизмы. Источники и мужского, и женского гнева уязвляют даже более глубоко, нежели предполагает любая из приведенных выше точек зрения. Фаллос — это всего лишь пенис: насколько это открытие приводит в замешательство и заставляет оцепенеть оба пола! Претензии на власть мужественности зависят от свисающего кусочка плоти, который теперь утратил свою особую, отличительную связь с воспроизводством. Это действительно новая кастрация; женщины могут теперь смотреть на мужчин, во всяком случае, на когнитивном уровне, как на придаток, столь же лишенный функции, как и сам мужской сексуальный орган.

Для мужчины, как указывалось выше, сохранение базового доверия идет из младенчества, связанного с господством и контролем, включая самоконтроль, берущим свое начало в подавляемой эмоциональной зависимости от женщин. Потребность нейтрализовать такие подавляемые желания или разрушить их объект сталкивается с потребностью в любви. В таких обстоятельствах мужчины в большом числе случаев будут отстраняться от женщин и оценивать привязанность как эквивалент ловушки, в то время как уровни мужского насилия по отношению к женщинам могут выходить далеко за пределы обычно наблюдаемых.

Однако амбивалентная зависимость не ограничивается мужским полом. Подпитываемая стыдом ярость является также характеристикой

¹ Goldberg. *The New Male*. — New York: Signet, 1979. — P. 254.

женского психосексуального развития. Превращение фаллоса в пенис подразумевает беспокойство и у женщин, поскольку его роль как сигнифайера важна для их собственного ощущения честности перед самими собой. Женское восхищение мужчинами предполагает, что мужчина способен ускользнуть из-под господства матери; соучастие женщин проистекает из той специфической «ущербности», которая может быть преодолена с помощью любви. Многие женщины, вероятно, тянутся к тем мужчинам, которые в действительности не способны к привязанности. Антипатия к привязанности по тем причинам, которые уже объяснялись, часто максимизирует и его привлекательность, и тот вызов, который он бросает.

Все это оказывало глубокое воздействие на гетеросексуальные связи. На поверхности гетеросексуальный брак сохраняет свои центральные позиции в социальном порядке, делая предыдущее обсуждение лесбийских отношений скорее маргинальным. В реальности он был в значительной степени подорван возникновением чистых отношений и пластической сексуальности. Если ортодоксальный брак все еще не рассматривается как лишь один из жизненных стилей среди других, как это фактически произошло, то это является результатом отчасти институционального лага, а отчасти — сложной смеси привлекательности и отвращения, с которой каждый из полов оценивает физическое развитие другого. Чем более чистые отношения становятся прототипической формой личной жизни, тем более этот парадоксальный ряд аттитюдов плавно переходит во взгляды. Это продуцирует разнообразные формы зависимости и созависимости, но это имеет также схизматические последствия, отмеченные выше.

Некоторые браки все же могут заключаться или сохраняться главным образом во имя производства и воспитания детей. Тем не менее наличие детей — в «первых семьях» или последующих — служит тому, чтобы вносить свои напряжения, равно как и тому, чтобы поддерживать их. Большинство гетеросексуальных браков (и, кстати, многие гомосексуальные связи), которые не приближаются к чистым отношениям, если не впадают в созависимость, то, вероятно, перемещаются в своем изменении в двух направлениях. Одно из них представляет собою версию товарищеского брака. Уровень сексуального влечения супругов друг к другу низок, но в отношении встраивается определенная степень равенства и взаимной симпатии. Это брак позднего модернистского типа, организованный с позиций модели дружбы. Другая форма — та, где брак используется на основе домашнего очага обоими партнерами, которые имеют лишь слабую эмоциональную привязанность друг к другу.

Он отличается от старого «стандартного типа» гетеросексуального брака, в котором мужчина использовал брак как то место, откуда он отправлялся работать, в то время как жена организовывала средства для его оседлого существования. Здесь оба партнера трактовали брак как относительно безопасную окружающую среду, из которой они иногда выходили, чтобы встретиться с более широким миром¹.

И все же каждый из типов, вероятно, изменяет направление взглядов в направлении чистых отношений — и в рамках индивидуального жизненного опыта, и в обществе в целом. Будут ли представители обоих полов расти вместе или отдельно — это будет зависеть от того, насколько далеко заходят и осуществляются чистые отношения на протяжении длительного периода времени. Представленные здесь взгляды Голдберга и Эренрейч имеют — каждый из них — свои недостатки. Эренрейч сводит воедино разнообразие источников своей интерпретации возрастающей безответственности мужчин. Философия «Плейбоя» обсуждается в том же духе, что и взгляды богемы битников, кардиологии, психологии человеческого потенциала А. Маслоу, или попыток обоснования движений мужчин вдоль тех линий поведения, которые отстаивает Голдберг. Все они движутся в направлении «восходящего вероломства», по мере того как мужчины утверждают свою свободу за счет женщин. Но дела обстоят, конечно, более сложно, нежели предполагает ее мнение. Потоки нарциссизма характеризуют некоторые из описанных тенденций, но то же самое делают и некоторые попытки разработать взгляды маскулинности, которые противостоят мужскому господству. Как сформулировано Голдбергом и другими, мужское освободительное движение (в оригинале — *liberationism* — примеч. перев.) признает равенство женщин и мужчин и утверждает необходимость исчезновения связей между маскулинностью и экономической инструментальностью.

То, что Голдберг описывает со стороны мужчин как «улет от привязанности», фактически совпадает с самым началом «привязанности» в ее расхожем смысле, сдвиг в сексуальных отношениях в направлении возникновения чистых отношений. И это является феноменом со смешанными последствиями как раз для мужчин, а не для женщин — особенно если может быть признана скрытая эмоциональная зависимость мужчин от женщин.

С другой стороны, Голдберг недооценивает силу экономических и социальных ограничений, которые удерживают женщину от достиже-

¹ Несколько отличную типологию см. в уже упоминаемой работе: *Shere Hite. Women and Love.* — P. 521–523.

ния паритета в частных или публичных доменах, — это нечто такое, что связано, помимо всего прочего, с тем фактом, что женщины остаются главными по выполнению родительских обязанностей и домашних забот. Патриархат по-прежнему пронизывает весь социальный и экономический порядок. Он недооценивает также силу психических сопротивлений, которые воздействуют на поведение мужчин и женщин, равно как и противоречивый характер психосексуальных формаций. «Почему не может быть сексуальным добрый мужчина, почему не может быть добрым сексуальный мужчина?» — это довод из сердца, а не феминистский отказ принять вполне подразумеваемые смыслы гендерного равенства. Это имеет весьма реальную копию в мужской склонности к эпизодической сексуальности по тем причинам, что были обсуждены ранее.

Никто не знает, насколько пришествие чистых отношений окажется более взрывоопасным по своим последствиям, нежели интегрирование. Трансформация интимности вместе с пластической сексуальностью обеспечивает создание условий, которые могли бы осуществить примирение полов. Однако здесь вовлечено большее, нежели усиление экономического равенства и психическое реструктурирование, хотя достижение их крайне затруднительно. Почему это так — я попытаюсь показать в заключительных главах.

Сексуальность, репрессия, цивилизация

Является ли сексуальность в том или ином смысле ключом к современной цивилизации? Многие, в большинстве своем представители прогрессивной части политического спектра, отвечали на это утвердительно. Во всяком случае, согласно обычным интерпретациям, — хотя они, конечно, не всегда адекватны, — *З. Фрейд* мог бы считаться чем-то вроде исключения, поскольку он связывал свой взгляд на сексуальность с консервативным взглядом на современную цивилизацию. Однако Фрейд часто адаптировал свои идеи, или некоторые из них, с радикальными целями. Да, современная цивилизация репрессивна, но освобождение сексуального выражения от его рамок могло продуцировать эмансипацию далеко идущего типа. Секс, как утверждал *Эдвард Карпентер*, «идет первым, а руки, глаза, рот, мозг следуют за ним; центр живота и бедер излучает знание самости, религии и распущенности»¹.

Секс и репрессия: В. Райх

Вы, distinguished, насмехающиеся надо мной, откуда произрастает ваша политика с тех пор, как вы правите миром? Из ножа произрастает и из убийства!

Так начинается «Слушай, маленький человек!» *Вильгельма Райха*, книга, само название которой отражает параноидальную агрессивность, проходящую через весь ее текст, но которая защищает также видение радикальной социальной реформы, которую Райх неотступно отстаивал всю свою жизнь².

За дерзкую манеру, в которой он бросал вызов власти, Райх подвергался нападкам со стороны различных групп — от ортодоксальных психоаналитиков, религиозных организаций и правительства США до тех,

---

¹ *Edward Carpenter*. Selected Writings, vol. 1: Sex, London: GMP, 1984, frontispiece.

² *Wilhelm Reich*. Listen, Little Man. — London: Souvenir, 1972.

кого сам он порицал как «красных фашистов». Будучи первым и наиболее знаменитым из психоаналитических сексуальных радикалов, Райх видел, как его идеи оплевываются всеми этими группами и далеко за их пределами.

Автор бичевал буржуазный брак и видел в генитальной сексуальности — в ее фрустрации или культивации — ключ к заболеваниям современности. «Маленький человек», к которому он обращался, — это действительно представитель мужского пола, но вовсе не среднестатистический человек с улицы; этот маленький человек — представитель всех тех, кто, включая людей, занимающих властные позиции, являются рабами условностей, невротики, но сами себя считающие здоровыми. Маленький человек, утверждает Райх, прямо выражаясь его словами, «жалкий и маленький, зловонный, импотентный, ригидный, безжизненный и пустой». Он сам себе надсмотрщик, понуждаемый собственным беспокойством к тому, чтобы воспрепятствовать другим, чтобы они не заявили о своих свободах.

Невроз маленького человека автор выводит из проклятия сексуальной энергии; однако он далек от пропаганды сексуальной вседозволенности, в которой обвиняли его враги.

«Ты, маленький человек», — провозглашал он, — ...ты гонишь свои автомобили и поезда через мосты, изобретенные великим Галилео. Знаешь ли ты, маленький человек, что великий Галилео имел трех детей, прижитых без брачной лицензии? Этого ты не рассказываешь своим школьникам. И разве ты не пытал Галилео и по этой причине тоже?..

Ты и не подозреваешь о том факте, что именно твой порнографический ум и твоя сексуальная безответственность ввергли тебя в оковы твоих брачных законов...

У тебя нет женщины, а если есть, то ты «укладываешь» ее для того, чтобы удостовериться в себе «мужчину». Ты не знаешь, что такое любовь...

Ты знаешь, и я знаю, и все знают, что ты ходишь вокруг в непрерывном состоянии сексуального голода; что ты жадно смотришь на любую представительницу другого пола; что ты говоришь со своими друзьями о любви на языке сальных шуток... Однажды ночью я слышал, как ты и твои друзья шли вдоль по улице и вопили в унисон: «Мы хотим женщин! Мы хотим женщин!»¹.

Райх противопоставлял сексуальность власти и в царствовании маленького человека усматривал истоки того авторитаризма, которому он так неистово сопротивлялся. Соответствующим образом выраженная

¹ *Wilhelm Reich*. Listen, Little Man. — London: Souvenir, 1972. — P. 43, 61.

сексуальность — это главный источник счастья, а всякий, кто счастлив, свободен от жажды власти. Тот, кто обладает «чувством живой жизни», обладает автономией, которая приходит от воспитания собственных потенций. Сексуальность, ориентированная на «любовные объятия», обеспечивает путь вне господства — дорогу, как говорит Райх, к свободе от оков неодолимого сексуального желания. Вместо «ведомой сексуальности», сексуальности, которая стремится «ущипнуть зад каждой официантки», люди должны стать «открыто счастливыми в своей любви»¹.

Каким образом может быть осуществлена такая ситуация? Вовсе не с помощью политических реформ, утверждает он, но с помощью реформ массового характера. По Райху, характер — это оборонительное образование, защитная «броня», вырабатываемая для того, чтобы противостоять превратностям жизни. Он описывает характер как хроническую деформацию эго, которое принимает жесткую форму. Эта броня, которую разрабатывает личность, защищает ее от внешних и внутренних опасностей, хотя и немалой психической ценой; она разрабатывается как блокирование либидо. «Затвердевание эго» является результатом целого ряда различных процессов. Идентификация с фрустрирующей реальностью или, более специфично, — с индивидами, которые представляют эту реальность, придает бронированию эго значимое содержание. Агрессия, генерируемая путем фрустрирования другого, продуцирует тревогу, которая обращается против самого себя; поэтому энергетические потоки индивида блокируются от своего моторного выражения и становятся тормозами. Такие энергетические потоки втягиваются в отражение сексуальных импульсов, которые всплывают на поверхность лишь принудительным образом.

Терапевтический метод Райха включает в себя прокалывание брони характера путем подрыва «невротического равновесия» индивида. Для многих людей способность к спонтанному наслаждению, которая имеет свои истоки в сексуальном удовольствии, искажена садизмом, алчностью и эгоизмом. Характер — это показатель неискренности, который, однако, может измениться таким образом, чтобы продуцировать счастье. Невротическое равновесие может быть сломано через освобождение либидо от пре-генитальных фиксаций. В ходе курса терапии реактивируется детское генитальное беспокойство, но как средство восстановления «оргастической потенции», утраченной в результате искаженного психосексуального развития².

¹ *Wilhelm Reich*. Listen, Little Man. — London: Souvenir, 1972. — P. 111–112.

² *Wilhelm Reich*. Character Analysis. — London: Vision, 1950.

Согласно Райху, Фрейд писал свою «Цивилизацию и ее неудовлетворенности» в какой-то степени как опровержение «опасности», представленной в интерпретации современности самим Райхом¹.

С точки зрения Райха, Фрейд ошибочно приравнял современные институты к цивилизации вообще. Предвосхищая путь, позднее вычерченный Г. Маркузе, Райх говорит, что современная культура специфически репрессивна; но он отвергает идею об инстинкте смерти, утверждая, что деструктивность проистекает из фрустрированного либидо. Фрейд преднамеренно стремился подорвать возможности сексуального освобождения, блокируя подразумеваемый смысл своих собственных идей².

В этом утверждении есть определенная истина. В противовес тезису Фуко, что Фрейд смешивает предпосылку современности с сексуальностью, в своих более поздних работах Фрейд преднамеренно выставляет напоказ свой более ранний «преувеличенный» акцент на либидо. Его примеру последовало большинство представителей психоаналитической профессии, даже там, где они отрицают инстинкт смерти. Райх рассматривал себя как защитник истинной веры. Современное общество патриархально, и его упор на моногамный брак служит развитию авторитарных черт характера, поддерживая тем самым систему эксплуатации. За этим феноменом в ранней истории стоит решающий переход от матриархального общества, в котором была неизвестна репрессия детской и юношеской сексуальности.

Райх был убежден, что социополитическая реформа без сексуального освобождения невозможна: свобода и сексуальное здоровье — это одно и то же. Выступая защитником равенства сексуального выражения для женщин, он уделил особое внимание сексуальным правам детей и юношества. Детям должны быть предоставлены права заниматься сексуальной игрой с другими и мастурбировать; они также должны быть защищены от господства родителей. Юношество должно иметь возможность удовлетворять свои сексуальные потребности самым распущенным образом, для того чтобы оно могло стать агентом будущих социальных изменений. Гомосексуальность Райх расценивал как продукт расстроенного либидо; он считал, что она исчезнет с прогрессивным освобождением сексуальности так же, как и порнография.

¹ Wilhelm Reich. *The Function of the Orgasm*. — New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1961. — P. 165–168.

² Wilhelm Reich. *The Sexual Revolution*. — New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1962. — P. 274 ff.

Более поздние работы Райха рассматривались многими как эксцентричные идеи человека, повредившегося к концу своей жизни в рассудке. Тем не менее направление их развития представляется достаточно важным, и фактически между его ранними и поздними работами имеется сильная преемственность. Его долго подозревали в том, что он является проповедником фрейдистского толка. Свободная ассоциация, согласно Райху, часто скорее уводит от проблем личности, нежели помогает раскрыть их. Он пришел к выводу, что тело и его склонности имеют свой собственный язык выражения; для того чтобы произвести правильную оценку индивида, терапевт должен попросить его некоторое время не говорить. «Потому что коль скоро пациент прекращает говорить, становится ясно выраженным телесное выражение эмоций». «Оргонотерапия» основана на продвижении сексуальной экспрессивности через генитальный оргазм. Однако лежащая в основе этого цель состоит в том, чтобы позволить индивиду выражать себя соматически, таким образом чтобы «язык был исключен в очень высокой степени»¹.

Идея Райха о том, что энергия индивида заключена в мускулатуре индивида, несет в себе остатки взглядов девятнадцатого века на истерию, а также предвосхищает идею «стресса» как физической патологии в нынешнем столетии. Более значимо: рефлексивный контроль над телом осознается как центр психологических затруднений. Здесь нет исповедальни: Райх отказался от роли проповедника в пользу программ релаксации, массажа и рассеяния телесного напряжения.

Герберт Маркузе

Маркузе также стремился распознать «скрытую в психоанализе тенденцию» к радикализму².

Критически настроенный по отношению к *Эриху Фромму* и другим «ревизионистам», Маркузе пытался, подобно Райху, вскрыть в работах Фрейда освободительный потенциал. Вся цивилизация предполагает «базовую репрессию» побуждений жизни и смерти, но в современном обществе требования экономической дисциплины вводят историческую и необязательную тему репрессии. Приспосабливаясь к фрейдистскому «принципу реальности», индивид фактически соответствует неизбежности форм эксплуататорского господства.

Интерпретация, которую дает Фрейду Маркузе, имеет что-то общее с версией Лакана, хотя конечные результаты весьма различны. Как

¹ *Reich Character. Analysis.* — London: Vision, 1950. — P. 362.

² *Herbert Marcuse. Eros and Civilization.* — London: Allen Lane, 1970. — P. 11.

и Лакан, Маркузе подвергает критике психологию эго и делает сильный акцент на бессознательном. Однако, в противоположность Лакану, Маркузе убежден, что восстановление бессознательного предлагает мощное средство для радикальной социальной критики; согласно Маркузе, именно благодаря эго психология принимает мир таким, как он есть. Обращаясь к инстинктам во фрейдистском смысле этого понятия, мы можем раскрыть механизмы социальной репрессии и можем также придать смысл освободительному обещанию современности.

Ключевыми концептуальными движениями в диагнозе, который дает Маркузе возможности эмансипации, являются разделение репрессии на основную и дополнительную и дополнение принципа совершенства принципом реальности. Другими словами, некоторые формы репрессии проистекают из «аскетизма внутреннего мира» и могут быть рассеяны, когда совершается выход за пределы этих институтов. Они являются «дополнением к требованиям» в психологическом смысле. Исполнительный принцип есть принцип, подразумеваемый в столкновении не с «реальностью» как таковой, а скорее с неустойчивой исторической реальностью конкретного социального порядка. То, что Маркузе, к примеру, описывает как «моногамно-патриархальную» семью, является дополнительной репрессией. Однако он концентрирует значительную часть своего внимания на дополнительной репрессии в контексте рабочего места.

Эмансипация по Маркузе связана с первичностью удовольствия, которую он резко отделяет от гедонизма. Дисциплина современного труда возможна лишь до той степени, в которой тело де-эротизировано; если бы допустить, чтобы добавочная репрессия нашла свое убежище в либидо, это было бы угрозой или вообще разрушением этой дисциплины. Гедонизм, утверждает Маркузе в одной из своих ранних работ, «воплощает правильное суждение об обществе». Преследование чувственного наносит удар в сердце добавочной репрессии и поэтому имеет изначально критическую заостренность. Гедонизм тем не менее анархичен и имеет освободительный смысл только в том случае, если связан с истиной. Истина в этом смысле совершенно отлична от понятия Фуко «истины» сексуальности: это удовольствие, перестроенное в соответствии с нормами счастья и эстетической оценки. Поскольку счастье, как соглашается Маркузе с Платоном, это удовольствие, «подчиненное критерию истины»¹.

По поводу одного интересного пассажа в работе «Цивилизация и ее неудовлетворенности» Маркузе указывает, что Фрейд связывает ре-

¹ *Herbert Marcuse. On hedonism, in Negotiations. — London: Allen Lane, 1968.*

прессивный характер цивилизации не с сублимациями инстинктов как таковыми, а с эксклюзивностью сексуальных отношений. «Половая любовь, — говорит Фрейд, — это связь между двумя людьми, в которой третий может быть лишь мешающим или лишним»¹.

Пара любовников не заинтересована больше ни в ком; цивилизация не может примириться с этим, потому что она зависит от отношений между более крупными группами людей. Фрейд здесь репродуцирует как бы традиционный протест против *amour passion*. Тем не менее, как правильно помечает Маркузе, сексуальная любовь может быть освобождающей в двояком смысле: когда она используется, чтобы уважать другого как равного себе, любовь разрушает каркас патриархально-моногамной семьи, но она также оказывается позитивно совместимой с более широким социальным гражданством. «Свободный Эрос» не только совместим с «продолжительными социетальными отношениями», но является самим условием их².

Маркузе постоянно использует Фрейда против него самого, чтобы продемонстрировать, что фрейдистская интерпретация физических требований современности столь же революционна, сколь и консервативна. Так, Фрейд утверждает, что первичный нарциссизм выживает в современной цивилизации не только в качестве невроза, но и как нечто вроде «альтернативной реальности». В особенности, хотя не исключительно, в отношении сексуальности нарциссизм может порождать океаническое чувство «единства со вселенной». Нарциссизм обычно понимают (и здесь можно добавить — не только Фрейд, но и современные культурные критики, наподобие *Кристофера Лаша*, равно как и Фуко в его картине калифорнийского культа самости) как защитную адаптацию к более обширному миру через уход от него, что открывает возможность для трансценденции. Нарциссизм «может стать источником и резервуаром для нового либидного катехизиса объективного мира, трансформируя этот мир в новый способ бытия»³.

Маркузе резко отличается от Фрейда в своей оценке природы генитальной сексуальности. Фрейд предполагал, утверждает Маркузе, что сексуальное возбуждение ребенка приобретает форму телесно обобщенного эротизма, который позднее фокусируется на гениталиях как нормальный процесс психосексуального развития. Фактически, как отмечалось в Главе 7, Фрейд утверждал, что фокусирование на гени-

¹ Цит. по *Marcuse. Eros and Civilization*. — London: Allen Lane, 1970. — P. 48.

² *Ibid.* — P. 49.

³ *Ibid.* — P. 138.

тальной сексуальности характерно для мальчиков; девочки принуждаются к более диффузному эротизму. С точки зрения Маркузе, Фрейд не удалось понять, что прогрессия к генитальной сексуальности является ограничением возможностей наслаждения, налагаемым современным социальным порядком. «Генитальная тирания» проистекает из того факта, что те части тела, которые требовались для индустриального труда, лишались либидо. Ре-сексуализация тела вместе с восстановлением изначального значения эротизма, которое связано с эстетическим оцениванием, требуется как часть революционного изменения. Маркузе не вполне одобряет пластическую сексуальность, но вместо этого он подвергает оценке «извращения», включая гомосексуальность, как и бихевиористские критики режима генитальной сексуальности. Они отмечают очаги сопротивления подчинению сексуальной активности целям воспроизводства¹.

По Маркузе, как и по Фрейд, инстинкт смерти не является всецело разрушительной силой. Человеческая креативность является следствием смешения инстинктов жизни и смерти, и проблема современной цивилизации состоит в том, что инстинкт смерти стал отделенным от своего необходимого взаимодействия с энергией либидо. Танатос² стал инкорпорированным в ригидный механический характер современной дисциплины, которая пропитывает больше, чем одно лишь рабочее место.

Преодоление отчуждения труда высвободит добавочную репрессию и также заново свяжет инстинкт смерти с источниками сексуального наслаждения. Избавление от тяжелого труда сделает возможной ре-эротизацию не только тела, но и природы. Поскольку превосходство генитальной сексуальности связано с инструментальным взглядом на природное окружение. «Не-репрессивная сублимация» станет базисом для возобновления гармонии с природой³.

Маркузе утверждает, что не-репрессивная культура — та, что сохраняет только базовую репрессию, — будет в какой-то степени регрессивной в психическом смысле. Это будет изменением цивилизации, которое является в то же время преодолением, движением назад, для того чтобы прогресс продвигался вперед. Освобожденный от «секса» эрос обладает культурно встроенными возможностями, выходящими далеко за пределы тех, что доступны нынешнему обществу. Настолько, насколько может позволить политическая теория, Шарль Фурье может

¹ Цит. по Marcuse. Eros and Civilization. — London: Allen Lane, 1970. — P. 164–166.

² Инстинкт смерти. — Примеч. ред.

³ Herbert Marcuse One-Dimensional Man. — London: Alen Lane, 1972.

научить нас большему, нежели Маркс. Доставляющая удовольствие кооперация, основанная на *attraction passionée* (страстная привлекательность — *примеч. перев.*), не на страстной любви, а на расцвете Эроса в коммуникативной любви и дружбе, станет доминирующим посредником социальности.

По словам Маркузе, «с трансформацией сексуальности к Эросу жизненные инстинкты развертывают свой чувственный порядок, поскольку разум становится чувствительным в той степени, в какой он постигает и организует необходимость с точки зрения защиты и обогащения инстинктов жизни... репрессивный разум дает способ новой рациональности удовольствия, в которую конвергируют разум и счастье»¹.

Возможности сексуального радикализма

Главным источником трудности для кого угодно, кто, подобно Райху и Маркузе, утверждает, что современная цивилизация неотъемлемо репрессивна, является сама публичная зачарованность сексом, которую отмечает Фуко. Зрелость современных институтов ассоциируется не с возрастанием принуждения, а с увеличением его влияния почти повсюду. Сексуальная вседозволенность — это вовсе не то же самое, что освобождение. Коммерциализация сексуальности вездесуща, но эротизм более или менее полно укрыт от взгляда. Антагонизм, с которым сексуальность расценивалась на более ранних фазах развития Запада, активно предпочтительнее, как утверждает Маркузе, «сексуальной свободы», которая скрывает свой гнет под глянцем наслаждения. Прежде сохранялась осведомленность о том, чего мы лишались; мы выглядим свободнее, но фактически живем в покорности.

Кто защищает сегодня идеи Райха и Маркузе?

Очень немногие, и было бы поучительно спросить, почему. Фуко мог бы заявить, что они были обмануты репрессивной гипотезой. Каждый из них был убежден, что современные общества зависят от высокого уровня сексуального подавления, отмеченного прежде всего в викторианскую эпоху. Они ошибались в этом предположении, и поэтому остальные их идеи подозрительны. И все же, оставив в стороне репрессивную гипотезу, разрыв между взглядами Райха, Маркузе и Фуко не столь широк, как можно было бы подумать. Репрессивная десублимация — это не то понятие, которое использует Фуко, и оно чуждо его мысли; но для него, как и для других, дозволенность современной эпохи —

¹ Marcuse. *Eros and Civilization*. — London: Allen Lane, 1970. — P. 179–180.

это феномен власти, и он не является дорогой к эмансипации. «Возможно, когда-нибудь, — размышляет Фуко, — будет различная организация тел и наслаждений»¹.

Маркузе и Райх согласились бы с этим, хотя оба они обладают гораздо более полным, нежели Фуко, взглядом на то, как это могло бы осуществиться.

Чтобы охватить ограничения (а также то, что имеет, как мне представляется, постоянную важность) взглядов «социальных радикалов», следовало бы бросить взгляд куда-то еще, помимо Фуко. В работах Райха и Маркузе мало говорится о гендере или об изменениях, оказывающих влияние на развитие любовных отношений в современном социальном порядке. Райх довольно много писал о любви, равно как и о патриархальной семье. Следуя Фрейдю, во всяком случае, в этом отношении, он утверждал, что хорошая жизнь должна выстраиваться вокруг «трех столпов» — любви, работы и знания. Тем не менее ни в его работах, ни в работах Маркузе мы не найдем какой-либо систематической теории гендера и любви, на которую сами они оказывают революционное влияние. Сексуальность обычно описывается, как если бы она была андрогинной — результат, прямо следующий из концепции либидо, которая анонимна в отношении гендера. Кажется, Маркузе просто игнорировал фрейдов анализ различных путей психосексуального развития. Хотя и Райх, и Маркузе с энтузиазмом поддерживали женское движение, ни один из них не встраивал в свои работы интерпретации влияния, оказываемого теми сражениями, которые ведут женщины в домашнем окружении и где угодно еще. Обескураживающей чертой содержания работ Маркузе является упущение интереса к любви, хотя моментальное размышление напомнит читателю, что такое отсутствие — это характерная черта большинства версий социальной теории. Неприятности современности, на которых делает акцент Маркузе, по большей части связаны с теми сферами, в которых доминирует мужчина. Следует предполагать, что любовь еще раз оказалась за сценой (за кулисами) как специализация женщин, которую она фактически и стала. На авансцене существует лишь мир оплачиваемой работы, воспринимаемый в качестве само собой разумеющегося мужского предприятия. Стоит ли удивляться, что бремя современности, как его изображает Маркузе, сильно резонирует с «ущербной маскулинностью», как ее интерпретируют Голдберг и другие?

¹ *Michel Foucault. The History of Sexuality, vol. 1: An Introduction.* — Harmondsworth: Pelican, 1981. — P. 159.

У Маркузе не содержится объяснения источников сексуальной вседозволенности, которую он подвергает суровой критике. Не содержится их, как мне кажется, ни у Райха, ни у кого-либо еще, кто начинает с фрейдовской теории цивилизации и репрессии, как бы ни была она радикальна. Потому что радикализовать Фрейда означает показать: то, что он принимал за характеристики цивилизации вообще, в действительности является специфичным лишь для современного порядка. Этот порядок представлен гораздо более монолитным и сопротивляющимся изменениям, нежели он является в действительности. Если бы современные институты в самом деле зависели от сексуальной репрессии, это привело бы к усилению, а не упадку их дальнейшего развития. Утверждение, что «вседозволенность» является разрушающей формой сексуальности, дает ярлык процессу нарастающей либерализации, но не объясняет, каким образом это могло бы произойти. Более того, эти мыслители не видят в этой либерализации признаков прогресса; рост сексуальной вседозволенности не угрожает сооружением, которое укроет нас во всеохватывающей дисциплинарной системе.

Фуко имеет в качестве самого исходного пункта западную озабоченность сексом и в дополнение к этому роняет сомнение в идее репрессии. Сексуальная озабоченность, включая само изобретение «сексуальности», является результатом распространения надзора как средства зарождающейся власти. Такая власть ранее была сконцентрирована на теле как на машине — отголосок *Макса Вебера*, а здесь даже Маркузе, а позднее — на биологических процессах, воздействующих на репродукцию, здоровье, продолжительность жизни. Современные общества основаны не на власти отбирать жизнь, как это было в пре-модернистских обществах, а на власти развивать ее, «инвестировать ее все далее и далее (в оригинале — *through and through* — *примеч. перев.*)»¹.

Можно было бы сказать, что первое влияние обозначает принятие Фуко аскетизма, в который предположительно погружена современная социальная жизнь. Как излагает Фуко, «контакт между жизнью и историей», который представляет второй элемент, это опять же нечто иное. Потому что человеческие существа золотого века жили под печатью гнета природы. Природное окружение удерживало власть над человеческой активностью; демографический рост в значительной степени управлялся капризами природы. Однако, начиная приблизительно с восемнадцатого века и далее, эти процессы во все возрастающей степени подчинялись человеческому контролю.

¹ *Michel Foucault. The History of Sexuality, vol. 1: An Introduction.* — Harmondsworth: Pelican, 1981. — P. 139–142.

Интерес к сексу приобрел такое выдающееся значение потому, что он, согласно Фуко, формировал основное связующее звено между этими двумя влияниями на телесное развитие. Он «был средством доступа и к жизни тела, и к жизни рода». Вот почему «сексуальность отыскивалась в мельчайших деталях существования индивидов; она прослеживалась в поведении, преследовалась во снах; ее подозревали лежащей в основе малейших безрассудств, ее возводили к самым ранним периодам детства»¹.

Развертывание сексуальности как власти сделало секс тайной, но также, с точки зрения Фуко, конституировало «секс» как нечто желанное, чем мы должны заниматься для установления своей индивидуальности. Критика Райхом сексуальной репрессии, согласно Фуко, была узником того самого, что он стремился освободить. Сам факт, что в сексуальном поведении с девятнадцатого века произошло столь много сдвигов, не сопровождаемых другими изменениями, предвосхищаемыми Райхом, указывает на то, что эта «антирепрессивная» борьба является частью сферы самой сексуальности, а не испровержения ее².

И все же требуется собственный взгляд Фуко, уже подвергавшийся критике в Главе 2. То, что Фуко называет властью — той «властью», которая таинственным образом создает вещи из собственной воли, — было в некоторых фундаментальных отношениях властью гендера. Это были именно те женщины, лишённые энергии и выхваченные из самых сердцевин современности, чья способность к сексуальному наслаждению отрицалась, — и это в то самое время, когда они начинали конструировать инфраструктурную революцию. Любовь вместе с тем аффективным индивидуализмом, о котором говорит *Лоуренс Стоун*, была в центре изменений семейной организации и была также достаточно важной в других трансформациях, оказавших воздействие на интимную жизнь. Эти изменения исходили не от государства или, в более общем смысле, не от административной власти. Если бы принимать положение вещей таким, каким оно должно быть, признавая, что власть является дистрибутивной, равно как и порождающей, то мы могли бы сказать, что они извлекаются не столько из власти, сколько из недостатка ее.

Фуко предлагает специфическую интерпретацию того, почему принудительная форма биоэнергетики сменилась иной формой, более динамичной. Над первой доминировало требование создавать податливую рабочую силу; вторая соответствовала более поздней фазе развития

¹ *Michel Foucault. The History of Sexuality, vol. 1: An Introduction.* — Harmondsworth: Pelican, 1981. — P. 146.

² *Ibid.* — P. 130–131.

в двадцатом веке, при которой энергия труда не подвергалась такой же степени прямого контроля. Под воздействием такого перехода сексуальность стала каналированной в разнообразие социальных круговоротов и посредством этого — более или менее всепроникающей.

Эта идея, конечно, не выглядит убедительной, даже если она относится лишь к сексуальному поведению, понимаемому в узком смысле, не говоря уже об изменениях, оказывающих более общее воздействие на личные отношения. Она предполагает, что наша зачарованность сексом коренится в явной экспансии сексуальности как дискурсивного феномена, который проникает в области, в которых она прежде отсутствовала. Я не убежден, что биоэнергетика, как описывает ее Фуко, объясняет изменения в сексуальных аттитюдах и взглядах, описанных в предыдущих главах. Такие изменения являются — по меньшей мере, в какой-то своей части — результатом борьбы, и невозможно отрицать, что здесь включены некие элементы эмансипации. Возможно, не эмансипации, во всяком случае в той манере, как рассматривают ее Райх и Маркузе, но и не просто борьбы с опутывающей паутиной, как предполагает Фуко. Женщины, в частности, достигли сексуальных свобод, которые, какой бы все еще частный характер они ни носили, все же заметны в сравнении даже с тем, что было несколько кратких десятилетий назад. Каким бы ограничениям и искажениям они ни подвергались, существует гораздо более открытый диалог о сексуальности, в который фактически вовлечено население в целом в гораздо большей степени, нежели это представлялось постижимым прежним поколениям.

Институциональная репрессия и вопрос сексуальности

Поэтому давайте обдумаем еще раз связь между сексуальностью и властью, начав с утверждения, что власть как таковая не делает ничего. Производительные аспекты власти, такие как ее дистрибьютивные (распределительные (от *distributive*) — *примеч. перев.*) характеристики, связаны со специфическими свойствами социальной организации, с деятельностью групп и индивидов, находящихся в определенных обстоятельствах, равно как и с изменяющимися контекстами и способами институциональной рефлексивности.

Сексуальность не была создана ни «властью», ни распространением самой сексуальности, во всяком случае, она каким бы то ни было прямым образом не являла собою результат особой важности ее для такой «власти».

На мой взгляд, не существует такой вещи, как биоэнергетика (или «био-власть» (*biopower*) — *примеч. перев.*), во всяком случае в том родовом смысле, в каком воспринимает ее Фуко.

Вместо этого мы можем различать несколько нитей организационной и личностной трансформации в развитии современных обществ. Административное развитие современных институтов должно быть отделено от социализации природы и воспроизводства — фундаментальных процессов — и прямо связано с сексуальностью, а не подвергаться анализу в той манере, которую предлагает Фуко. Они в свою очередь должны различаться от рефлексивного проекта самости и связанных с ним инноваций в личной жизни.

Оценивая воздействие надзора, можно согласиться с Фуко, что сексуальность, как и большинство других аспектов личной жизни, оказалась охваченной экспансией властных систем и реструктурированной ими. Современные организации, включая государство, проникают в местные деятельности такими путями, которые были неизвестны в пре-модернистских культурах. Дискурсы науки, включая социальную науку, были прямо замешаны в этом. Тем не менее, как утверждалось ранее, создание административной власти — это явление гораздо более диалектическое, нежели допускает Фуко. Пространства для мобилизации и компенсации продуцируются самой экспансией надзора. Общество развитой институциональной рефлексивности — это весьма загруженное общество, делающее возможными такие формы личной и коллективной занятости, которые весьма существенно изменяют сексуальный домен.

Можно утверждать, что характерным для современности является движение к созданию внутренне референтных систем — порядков деятельности, детерминируемых принципами, внутренними для них самих¹.

Определенные специфические области социальной жизни в пре-модернистских культурах имели тенденцию управляться «внешними» влияниями (иногда достаточно устойчивыми — как принимаемые по традиции само собой разумеющиеся феномены, однако включавшие в себя также биологические и физические факторы). Однако с развитием современных институтов они стали все более и более подвержены вмешательству социальных институтов. Поэтому изобретение «девиации» социализировало смешанный ряд внешних характеристик, среди которых были бедность, бродяжничество и сумасшествие, и все они однажды были приняты как естественные параметры существова-

---

¹ *Anthony Giddens. Modernity and Self-Identity. — Cambridge: Polity, 1991, ch. 5 and passim.*

ния, как «волею Божьей». Девнация была социально конституирована и в то же самое время отделена от главных областей социальной активности через процесс своеобразной изоляции (карантина). Подобно этому, болезнь и смерть как «ограничивающие» точки влияния биологического на социальное становились все более социализированными и сокрытыми от взгляда.

Секвестрированная природа и сексуальность решающим образом связаны между собою через социализацию воспроизводства. Поскольку современная контрацепция является наиболее очевидным технологическим выражением репродукции как внутренне соотносимой системы, это не является ее изначально движущей силой. Это имеет свой главный источник в самом отделении репродукции от мальтузианских условий, которые упоминает Фуко¹.

Коль скоро размеры семьи начинают тщательно ограничиваться — причем это выглядит как нечто такое, что развивается главным образом изнутри самой семьи, — репродукция начинает управляться прежде всего желанием воспитывать детей в качестве автономного интереса. Изобретение детства и материнства имеют здесь свои источники. «Сексуальность» не имела отдельного существования, пока сексуальное поведение было привязано к репродукции и деторождению. Сексуальная активность разделялась между ориентацией на репродукцию и на *ars erotica* — тот раскол, который также классифицировал женщин на чистых и нечистых.

Сексуальность становится свойством индивида в тем большей степени, чем более становится внутренне согласованным сам жизненный цикл и чем более самоидентичность понимается как рефлексивно организованное стремление. Будучи конституированной в такой домен, сексуальность также отступает на задний план, становясь укрытой от взглядов в физическом, равно как и в социальном смысле. Она теперь становится средством выковывания связей с другими на основе интимности, не опираясь более на непреложный порядок родства, сохраняемый через поколения. Страсть, изъятая из *amour passion*, становится секуляризованной и реорганизованной как комплекс романтической любви; она приватизируется и переопределяется.

То, что может быть определено как «секвестрование опыта»², является следствием все более радикального разрыва институтов современности с традицией и возрастающим вторжением их систем контроля в существовавшие прежде «внешние границы» социального действия.

¹ Cf. *Mitchell Dean*. *The Constitution of Poverty*. — London: Routledge, 1991.

² *Ibid.*

В качестве своего следствия оно имеет исчезновение тех моральных и этических очертаний, которые связывали социальную деятельность с трансцендентальностью, с природой и репродукцией. Они, в сущности, обмениваются на рутинную безопасность, которую предлагает современная социальная жизнь. Смысл онтологической безопасности изначально исходит из самой рутины; всякий раз, когда установленные рутины прорываются, индивид становится морально и психологически уязвимым. Из всего, что было сказано до сих пор, ясно, что такая уязвимость не является нейтральной в отношении гендера.

Изоляция (в оригинале — *sequestration* — *примеч. перев.*) является формой репрессии, «забывания», но она не предполагает постоянно возрастающего бремени вины.

Взамен этого механизмы стыда, связанные с рефлексивным проектом самости, переплетаются с механизмами, включающими в себя чувство беспокойства за вину, но не вытесняют их полностью. Возрастающая склонность к переживанию стыда — чувства, что ты ничего не стоишь, что твоя жизнь пуста и что твое тело неадекватно устроено, — преследует распространение внутренние соотнесенных систем современности. Рефлексивный проект самости, который несет в себе так много возможностей для автономии и счастья, должен быть принят в контексте рутин, в значительной степени лишенных этического содержания. Сексуальная активность подвержена тому, чтобы оказаться преследуемой той «пустотой», тем поиском едва уловимого чувства совершенства, которое воздействует на оба пола различным образом. Для многих мужчин это беспокойное стремление к преодолению настроений неадекватности, которое столь глубоко ранило маленького мальчика, который должен отказаться от своей матери. Для женщин гораздо более значимым является тот «поиск романа» с недоступным, но желаемым отцом. Однако в обоих случаях имеет место страстное желание любви.

Современность как навязчивая идея

Здесь мы должны сделать паузу, чтобы рассмотреть, что же могло бы действительно означать, когда мы говорили о том, что в современной культуре имеет место озабоченность сексуальностью. В качестве одной из интерпретаций этого, в духе Маркузе, можно было бы проследить сферу потребления (в оригинале — *commodification*, то есть процесс, посредством которого товары и услуги во все возрастающей степени производятся для рынка — *примеч. перев.*), где такая озабоченность очевидна.

Сексуальность порождает наслаждение; а наслаждение или, по крайней мере, обещание его, служит в капиталистическом обществе рычагом рыночных товаров. Сексуальное воображение является на рынке почти повсюду как разновидность гигантского дела продажи; можно было бы утверждать, что превращение секса в товар является средством отвлечения внимания масс от их истинных потребностей. Выпячивание сексуальности тогда можно было бы интерпретировать с точки зрения движения от капиталистического порядка, зависящего от труда, дисциплины и самоотверженности, к такому порядку, который поощряет консюмеризм (в оригинале — *consumerism* (потребительство) — *примеч. перев.*), а потому — гедонизм.

Однако ограниченность такой идеи достаточно очевидна. Она не объясняет, почему сексуальность должна так выпячиваться; если секс выступает могущественным помощником консюмеризма, он, уже в силу этого, должен быть ведущим интересом. Наслаждение ограждено слишком многими противостоящими тенденциями, чтобы сделать правдоподобной идею о том, что сексуальность формирует центральный пункт гедонистического потребительского общества.

Другая точка зрения могла бы еще раз быть заимствована из Фуко. Секс будет нашей «истиной», сердцевинной обобщенного исповедального принципа современной цивилизации. Я уже выдвигал предположения о причинах, по которым этот взгляд не может выйти на уровень анализа; взятый как описательная характеристика современной культуры, он также совершенно неубедителен. Мысль Фрейда была немедленно оспорена представителями других направлений терапии, которые усомнились в той решающей важности, которую он присваивал сексу. Идея «секса как истины» была в определенной степени прогрессом, но едва ли можно утверждать, что она стала движущим принципом современной мысли в целом.

Третья интерпретация могла бы указать на феномен пагубного пристрастия к сексу. На центральное место сексуальности в современных обществах указывают принудительные свойства сегодняшнего сексуального поведения. Можно было бы сказать, что такая принудительность с очевидностью проявляется в широко распространенном пагубном пристрастии к порнографии, непристойным журналам, фильмам и другим медиапродуктам, а также в настойчивом поиске сексуальных переживаний, которым многие посвящают свое время. В описательном смысле это более адекватно, но мы тем не менее должны задаться вопросом, каковы источники этой ситуации, равно как и рассмотреть, каким образом приходит к такому положению дел общество, предположительно базирующееся на сексуальном подавлении.

Я думаю, что эти головоломки могут быть разрешены следующим образом. Сексуальность стала изолированной или приватизированной как часть процессов, благодаря которым было изобретено материнство, и стала базовым компонентом сферы деятельности женщин. Изоляция (секвестрование) сексуальности в значительной степени произошла в результате скорее социального, нежели психологического подавления и затрагивала, помимо всего прочего, две вещи: ограничение или отрицание женской сексуальной отзывчивости и обобщенного восприятия мужской сексуальности как неproblemатичной. Эти эволюции были переработками прежних разделений между полами, в особенности раскола между чистыми и нечистыми женщинами, но они были перелиты в новый институциональный формат. Чем больше сексуальность отделялась от репродукции и интегрировалась в рамках рефлексивного проекта самости, тем более напряженной становилась эта институциональная система подавления.

Женщины становились *де-факто* ответственными за управление трансформацией интимности, которую насаждала современность. Система институционального подавления была с самого начала подвержена напряженности вследствие исключения женщин из публичной сферы. Исследования природы женщин, которые выполняли мужчины, как раз и не были выражением традиционной сексуальной непохожести; они были экспедициями в неведомые области самоидентичности и интимности как заново упорядоченные сферы социальной жизни — те, в которые мужчины были слабо вхожи. Поэтому сексуальность действительно стала делом первичной заботы обоих полов, хотя и расходящимися путями. Для женщин проблема состояла в том, чтобы конституировать любовь как средство привязанности и саморазвития — в отношении детей в той же степени, что и в отношении мужчин. Утверждение женского сексуального наслаждения стало одной из форм базовой части реконституирования интимности, эмансипации столь же важной, как любое отстаивание в публичной сфере. Для мужчин сексуальная активность стала принудительной до той степени, в какой она оставалась изолированной от этих более скрытых изменений.

Сексуальная эмансипация

В кильватере работы Фуко предлагались версии сексуальной эмансипации, заметно отличающиеся от тех, что были предложены Райхом и Маркузе. По большей части они были вариациями темы пластической сексуальности. Как и можно было предполагать, «биологическое оправдание» гетеросексуальности как «нормальной» отпадало. То, что обыч-

но именовалось извращениями, — это просто способы, в которых может быть легитимно выражена сексуальность и определена самоидентичность. Осознание разнообразных сексуальных наклонностей соответствует принятию множества возможных жизненных стилей, которое является политическим жестом:

Говорящие извращения, вначале тщательно скрывааемые от широкой публики в томах ранних сексологов, стали весьма локальным разговором для них самих. У них больше не было нужды прибегать к чревоуещанию с помощью латыни и литературной прозы *Крафт-Эбинга* и *Хевилока Эллиса* или втягиваться в запутанные лабиринты переносов и встречных переносов аналитика и анализируемого. Они говорят для самих себя на улице, лоббируют через памфлеты, журналы и книги, через семиотику высокосексуализированных рядов, с помощью своих разработанных кодов ключей, цветов и одежд, в популярных медиа и в более заземленных деталях домашней жизни¹.

Подход «радикального плюрализма» — это эмансипаторная попытка, которая стремится разработать руководящие линии для сексуального выбора, но не провозглашает, что они представляют собою согласованные моральные принципы. Радикальное значение плюрализма извлекается не из его шокирующих эффектов — вряд ли что-либо еще уже может шокировать нас, — а из эффекта осознания того, что «нормальная сексуальность» — это просто один из типов жизненного стиля, который можно выбрать среди других. «Субъективные чувства, намерения и значения являются витальными элементами принятия решения о достоинствах того или иного вида деятельности. Решающим фактором является осведомленность о контексте ситуации, в которой совершается выбор»².

Сексуальный плюрализм, утверждают его адвокаты, мог бы стать не уступкой сексуальности, но мог бы предложить именно то, что Фуко предлагает как возможность преодоления преобладающего влияния, которое оказывает сексуальность на наши жизни.

Однако в том виде, как она формулируется, эта программа весьма неопределенна, и любая версия сексуального освобождения, которая делает акцент только на факторе выбора, сталкивается с целой батареей возражений. Значение и потенциальные возможности сексуальной эмансипации нуждаются в том, чтобы быть понятыми иным способом, хотя принятие легитимности пластической сексуальности — это, конечно, часть сути дела. В этом пункте могли бы помочь некоторые предварительные наблюдения. Ни одна точка зрения, которая противопоставляет

¹ *Jeffrey Weeks. Sexuality and Its Discontents.* — London: Routledge, 1985. — P. 213.

² *Ibid.* — P. 219.

энергию сексуальности дисциплинарным характеристикам современного социального порядка, вероятно, не будет иметь большой ценности. То же самое относится к тем, что представляются более эксцентричными или нетрадиционными формами сексуальности, таким как авангард, который будет громить цитадели ортодоксии, пока они не сдадутся. Наконец, если охватить сексуальный плюрализм общим взглядом, он должен предлагать больше, нежели разновидность каузального космополитизма, если в особенности не обращаться к другим проблемам, внутренне присущим сексуальности, включая гендерные различия и этику чистых отношений.

Я утверждал, что сексуальность обладает сегодня для нас такой важностью не вследствие ее значимости для систем контроля современности, а благодаря тому, что она является узловой точкой связи двух других процессов: секвестрация опыта и трансформация интимности. Отделение сексуальности от репродукции и социализация репродукции развиваются как вытеснение традиционных способов поведения со всем их моральным богатством — и их неустойчивостью гендерной власти — внутренне референтными порядками современности. В то же время то, что привыкли считать «естественным», становится во все возрастающей степени социализированным, и отчасти, как прямой результат этого, домены личностной деятельности и взаимодействия начинают фундаментально изменяться. Сексуальность служит метафорой этих изменений и является фокусом для их выражения, особенно в отношении рефлексивного проекта самости.

Секвестрация опыта отделяет индивидов от некоторых из главных референтных пунктов морали, посредством которых упорядочивалась жизнь в пре-модернистских культурах. В этих культурах отношение к природе и преемственности поколений координировалось традиционными формами практики и религиозно вдохновляемыми этическими кодами. Распространение внутренне референтных систем защищает индивида от возмущающих вопросов, которые ставят экзистенциальные параметры человеческой жизни, но оно оставляет эти вопросы без ответа. Сексуальность, как можно было бы предположить, приобретает свое непреодолимое качество вместе со своей аурой возбуждения и опасности, исходящими от того факта, что она приводит нас в контакт с этими утраченными сферами переживаний. Ее экстаз, или обещание его, имеет отголоски «этической страсти», трансцендентальный символизм которой обычно вдохновлял и, конечно, культивировал эротизм как отличающийся от сексуальности на службе репродукции и долго ассоциировавшийся с религиозностью.

Заключение

Как я уже говорил, немногие читают сегодня Райха или Маркузе. И все же характерное для них видение не-репрессивного порядка сохраняет определенное очарование, и не вполне ясно, почему эти представления должны быть просто преданы забвению. Сексуальность представляет собою территорию фундаментальной политической борьбы, а также средство эмансипации — в точности так, как это провозглашают сексуальные радикалы. Не-репрессивным, как подчеркивают и Райх, и Маркузе, будет такое общество, в котором сексуальность будет во все возрастающей степени освобождаться от принуждения. Поэтому эмансипация предполагает автономию действия в контексте обобщения пластической сексуальности. Она отделена от вседозволенности в той мере, в какой она создает этику личностной жизни, которая делает возможным соединение счастья, любви и уважения к другим.

Сексуальные радикалы предполагали, что двойной порядок революции будет необходимым до того, как мы даже начали обдумывать такое состояние дел. Общество будет должно претерпеть радикальный сдвиг, и необходима будет значительная степень психических изменений. И даже если так, как я предполагал, сексуальное подавление было, помимо всего прочего, делом социального секвестра в совокупности с гендерной властью. Нам нет нужды ни ждать социально-политической революции, чтобы следовать программам эмансипации, ни надеяться на то, что эта революция очень уж поможет их осуществлению. Революционные процессы уже успешно осуществляются в инфраструктуре личной жизни. Трансформация интимности оказывает давление на психическое, равно как и на социальное изменение, и такое изменение, идущее «снизу вверх», могло бы потенциально разветвляться через другие, более публичные институты.

Сексуальная эмансипация, как я думаю, может быть посредником широкомасштабной эмоциональной реорганизации социальной жизни. Однако конкретное значение эмансипации в этом контексте не являет собою независимый ряд психических качеств поведения, как полагают сексуальные радикалы. Это можно более эффективно понять процедурным путем — как возможность *радикальной демократизации* личностной сферы. На мой взгляд, тот, кто говорит о сексуальной эмансипации, говорит о сексуальной демократии. Здесь поставлена на карту не одна только сексуальность. Демократизация личной жизни, как потенциал, распространяется фундаментальным образом на дружеские отношения и, решающим образом, на отношения между родителями, детьми и другими родственниками.

Интимность как демократия

Демократизация частной сферы сегодня не только стоит на повестке дня, но и является подразумеваемым качеством всей личной жизни, которая проходит под эгидой чистых отношений. Поощрение демократии в публичном домене было первоначально в значительной мере мужским проектом, в котором женщины последовательно подвергались управлению — главным образом, посредством их борьбы за участие в этом процессе. Демократизация личной жизни — это менее видимый процесс, в частности именно потому, что он не находит своего проявления на публичной арене, но он в то же время имеет более глубокий смысл. Это процесс, в котором женщины играют первичную роль, даже если достигаемые в результате выгоды открыты каждому.

Значение демократии

Прежде всего: хуже было бы начинать рассмотрение того, что демократия означает или могла бы означать, в ортодоксальном смысле этого слова. Существует немало дискуссий о специфически демократическом представительстве и так далее, но сам я не затрагиваю здесь этих проблем. Если сравнивать различные подходы к политической демократии, то, как показал *Дэвид Хелд*, большинство из них имеют определенные общие элементы¹.

Они озабочены тем, чтобы обеспечить «свободные и равные отношения» между индивидами таким образом, чтобы достичь следующих результатов.

1. Создание таких обстоятельств, в которых люди могут развивать свои потенциальные возможности и выражать свои разнообразные качества. Ключевое возражение здесь состоит в том, что каждый

---

¹ Я довольно близко следую мысли Хелда в первой части этой главы. См.: *David Held. Models of Democracy.* — Cambridge: Polity, 1986.

индивид должен уважать возможности других, равно как и свою способность изучать и опровергать их склонности.

2. Защита от произвольного использования политического авторитета и подавляющей власти. Это предполагает, что принимаемые решения могут в некотором смысле быть предметом сделки между теми, на кого они оказывают влияние, даже если они принимаются на основах соотношения большинства и меньшинства.
3. Включенность индивидов в детерминированные условия их объединения. Предварительное условие в этом случае состоит в том, что индивиды принимают аутентичный и резонный характер суждений других индивидов.
4. Распространение (в оригинале — *expansion* (экспансия) — *примеч. перев.*) экономической возможности разработки доступных ресурсов, включая сюда предположение, что индивиды избавлены от времени физической нужды.

Эти различные идеи связывает понятие автономии. Автономия означает способность индивидов быть само-рефлексивными и само-детерминируемыми: «обдумывать, судить, выбирать и действовать различными возможными способами действия»¹.

Ясно, что в этом смысле автономия не могла бы развиваться в тех условиях, где политические права и обязанности были тесно связаны с традицией и фиксированными прерогативами собственности. По мере того как все они постепенно исчезали, становилось возможным и движение к автономии, рассматриваемой как нечто необходимое (то есть то, без чего невозможно обойтись — *примеч. перев.*).

Преобладающая забота о том, как индивиды могли бы наилучшим образом детерминировать и регулировать условия своей ассоциации, является характеристикой всех виртуально возможных интерпретаций современной демократии. Устремления, которые составляют тенденцию к автономии, могут быть резюмированы как генеральный принцип, «принцип автономии»: «...индивиды должны быть свободны и равны в детерминации условий своей собственной жизни; то есть они должны наслаждаться равными правами (и, соответственно, равными возможностями) в определении структуры и пределов доступных им возможностей в той мере, в какой эта структура не отвергает права других»².

¹ David Held. Models of Democracy. — Cambridge: Polity, 1986. — P. 270.

² Ibid. — P. 271.

Демократия, следовательно, подразумевает не просто право быть свободным и равное саморазвитие, но также конституционное ограничение распределительной власти. «Свобода сильного» должна быть ограничена, но это не отрицание власти вообще, как это имеет место в случае анархизма. Власть оправдана до той степени, в какой она признает принцип автономии; другими словами, в той степени, в какой могут быть приведены доводы в пользу того, что согласие улучшит автономию теперь или в будущем. Конституционную власть можно понимать как имплицитный контракт, который имеет ту же форму, как и условия ассоциации, эксплицитно оговоренные между равными партнерами.

Вряд ли будет возможен принцип автономии без того, чтобы каким-то образом не оговорить условия ее реализации. Каковы эти условия? Одно из них состоит в том, что должно соблюдаться равенство в оказании влияния на результаты принятия решений — в политической сфере этого обычно добиваются с помощью правила «один человек — один голос». Выраженные предпочтения всех индивидов должны иметь равные ранги, а при направлении в определенные инстанции для квалификационной оценки каждый из них должен быть уверен в существовании справедливого арбитра. Столь же эффективным должно быть само участие: индивидам должны быть предоставлены средства для того, чтобы их голос был услышан.

Должна быть предоставлена трибуна для проведения свободной дискуссии. Демократия означает дискуссию, возможность использования «силы лучшего аргумента» для учета при определении решения (наиболее важными из которых являются решения политические). Демократический порядок обеспечивает существование институциональных организаций для посредничества, сделок и достижения компромисса там, где это необходимо. Проведение открытой дискуссии — это само по себе средство демократического образования: участие в дебатах с другими может привести к возникновению более просвещенного гражданства. В какой-то своей части это должно быть следствием расширения познавательных горизонтов индивида. Но это проистекает также из признания легитимного разнообразия — то есть плюрализма — и из повышения уровня эмоциональной образованности. Политически образованный участник диалога способен канализировать свои эмоции позитивным образом: скорее рассуждать, доказывая свои убеждения, нежели втягиваться в болезненные размышления через полемику или эмоциональную критику.

Следующей базовой характеристикой демократического образа правления является публичная подотчетность. В любой политической системе

принятие политических решений часто должно разделяться с другими. Публичная дискуссия становится нормальной лишь в связи с определенными проблемами или при особом стечении обстоятельств. Однако принимаемые решения или разрабатываемая политика должны быть открыты взгляду общественности. Подотчетность никогда не может быть непрерывной и потому должна идти в тандеме с доверием. Доверие, когда оно исходит от подотчетности и открытости, а также покровительствует им, является красной нитью, пронизывающей весь демократический порядок. Это — решающий компонент политической легитимности.

Институционализация принципа автономии означает точное определение прав и обязанностей, которые должны быть действительными, а не просто формальными. Права определяют привилегии, которые приходят вместе с членством в политической системе, но они указывают также на те обязанности, которые индивиды имеют *vis-à-vis* с любым другим и самим политическим порядком. Права являются сущностными формами уполномочивания; они обеспечивают механизмы. Обязанности определяют ту цену, которая должна быть уплачена за соответствующие права. В демократической политической системе права и обязанности являются предметом договора и никогда не могут просто предполагаться — в этом отношении они решающим образом отличаются от средневекового *droit de seigneur* (*право сеньора* (напр., так называемое «право первой ночи») — *примеч. перев.*) или других прав, устанавливаемых просто в силу социальной позиции индивида. Права и обязанности, таким образом, должны стать центром непрерывного рефлексивного внимания.

Демократия, и это должно быть подчеркнуто, не есть одинаковость, как это часто утверждают ее критики. Она не является врагом плюрализма. Скорее, как предполагалось выше, принцип автономии поощряет различие — хотя он настаивает на том, что различие не должно быть наказуемым. Демократия — это враг привилегий, где привилегия определяется как удерживание прав или обладание благами, доступ к которым не является справедливым и равным для всех членов общины. Демократический порядок не подразумевает общий для всех процесс «снижения уровня», а обеспечивает развитие индивидуальности.

Идеалы — это не реальность. Насколько мог бы любой конкретный политический режим развить такой тип в полной мере, представляется проблематичным. В таком смысле в этих идеях присутствуют утопические элементы. С другой стороны, можно было бы также утверждать, что характерная тенденция развития современных обществ движется к их

реализации. Другими словами, это качество утопизма сбалансировано ясным компонентом реализма¹.

Демократизация личной жизни

Возможность интимности означает обещание демократии: это та тема, которую я предполагал в предыдущих главах. Структуральным источником этого обещания является возникновение чистых отношений не только в сфере сексуальности, но также в отношениях родители–дети и других формах родства и дружбы. Мы можем рассмотреть развитие этического аспекта демократического личностного порядка, который в сексуальных отношениях и других личностных доменах соответствует модели любви-слияния.

Как и в публичной сфере, дистанция между идеалами и реальностью в интимной жизни бывает довольно значительной. В частности, на арене гетеросексуальных отношений, как указывалось в предыдущих главах, здесь существуют глубокие источники напряженности. На этом пути стоят глубокие психологические, равно как и экономические, различия между полами. И все же утопизм здесь опять же без труда может быть компенсирован реализмом. Те изменения, которые помогли трансформировать личностное окружение действия, уже основательно продвинуты и имеют тенденцию к реализации демократических качеств.

Принцип автономии дает путеводную нить и наиболее важный существенный компонент этих процессов. В сфере личной жизни автономия означает успешную реализацию рефлексивного проекта самости — условия отношений с другими эгалитарным образом. Рефлексивный проект самости должен быть разработан таким образом, чтобы позволить автономии относительно прошлого, что, в свою очередь, облегчит колонизацию будущего. Представляемая подобным образом само-автономия допускает такое уважение к возможностям других, которое является внутренне присущим для демократического порядка. Именно таким образом способен обращаться с другими автономный индивид, который осознает, что развитие их потенциальных возможностей не является угрозой для него. Автономия помогает также обеспечить личные границы, требуемые для успешного управления отношениями. Такие границы переступаются всякий раз, когда одна личность использует другую как средство разыгрывания старых психологических диспозиций,

¹ *Anthony Giddens. The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity, 1990. — P. 154–158.*

или там, где выстраивается взаимное принуждение, как это бывает в случае созависимости.

Второе и третье условия демократии, отмеченные выше, имеют прямое отношение к демократизации личной жизни. Насильственные и оскорбительные отношения являются весьма обычным делом в сексуальном домене, а также между взрослыми и детьми. По большей части это насилие исходит от мужчин и направлено против тех, кто слабее них. В качестве эмансипирующего идеала демократии запрет насилия имеет базовую важность. Однако подавляющие воздействия в отношениях, очевидно, могут принимать и иные формы, нежели физическое насилие. Индивиды, к примеру, могут быть склонны к тому, чтобы предпринимать эмоциональные или вербальные оскорбления друг друга. Избежание эмоционального оскорбления — это, возможно, наиболее трудный аспект уравнивания власти в отношениях; но руководящим принципом здесь является явное уважение независимых взглядов и личностных черт другого. «Без уважения, — как утверждает одно из руководств в области интимности, — уши становятся глухими, аттитюды раздражительными, и постепенно вы перестаете понимать, что же вы делаете, продолжая жить с кем-то настолько некомпетентным, глупым, непадежным, бесчувственным, уродливым, вонючим, неопрятным... Это заставляет вас удивляться, почему же вы выбрали своего партнера. Я, должно быть, выжил из ума»¹.

«Включенность индивидов в определение условий своей ассоциации» — это положение служит примером идеалов чистых отношений. Оно выражает первичное различие между традиционным и нынешним браком и касается сердцевины демократических возможностей трансформации интимности. Оно, конечно, применимо не только к инициации отношений, но и к присущей им рефлексивности на всем ее протяжении или их прекращению. Не только уважение к другому, но и открытость самой этой личности — вот что требуется для принятия этого критерия. Индивид, чьи подлинные намерения скрыты от партнера, не может предложить тех качеств, которые необходимы для кооперативной детерминации условий отношений. Любой и каждый терапевтический текст по проблемам взаимоотношений продемонстрирует, почему оскорбление другого — в качестве скорее средства коммуникации, нежели эмоциональной разрядки — выступает ограничивающим фактором демократически упорядоченного взаимодействия.

¹ C. Edward Crowther. *Intimacy. Strategies for Successful Relationships.* — New York: Dell, 1988. — P. 45.

Права и обязанности: как я пытался прояснить, в какой-то степени они определяют то, чем в действительности является интимность. Интимность следует понимать не как интеракциональное описание, а как кластер прерогатив и ответственности, которые определяют планы (в оригинале — *agendas* — *примеч. перев.*) практической деятельности.

Важность прав как средства достижения интимности можно легко понять из борьбы женщин за достижение равного статуса в браке. Возьмем один лишь пример — право женщины на инициативу в разводе, которое выглядит только негативной санкцией, в действительности имеет основной уравнивающий эффект. Его уравнивающие последствия делают больше, нежели предоставление возможности спасения от подавляющих отношений. Они ограничивают способность мужа насаждать свое превосходство и, благодаря этому, вносят свой вклад в перевод подавляющей власти в эгалитарную коммуникацию.

Никаких прав без обязанностей — эта элементарная заповедь политической демократии применима также к сфере чистых отношений. Права помогают устранить власть произвола лишь в той мере, в какой они несут ответственность по отношению к другим, которые приводят привилегии в равновесие с обязанностями. В отношениях, как и везде, с обязанностями следует обращаться как с доступными пересмотру в свете договоров, заключаемых в их рамках.

А как насчет подотчетности и ее связи с властью? И подотчетность, и власть — там, где она существует, — в чистых отношениях глубоко связаны с доверием. Доверие без подотчетности становится, вероятно, односторонним, то есть незаметно переходит в зависимость; подотчетность без доверия невозможна, потому что оно будет означать непрерывный испытующий взгляд на мотивы и действия другого. Доверие влечет за собой ощущение надежности другого — в соответствии с «кредитом», который не требует непрерывного аудита, но который может быть сделан открытым для периодической инспекции, если это необходимо. Быть оцениваемым как заслуживающий доверия со стороны другого — это признание личностной целостности, но в эгалитарной обстановке такая целостность означает также открытые причины для действий, если к ним взывают, и фактически — для любых действий, которые оказывают влияние на жизнь другого.

Власть в чистых отношениях между взрослыми существует как «специализация», где одна личность обладает специально развитыми способностями, которых недостает другому. Здесь нельзя говорить о власти над другим в том же смысле, как в отношениях взрослые — дети, особенно в тех случаях, когда в эти отношения включены очень маленькие дети.

Могут ли быть демократичными отношения между родителем и очень маленьким ребенком? Это может и должно быть именно в том смысле, как это справедливо для демократического политического порядка¹.

Другими словами, это право ребенка на то, чтобы с ним обращались как с предположительно равным взрослым. Действия, относительно которых нельзя прямо договориться с ребенком, поскольку он или она слишком молод, чтобы осознавать их последствия, должны быть доступны оценке с сопоставлением фактов. Предположение состоит в том, что соглашение могло бы быть достигнуто и доверие могло бы поддерживаться, если бы дети были в достаточной степени автономны, чтобы развернуть аргументацию на равной со взрослыми основе.

Механизмы

В политической сфере демократия включает в себя создание конституции и обычно — форума для публичных дискуссий по политическим проблемам. Каковы эквивалентные механизмы в контексте чистых отношений? Насколько принято в гетеросексуальных отношениях, брачный контракт обычно был своеобразным биллем о правах, который существенным образом формализовал «раздельную, но неравную» природу этой связи. Перевод брака скорее в сигнифайер приверженности, нежели в его детерминанту, радикально изменяет эту ситуацию. Все отношения, которые приближаются к чистой форме, поддерживают имплицитный «ролевой контракт», к которому может взывать любой из партнеров, когда возникают ситуации несправедливости или подавления. Роловой контракт — это устройство, которое является основополагающим, но открытым для переговоров, обсуждения природы этих отношений.

Вот «книга правил», составленная как самоучитель и предназначенная для того, чтобы помочь женщинам развивать более удовлетворительные гетеросексуальные отношения. Как полагает автор, женщине необходимо прежде всего составить каталог проблем, которые возникли у нее в предшествующих отношениях — тех, в которых, по ее мнению, была виновата главным образом она сама, и тех, которые исходили от ее прежних любовников. Она должна разделять книгу правил со своим партнером, который должен разработать и для себя ряд правил, сходящийся к тем же пунктам.

¹ *Allison James and Alan Prout. Constructing and Reconstructing Childhood. — Basingstoke: Falmer, 1990. «Новая парадигма», которую предлагают Джеймс и Праут для изучения детства, близко соотносится с развиваемыми здесь идеями.*

П р а в и л о 1: Когда я обнаруживаю, что пытаюсь произвести впечатление на мужчину, который мне нравится, разговаривая так много о себе, что не задаю ему каких-либо вопросов, я остановлюсь и сосредоточусь на вопросе о том, тот ли это мужчина, что нужен мне (в оригинале — *...whether he is right for me* (дословно: правильный ли он для меня) — *примеч. перев.*).

П р а в и л о 2: Я скорее буду выражать свои негативные чувства по мере того, как я осознаю их, нежели буду дожидаться, пока они окрепнут, — даже если это означает расстроить моего партнера.

П р а в и л о 3: Я буду работать над исцелением от своих отношений с моим бывшим мужем, взирая на то, как я выстраиваю свою ранимость, и я не буду говорить о нем в том духе, как если бы я была жертвой, а он — злодеем.

П р а в и л о 4: Когда мои чувства задеты, я скорее скажу своему партнеру, что именно я чувствую, нежели буду дуться как маленькая девочка.

П р а в и л о 5: Когда я обнаружу, что заполняю свои бланки («мертвые» зоны в отношениях), я остановлюсь и задамсь вопросом, не слишком ли сильно оплатит за это позднее мой партнер. Если нет, то я скорее попрошу его о том, в чем нуждаюсь, нежели попытаюсь сделать это сама.

П р а в и л о 6: Когда я обнаружу, что даю непрошенные советы или обращаюсь со своим партнером как с мальчишкой, я остановлюсь, сделаю глубокий вдох и позволю ему решать все самому, пока он не попросит о помощи¹.

Такой перечень может, на первый взгляд, смущать, выглядеть не только ошеломляюще наивным, но и совершенно непродуктивным (в оригинале еще сильнее: *counter-productive* (т. е. анти-продуктивный) — *примеч. перев.*).

Потому что здесь установление правил как таковых, как внушает нам *Виттгенштейн*, изменяет свою природу. Можно утверждать, что выставление таких предписаний напоказ могло бы лишить их любой возможности оказать позитивное воздействие, потому что они могли бы оказать гармонизирующее влияние на отношения лишь в том случае, если они принимаются как нечто само собой разумеющееся. И все же такой взгляд, как я думаю, упускает из виду главное. Дифференциальная власть, которая откладывается в социальной жизни, вероятно, остается неизменной, если индивиды рефлексивно отказываются исследовать

¹ *Barbara De Angelis. Secrets About Men Every Woman Should Know. — London: Thorsons, 1990. — P. 274.*

свое собственное поведение и его имплицитные оправдания. Однако такие правила, как бы незамысловато они ни выглядели, если их успешно применять, помогают оторвать действия индивидов от бессознательно организуемой властной игры. В принципе, они служат тому, чтобы генерировать возрастающую автономию в то самое время, как они требуют уважения от другого.

Ролевой контракт не действует в этических абсолютах. Он извлекается из специфического «перечня проблем», где прежде имелись «негативы». Личность, о которой идет речь, почувствовала, что она чрезмерно озабочена тем, чтобы произвести впечатление на мужчину, в котором она заинтересована, боится расстроить партнера, стремилась относиться к нему по-матерински и так далее. Конечно, «конституция» такого рода только тогда является демократической, когда она интегрирована с другими элементами, упомянутыми выше; она должна отражать встречу автономных и равных личностей.

Императив свободной и открытой коммуникации является обязательным условием (в оригинале — *sine qua non* — *примеч. перев.*) чистых отношений; связь является ее собственным форумом.

В этом пункте мы замкнули полный круг. Само-автономия, разрыв с принудительностью, является условием открытого диалога с другим. Такой диалог, в свою очередь, является посредником выражения индивидуальных потребностей, равно как и средством, с помощью которого рефлексивно организуются отношения.

Демократия безрадостна, секс возбуждает, хотя, вероятно, немногие взяли бы утверждать противоположное. Какое отношение имеют демократические нормы к самому по себе сексуальному опыту? Это суть вопроса сексуальной эмансипации. В сущности, такие нормы отлучают сексуальность от распределительной власти, помимо всего прочего — от власти фаллоса. Демократия, подразумеваемая в трансформации интимности, включает в себя «радикальный плюрализм», но также и превосходит его. Для сексуальной активности не устанавливается никаких пределов, кроме тех, что вызваны обобщением принципа автономии и договорных норм чистых отношений. Сексуальная эмансипация состоит в объединении пластической сексуальности с рефлексивным проектом самости. Поэтому нет необходимости, например, накладывать запрет на эпизодическую сексуальность, коль скоро всеми сторонами поддерживаются принцип автономии и другие соотносящиеся нормы. С другой стороны, там, где такая сексуальность тайно или как-то иначе используется как способ эксплуататорского господства, или там, где она выражает подавление, она не достигает идеала эмансипации.

Политическая демократия подразумевает, что индивиды располагают ресурсами, достаточными для того, чтобы автономным образом участвовать в демократическом процессе. То же самое применимо и к сфере чистых отношений, хотя здесь, как и в случае с политикой, важно избежать экономического редуционизма. Демократические устремления не означают равенства ресурсов, но они явственно развиваются в этом направлении. Они включают в рамки хартии о правах и ресурсы, оговариваемые как определяющую часть отношений. Важность этого предписания в рамках гетеросексуальных отношений весьма очевидна, будучи задаваемой неравенством в экономических ресурсах, доступных мужчинам и женщинам, и в ответственности за уход за детьми и за домашнюю работу. Демократическая модель предполагает равенство в этих областях; целью, однако, будет не столько обязательный паритет, сколько справедливая организация, оговариваемая в соответствии с принципом автономии. Будет оговариваться определенный баланс задач и вознаграждений, который каждый найдет приемлемым для себя. Может устанавливаться разделение труда, но не просто наследуемое на основе предустановленных критериев или налагаемое неравенством экономических ресурсов, привносимых в отношения.

В более широком обществе существуют структурные условия, которые проникают в сердцевину чистых отношений; и наоборот, то, каким именно образом упорядочиваются такие отношения, имеет свои последствия для более широкого социального порядка. Демократизация в публичной сфере, и не только на уровне национального государства, обеспечивает существенные условия для демократизации личных отношений. Но применимо и обратное. Продвижение само-автономии в чистых отношениях наполнено подразумеваемыми смыслами для демократической практики в более широкой общине.

Существует симметрия между демократизацией личной жизни и демократическими возможностями в глобальном политическом порядке на самом обширном уровне. Рассмотрим различие между позиционной сделкой и принципиальным договором, отчетливо выделяющимся в анализе глобальных стратегий и сегодняшних конфликтов. В позиционной сделке, которая может быть приравнена к личным отношениям, в которых недостает интимности, каждая сторона подходит к договору, занимая крайнюю позицию. Путем обоюдных угроз и игры на изнурение одна или другая сторона сдается и результат достигается — если переговорный процесс к этому времени не рухнет окончательно. Глобальные отношения, устанавливаемые более демократичным образом, будут продвигаться к принципиальной договоренности. Здесь взаимодействие

сторон начинается с попытки раскрыть озабоченности и интересы друг друга, идентифицируя ряд возможных вариантов, прежде чем они будут сведены к немногим. Проблема, подлежащая решению, отделяется от антагонизмов друг к другу, так что становится возможно удостовериться в сути переговоров в ходе того, как становятся уверенными в другом и преисполняются уважением к нему. Короче говоря, как и в личностной сфере, различие может стать средством коммуникации.

Сексуальность, эмансипация, жизненная политика

Никому неизвестно, будет ли на глобальном уровне развиваться система демократических институтов, или же, наоборот, мировые политики соскользнут к деструктивности, что могло бы представлять собою угрозу планете в целом. Никто не знает, не станут ли сексуальные отношения пустыней неустойчивых связей, отмеченных эмоциональной антипатией в той же мере, что и любовью, и покрытых рубцами насилия. В любом случае есть хорошие основания для оптимизма, но в культуре, которая отказалась от провиденциализма (*providentialism* — вера в провидение, предопределенность — *примеч. перев.*), черты будущего должны вырабатываться на фоне осознаваемого риска.

Открытая природа глобальных проектов современности имеет реальные корреляты в неопределенных результатах повседневных социальных экспериментов, которые являются предметом рассмотрения этой книги.

Что можно сказать с какой-то степенью определенности, так это то, что демократии недостаточно. Политика эмансипации — это политика внутренне соотносящихся систем современности; она ориентирована на контроль распределительной власти и не может вступать в столкновение с властью в ее порождающем родовом аспекте. Она оставляет в стороне многие из вопросов, поставленных ограничением (в оригинале — *sequestration* — *примеч. перев.*) опыта.

Сексуальность имеет огромную важность в современной цивилизации, потому что она является точкой контакта со всем, что предшествовало технической безопасности, которую должна предлагать повседневная жизнь. Ее ассоциация со смертью стала для нас столь же причудливой и почти немислимой, как кажется очевидной ее переплетенность с жизнью. Сексуальность оказалась заключенной в рамки поиска самоидентичности, которую сама по себе сексуальная активность может заполнять лишь на мгновения. «Склони свою сонную голову, мой любимый человек, на мою ненадежную руку»: столь много сексуальности

являет собою фрустрированная любовь, обреченная бесконечно отыскивать различия в схожести анатомии и физического отклика.

В вызываемой сексуальностью напряженности, возникающей между приватизацией страсти и насыщенностью публичной сферы, равно как и в некоторых конфликтах, разделяющих сегодня мужчин и женщин, мы можем увидеть постановку в повестку дня новых вопросов. В частности, в своих связях с гендером сексуальность дала толчок развитию политике личного — фраза, которая останется непонятой, если связывать ее только с эмансипацией. Мы определяем понятие жизненной политики¹ скорее как политику жизненного стиля (в оригинале — *lifestyle* — *примеч. перев.*), действующую в контексте институциональной рефлексивности.

Оно относится не к тому, чтобы «политизировать» — в узком смысле этого понятия — решения, связанные со стилем жизни, но к тому, чтобы ре-морализировать их или, выражаясь более точно, поднять на поверхность те моральные и экзистенциальные проблемы, которые ограничение опыта оттолкнуло от повседневной жизни. Это проблемы, которые растворяют в себе абстрактную философию, этические идеи и очень практические заботы.

Периферия жизненной политики охватывает множество различных проблем. Одна из них — это самоидентификация как таковая. Рефлексивный проект самости. В той мере, в какой он фокусируется на жизненном пространстве, рассматриваемом как внутренне соотнесенная система, — ориентирован только на контроль. Он не имеет иной морали, нежели аутентичность, современная версия старой максимы «мешать самому себе быть правдивым». Однако сегодня заданный истечением традиции вопрос «Кем я буду?» неразрывно связан с вопросом «Как я буду жить?». Здесь представлено множество вопросов, но в той мере, в какой это касается сексуальности, наиболее очевидным является вопрос о сексуальной идентичности.

Можно было бы подумать, что чем больше достигнутый уровень равенства между полами, тем более вероятно, что существовавшие прежде формы маскулинности и феминности конвергируют к некой единой андрогинной модели. Это может быть так или не так и задается возрожденным различием в текущей сексуальной политике, но это в любом случае лишено значения, если не попытаться определить содержание андрогинии, что является делом решения вопроса о ценностях. Поэтому возникающие дилеммы были скрыты, пока сексуальная идентичность являлась

¹ *Anthony Giddens. Modernity and Self-Identity. — Cambridge: Polity, 1991, ch. 7.*

структурированной с точки зрения полового различия. Бинарный код мужчины и женщины, который допускал фактически не связанные случаи, приписывал гендер полу, как если бы они были одним и тем же. В таком случае атрибуты гендера были бы представлены следующим образом.

1. Предполагалось, что каждый индивид является или мужчиной, или женщиной без всяких промежуточных состояний «между ними».
2. Физические характеристики и черты поведения индивидов интерпретировались как маскулинные и феминные в соответствии с господствующей гендерной схемой.
3. Гендерные признаки рутинным образом сравнивались и оценивались в рамках допустимых паттернов гендерно-статусного поведения.
4. Конституируемые и ре-конституируемые таким образом гендерные различия применялись для конкретизации сексуальных идентичностей, причем «кросс-гендерные элементы» отфильтровывались.
5. Актеры контролировали свой внешний вид и поведение в соответствии с «природно заданной» сексуальной идентичностью¹.

Сила, с которой все еще ощущаются эти влияния, проявляется в том факте, что мужской трансвестизм обычно стигматизируется, несмотря на то что он больше не рассматривается в психиатрической литературе как перверсия. Более интересным, поскольку он выглядит даже более двусмысленно, является случай тех женщин, которые культивируют внешний вид мужественности. В этом отношении нынешние нормы внешнего вида, манеры поведения и одежды в современных обществах позволяют женщинам более близкое сходство с мужчинами, нежели что-либо другое. И все же имеет место тенденция усиления дуализма: если личность не является «реально» мужчиной, тогда она должна быть женщиной. Женщины, которые отказываются выглядеть «феминно», обнаруживают, что чувствуют себя постоянно обеспокоенными.

Я не буду надевать платьев и делать макияж или носить дамскую сумочку и не собираюсь вести себя более женственно. Мой бойфренд говорил мне, что из-за этого люди смотрят на меня как на ненормальную, и я знаю это, но я отказываюсь делать все это. Я не буду чувствовать себя комфортно в платье. Я не смогу сесть так, как я сижу сейчас. Подобно тому, как и вы привыкли

¹ *Holly Devor. Gender Bending. Confronting the Limits of Duality.* — Bloomington: Indiana University Press, 1989. — P. 147–149.

ходить определенным образом. А косметика — это такое убийственное неудобство¹.

Комбинация несбалансированной гендерной власти и укоренившихся психологических предрасположенностей вполне твердо удерживает на месте дуалистические половые разделения; но, в принципе, все может быть организовано совершенно иначе. Анатомия перестает быть неизбежностью, сексуальная идентичность все более и более становится вопросом жизненного стиля. Половые различия, во всяком случае, в ближайшем будущем, все еще будут связаны с механизмами воспроизводства особей; но для них более не имеется основательных причин приспособляться к явному перелому в поведении и аттитюдах. Сексуальная идентичность могла бы формироваться через разнообразные конфигурации характеристик, связывающих внешность, манеры и поведение. Вопрос андрогинности (в оригинале — *androgyny* (здесь в смысле — гермафродитизма) — *примеч. перев.*) будет ставиться с точки зрения того, что могло бы расцениваться как желательное поведение — и ничего более.

Проблема сексуальной идентичности — это вопрос, который требует продолжительной дискуссии. Однако может показаться весьма вероятным, что одним из элементов ее могло бы быть то, что *Джон Штольтенберг* назвал «отказом быть мужчиной»².

Отрицание мужественности — это не то же самое, что поощрение феминности. Это опять же задача этической конструкции, которая соотносится — и не только в сексуальной идентичности, но и, более широко, в самондентичности — с заинтересованностью в других. Пенис существует; мужской секс — это всего лишь фаллос, центр индивидуальности в маскулинности. Идея о том, что существуют убеждения и действия, которые правильны для мужчины и неправильны для женщины, и наоборот, вероятно, страдает прогрессирующим сведением фаллоса к пенису.

С развитием современных обществ контроль над социальным и природным мирами, что составляет мужскую сферу, стал фокусироваться через «разум». Так же, как разум, руководимый дисциплинированными исследованиями, отдалялся от традиции и догмы, он отдалялся и от эмоции. Как я уже говорил, это предполагало не столько массивный психологический процесс подавления, сколько институциональное

¹ *Holly Devor. Gender Bending. Confronting the Limits of Duality.* — Bloomington: Indiana University Press, 1989. — P. 128.

² *John Stoltenberg. Refusing to be a Man.* — London: Fontana, 1990.

разделение между разумом и эмоцией, разделение, которое близко следовало за гендерными линиями. Идентификация женщин с неразумностью, будь то в серьезном духе (безумие) или менее очевидным с логической точки зрения способом (женщины как капризные создания), обратила их в эмоциональных подсобных работников (в оригинале — *underlabourers* — *примеч. перев.*) современности.

В соответствии с этим эмоциональным подходом и инспирированные им социальные отношения — ненависть, равно как и любовь, — стали выглядеть как сопротивляющиеся этическим соображениям. Разум в этике урезан вследствие трудности нахождения эмпирических аргументов для оправдания моральных убеждений; однако это происходит также и вследствие того, что моральные суждения и эмоциональные чувства начинают расцениваться как антитезы. Безумие и каприз — не нужно много усилий, чтобы увидеть, насколько чужды они моральным императивам.

3. *Фрейд* запово открыл эмоцию — через свои интерпретации женской психологии, — но в его размышлениях она осталась связанной с диктатом разума, однако было показано, что значительная часть познания управляется подземными силами подсознания. «Ничто не возмущает чувства... столь же сильно, как размышления»: другой стороной разума остается эмоция с ее возрастающей каузальной мощью. Нет никакой связи между эмоцией и этикой; возможно, они отодвигаются еще дальше друг от друга, поскольку тема «где буду я, там будет эго» предполагает, что сфера рационального может быть существенно расширена. Поэтому если этические императивы существуют, их нужно искать в публичном домене; но там оказывается трудно продемонстрировать их валидность, и они остаются уязвимыми в отношении власти.

Страстная любовь первоначально была одной среди других страстей, испытывавших на себе влияние религии. Страсти могут быть наиболее эмоциональными склонностями, но в современном обществе страсть сужается до сексуальной сферы и там она становится все более и более приглушенной в своем выражении. Сегодня страсть становится чем-то таким, что допускается со смущением или неохотой даже в отношении самого сексуального поведения, отчасти вследствие того, что ее место как «неодолимой силы» было узурпировано пагубным пристрастием.

Для страсти нет места в рутинизированной обстановке, обеспечивающей нам безопасность в современной социальной жизни. И все же — кто сможет прожить без страсти, если мы рассматриваем ее как движущую силу убеждения? Эмоция и мотивация изначально связаны. Сегодня мы думаем о мотивации как о «рациональной» — движимой,

к примеру, у предпринимателя преследованием выгоды, — но если эмоция в целом сопротивляется рациональной оценке и этическому оправданию, мотивы никогда не могут расцениваться исключительно как средство достижения цели или с точки зрения их последствий. Именно это рассматривал Вебер, интерпретируя мотивы ранних индустриалистов как возбуждаемые религиозными убеждениями. Однако, поступая так, Вебер принимал это как данное и даже возвышал до статуса эпистемологии то, что является отчетливо проблематичным в современности: невозможность оценки эмоции.

Рассматриваемая как вопрос жизненной политики, проблема эмоций — это не проблема возрождения страсти, а развития этических руководств для оценки или оправдания убежденности. Терапевт говорит: «Прикасайтесь к своим чувствам». И все же в этой оценке терапия находится в молчаливом согласии с современностью. Указание, которое подразумевается при этом, могло бы звучать так: «Оценивайте ваши чувства», и такое требование не может быть делом одного лишь психологического раппорта. Эмоции — это не суждения, а предрасположенное поведение, стимулируемое эмоциональными откликами; оценивать чувства — значит, запрашивать критерии, на основании которых выносятся такие суждения.

На нынешнем этапе развития современности эмоция многочисленными путями становится вопросом жизненной политики. В сфере сексуальности эмоция как средство коммуникации, как приверженность другим и сотрудничество с ними является особенно важной. Модель любви-слияния предполагает этический каркас воспитания не-деструктивной эмоции в поведении индивида и общинной жизни. Она обеспечивает возможность возрождения эротики — не в качестве профессиональных умений нечистых женщин, а в качестве родового качества сексуальности в социальных отношениях, формируемого скорее через взаимность, нежели через неравную власть. Эротизм — это культивация чувств, выражаемых через телесное ощущение в коммуникативном сексе; искусство давать и получать наслаждение. Будучи отделенным от дифференциальной власти, он может оживить те эстетические качества, о которых говорил Маркузе.

Определяемая подобным образом эротика противостоит всем формам эмоциональной инструментальности в сексуальных отношениях. Эротизм — это сексуальность, ре-интегрированная в широком спектре эмоциональных целей, среди которых первостепенной является коммуникация. С точки зрения утопического реализма, эротизм избавляется от триумфа желания, который многим авторам, от Сада до Баталя,

видится как стремление выделить свою особость. Интерпретируемая не в качестве диагноза, а как критика, вселенная де Сада является антиутопией, которая раскрывает возможность существования своей противоположности.

Сексуальность и воспроизводство в прошлом структурировали друг друга. До тех пор пока она не стала глубоко социализированной, репродукция была внешней по отношению к социальной активности как биологический феномен; она организовывала систему родства, равно как и сама организовывалась ею, и она связывала жизнь индивида с преемственностью поколений. Будучи прямо связанной с воспроизводством, сексуальность выступала посредником с трансцендентностью (в оригинале — *transcendence* — *примеч. перев.*).

Сексуальная активность выковала связь с конечностью существования (в оригинале — *finitude* — *примеч. перев.*) индивида и в то же самое время несла в себе обещание ее иррелевантности (в оригинале — *irrelevance* (в смысле — неуместность) — *примеч. перев.*); потому что рассматриваемая в отношении цикла поколений, индивидуальная жизнь была частью более широкого символического порядка.

Для нас сексуальность все еще несет в себе отголосок трансцендентного. И все же она обязана быть окруженной аурой ностальгии и разочарования. Цивилизация, увлеченная сексуальностью, это такая цивилизация, где смерть становится лишенной своего значения; жизненная политика в этой точке подразумевает обновление духовности. С этой точки зрения сексуальность является не антитезой цивилизации, посвятившей себя экономическому росту и техническому контролю, а воплощением ее неудачи.